

*Герои «Эммы»
Джейн Остен
снова с нами!*

Дэсоан

АЙКЕН

Джейн и Эмма

Машинистка

«Эмма». Лучший роман Джейн Остен. Когда-то очаровательная Эмма Вудхаус покорила читателей всего мира — и, конечно, скромная, обаятельная Джейн Фэрфакс, ее подруга, оказалась в тени главной героини. Пора восстановить справедливость! Талантливая Джоан Айкен рассказывает почти ту же историю, но с точки зрения Джейн Фэрфакс. И просто поразительно, как из множества противоречий и недоразумений вырастает прекрасный цветок чистой и сильной взаимной любви...

- [Джоан Айкен](#)
 - [Книга первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Книга вторая](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
-
-

На свадьбе мисс Джейн Бейтс и лейтенанта Фэрфакса все предзнаменования были добрыми: церковные колокола звонили, солнце ярко светило, женщины махали платочками. Но приметы оказались обманчивыми, поскольку лейтенант — отличный офицер и в высшей степени достойный молодой человек — имел несчастье уже через три недели после свадьбы отправиться за море вместе с полком, где был убит в бою. Его молодая вдова, вскоре зачахшая от горя, поручила заботу об оставшемся без отца ребенке своим престарелым родителям, потому что лейтенант Фэрфакс был сиротой.

Преподобный Джордж Бейтс, викарий в Хайбери, находившийся в то время уже в преклонных годах и имевший слабое здоровье, не вынес непривычного напряжения и нагрузки, свалившейся на него из-за появления в его скромном доме подвижной четырехлетней девочки, и вскоре умер от приступа легочной болезни, которой всегда был подвержен. Его вдова и незамужняя дочь (намного старше Джейн) были вынуждены выехать из дома священника, а поскольку он, человек большого ума, но не здравого рассудка, склонный к импульсивной бездумной щедрости, оставил семью почти без средств, их новое жилище оказалось убогим: второй этаж маленького дома в центре деревни Хайбери. Первый этаж был занят работающим людом (там была цирюльня); сада вокруг дома не было. Правда, сама деревня располагалась в очень приятном месте красивейшего графства Суррей, и беспокойство, что девочка могла унаследовать слабые легкие, отправившие в могилу ее несчастную мать и деда, со временем ослабело. Безумно обожающая девочку бабушка и глубоко привязанная к ней тетя делали все, что могли, и никто не сомневался, что маленькая Джейн останется в Хайбери, наученная лишь тому, что позволяли крайне ограниченные средства, выросшая без преимуществ, даваемых связями, и возможности улучшить то, что ей дала природа: живой ум и приятную внешность.

То, что возможности и способности девочки оказались выше средних, было фактом, не оставшимся незамеченным ни любящими родственниками, ни более беспристрастными и проницательными соседями; и вскоре ее семейству поступили вполне достойные, совсем не оскорбительные предложения. Миссис Прайор, супруга нового викария, четырех ребятишек которой унесла холера, была готова научить Джейн грамоте и таблице умножения, считая девочку послушной и способной ученицей. Также выгодным, хотя и на более земном уровне, было внимание со стороны самой богатой семьи деревни: мистер и миссис Вудхаус передавали сироте почти не ношенную и очень хорошего качества одежду, оставшуюся от двух их дочерей, которые были постарше Джейн. Изабелла, их первенец, была на семь лет старше, а Эмма Вудхаус, хотя и родилась в том же году, что Джейн, была не по возрасту высокой и крупной и выглядела на пару лет старше. Эта система передачи одежды, из которой девочки выросли, началась очень рано, в возрасте, когда дети еще не понимают разницу между новым и ношеным платьями, и к ней привыкли все ее участники. Схема была разумной, исполненной благих намерений, и никто из взрослых не давал себе труда задуматься о возможном влиянии на гордость и чувствительную натуру сироты того, что она была вынуждена постоянно появляться на деревенских улицах одетой в шляпки, башмачки и пальтишки, пусть даже отличного качества, но уже знакомые соседям. Ведь несколькими годами ранее их носили юные мисс Вудхаус, и, значит, они были выбраны по вкусам и меркам других.

— Этот светло-вишневый муслин идет тебе намного лучше, чем Эмме Вудхаус, тем более теперь, когда он выцвел! — обязательно восклицала какая-нибудь престарелая леди, встречая маленькую Джейн, направлявшуюся на урок в дом викария.

Или:

— Бог с тобой, малышка, ты должна расти побыстрее, обязательно должна. Я помню, Изабелла носила это платье, когда ей было четыре года, а тебе уже шесть, и оно тебе все еще впору.

Маленькая Джейн действительно в течение нескольких лет оставалась слишком мелкой для своего возраста, возможно, из-за не слишком хорошего питания; в то время она была худеньким темноволосым ребенком с тихим голосом, и единственным признаком будущей красоты была пара больших выразительных темных глаз, унаследованных от отца. Тетя Хетти постоянно жаловалась на то, что волосы слишком гладкие, а длинные и худенькие руки и ноги являлись признаком того, что со временем малышка вытянется. Она не жаловалась, когда очередные сумки с поношенной одеждой доставлялись к расположенной внизу цирюльне, и молча следила, как тетя и бабушка хлопчут над ними, при необходимости ставят заплатки и пришивают пуговицы, прикладывают рукава одного платья к лифу другого. Она молча терпела, когда на нее примеряли нижние юбки и подгибали их, укорачивали рукава и подолы; и только иногда непроизвольно тихо вздыхала; а однажды, когда бабушка задумчиво сказала: «Неудивительно, что наша дорогая миссис Вудхаус нечасто надевала на крошку Эмму эту коричневую вещицу, цвет не слишком приятный», маленькая Джейн прочувствованно воскликнула: «Да!» Ее тетя Хетти, женщина бесконечно добрая, но не отличающаяся ни умом, ни наблюдательностью, не строила никаких предположений относительно того, почему Джейн иногда подолгу стоит у витрины мануфактурного магазина Форда, рассматривая выставленные там товары. Она была просто благодарна за то, что ее любимая девочка всегда хорошо и тепло одета и это им почти ничего не стоит; а Джейн, которая была умна и наблюдательна не по возрасту, быстро начала понимать, в каких стесненных обстоятельствах они живут и как следует растягивать каждые полпенса. У нее еще никогда в жизни не было нового платья.

Кроме поношенной одежды, семья Вудхаус оказала еще одно благодеяние, которое для его получательницы имело неизмеримо большую ценность.

Миссис Прайор, обучая свою способную ученицу детским песенкам и балладам, очень скоро обнаружила, что у нее приятный голос и удивительно хороший слух. Убедившись в этом, она осмелилась предложить обеспеченной миссис Вудхаус, чтобы та позволила Джейн посещать уроки синьора Негретти, который дважды в неделю приезжал из Лондона, чтобы обучать Изабеллу и Эмму игре на фортепиано. Предложение показалось разумным и практичным и было сразу принято, и служанка Патти стала по вторникам и четвергам провожать Джейн по обсаженной кустарником аллее к боковой двери большого удобного дома на окраине Хартфилда, где обитал мистер Вудхаус и его семья.

Вскоре для Джейн эти дни стали самыми любимыми в неделе, окруженными ореолом радости.

Мистер Вудхаус никогда не обладал легким и веселым нравом, а напротив, легко раздражался из-за нежеланных звуков (таких как неправильно взятые ноты или бесконечное повторение упражнений для развития пальцев). Поэтому в доме нужен был второй инструмент, используемый только для детских уроков и неизбежных часов практики, который был бы расположен на достаточном удалении от комнат, обычно занимаемых

хозяйном дома, чтобы это не было для него источником беспокойства. Для этой цели была выделена неиспользуемая кладовая, прилегающая к комнате домоправительницы, и в эту гавань Джейн разрешалось приходить, когда она захочет, причем это право почти никогда не оспаривали юные леди семейства Вудхаус. А вторжение через боковую дверь обычно позволяло ей не встречаться ни со слугами, ни с членами семьи. Невозможно сосчитать, сколько радостных часов провела Джейн в этой комнате, и это время сильно повлияло на формирование ее характера и будущей жизни.

После года уроков, к большому удивлению всей деревни, синьор Негретти заявил миссис Вудхаус, что желает давать уроки Джейн отдельно, потому что она намного превзошла своих соучениц, даже тринадцатилетнюю Изабеллу.

— И я буду счастлив учить юную леди безо всякой платы, — объявил исполненный энтузиазма учитель, конечно, знавший о стесненных обстоятельствах своей ученицы, — потому что она обладает воистину грандиозным, поразительным талантом.

Это предложение было отвергнуто щедрыми Вудхаусами. Они были рады заплатить за милую крошку, радовались ее таланту, тем более что он мог в будущем обеспечить ей респектабельную жизнь.

Юная Изабелла Вудхаус не имела ни голоса, ни слуха и терпеть не могла музыку. День, когда после многочисленных просьб ее родители разрешили ей прекратить уроки с синьором Негретти, стал счастливейшим днем ее детства. Но маленькая Эмма, ее младшая сестра, хотя и была, к сожалению, ленива и не желала упражняться, имела хороший слух и считалась довольно способной ученицей. При желании, если бы она только заставила себя усердно работать, она могла бы прелестно играть. Но, к отчаянию учителя, занималась крайне редко и не в полную силу.

— Ах, мисс Эмма, — жаловался он, — если бы вы только занимались так же старательно, как маленькая мисс Джейн!

Джейн, конечно, этих слов не слышала; но она не могла не заметить, что учитель выглядел усталым и расстроенным, когда она входила в музыкальную комнату, а Эмма выскальзывала за дверь. Однако в ходе урока с ней он всегда воодушевлялся и возвращался к хорошему настроению.

Эмма Вудхаус в ту пору была веселым, красивым, приветливым ребенком, к природному дружелюбию и беззаботному нраву которого благодаря доброй и тонко чувствующей матери добавились прекрасные манеры. Со временем Эмма, безусловно, выросла бы человеком, понимающим свой долг перед людьми, которым повезло меньше. Но ее характер не был восприимчивым и не мог таковым стать: внимание к чувствам других не являлось ее главной чертой. А то, что ей постоянно, неделю за неделей, ставили в пример ребенка, который во всех прочих отношениях был явно ниже ее, уступал по рождению, внешности, месту жительства, манерам и, более того, был постоянно одет в ее же собственные обноски, не могло не озадачить. Это было трудно вынести и нелегко понять, на самом деле это была самая сложная проблема из всех, с которыми она до сих пор сталкивалась в своем беззаботном и комфортном существовании.

Связь между двумя детьми заключалась лишь в том, что они дважды в неделю занимались у одного и того же учителя; дружбы между ними так и не возникло.

— Эмма, дорогая, почему бы нам как-нибудь не пригласить маленькую Джейн Фэрфакс поиграть с тобой? — временами осторожно спрашивала миссис Вудхаус, чьи отношения с дамами семейства Бейтс установились еще при жизни прежнего викария и были, с одной

стороны, благожелательными, с другой — сердечными, в соответствии с разными стилями жизни.

— Ой, мама, а это обязательно? — неизменно отвечала Эмма. — Джейн такая неловкая и скучная, она ни о чем не говорит — только о книгах.

— Да, но, дорогая, это потому, что бедная Джейн живет в крайне стесненных условиях, в трех крошечных комнатках вместе с тетей и бабушкой; они, безусловно, добрые и отзывчивые леди, но уже в годах. А у тебя есть наша дорогая Белла, которая учит тебя разным играм, и еще папа, и я, и наш большой сад, где ты можешь бегать, прыгать и делать все, что захочешь; подумай только, насколько тебе повезло больше бедняжки Джейн.

Подобные аргументы, однако, не производили особого впечатления, ведь симпатию нельзя навязать; помимо возраста, между девочками не было ничего общего, и практически не было шансов, что они привяжутся друг к другу.

Миссис Вудхаус обладала слишком добрым нравом и была достаточно здравомыслящим человеком, чтобы навязывать свою волю упрямой дочери в вопросе, в котором результат будет одинаково сомнителен для обеих сторон. В конце концов, будет ли это проявлением истинной доброты к маленькой Джейн Фэрфакс, прививать ей вкус к более комфортному существованию, которого она, возможно, всю оставшуюся жизнь будет лишена, поскольку ей судьбой предназначено служить другим? И пойдет ли это на пользу маленькой Эмме? Каково это будет ей впустить в свою жизнь молчаливую, тихую, скромную девочку, на которую она привыкла смотреть свысока?

Искренне стремясь защитить Джейн, мать Эммы даже не думала о том, что ситуацию можно рассматривать с другой стороны; что Джейн благодаря своим знаниям и навыкам может оказать на Эмму благотворное влияние.

Ценность дружбы между двумя одинокими детьми в любом случае начала казаться менее значительной для миссис Вудхаус, которую теперь беспокоили более важные вопросы, главным из которых была тревога о собственном здоровье. Сомневалась она и в способности мужа, доброго и преданного, но не слишком сильного человека, взять на себя хозяйство, если она сляжет на длительный срок. Приближались роды, которые обещали стать, судя по предыдущему опыту, трудными, если не опасными, ведь она не обладала крепким телосложением. Многие дела следовало привести в порядок перед ожидающимся событием. И главным фактором стало огромное желание избежать всяческого разлада и шума, которые бы неизбежно произошли, если бы маленькую Эмму вынудили делать то, что ей не хочется. Миссис Вудхаус не пыталась навязать свое личное интуитивное ощущение, что дружба между двумя девочками может иметь значение для обеих. Но невысказанное желание было подхвачено и, как часто бывает в подобных случаях, могло подтолкнуть ее дочь к противоположному решению.

Мистер Вудхаус, чрезвычайно мнительный мужчина, постоянно тревожащийся о своем здоровье, всегда страдал, видя недомогание других. Потому, когда его жена была не в состоянии предаваться легкой оживленной беседе с ним, а такое случалось все чаще, позволял ей уединиться в комнате экономки миссис Хилл, доброй женщины, которая, обладая богатым житейским опытом, не мешала хозяйке наслаждаться покоем и музыкой. Отсюда, если неплотно закрыть дверь, было хорошо слышно, как играет Джейн, и удовольствие, которое миссис Вудхаус получала, слушая ее музыку, было невозможно переоценить. Она в течение получаса, или около того, слушала, как Джейн играет Гайдна, Скарлатти или Крамера, после чего возвращалась с новыми силами в компанию мужа.

В октябре, после ужасных родов, миссис Вудхаус упокоилась с должными церемониями на кладбище на церковном дворе Хайбери вместе с третьим мертворожденным ребенком. Ее муж, потрясенный обрушившимся на него несчастьем, слег в постель и поднялся лишь три недели спустя, постаревшим на десять лет, жалким и несчастным.

В начале траура тринадцатилетнюю Изабеллу увезли сердобольные кузины в свой дом в Кенте, а шестилетняя Эмма наотрез отказалась уезжать из дома, в эту, как она говорила, ссылку. Она дралась, визжала, рыдала, буйствовала и вообще вела себя настолько отвратительно, что кузины передумали ее приглашать, поскольку засомневались, что сумеют справиться с таким ребенком.

— Я никогда не видела, чтобы она так себя вела, — сказала экономка миссис Хилл, заботам которой, ввиду сложившихся обстоятельств, поручили Эмму.

Несколько дней несчастная сирота провела в полном одиночестве, после чего мистер Найтли, сосед и друг семьи, добросердечный молодой человек лет двадцати пяти, вызвался найти гувернантку, которая могла бы сразу приступить к работе. Это ему удалось благодаря семейству Прайор, которые, по счастливому стечению обстоятельств, знали очень подходящую для такого дела особу, молодую леди, их дальнюю родственницу, недавно вынужденную покинуть свой пост в Уэйбридже, но не по своей вине, а потому что семья уехала за границу. Она приступила к исполнению обязанностей в конце недели и быстро стала настолько неотъемлемой частью семьи Вудхаус, что Эмма почти позабыла собственную матушку и обратилась к дорогой мисс Тейлор за добротой, привязанностью, поддержкой и постоянным радостным свободным общением, которого обычно ожидают от родителя. Все это мисс Тейлор могла ей дать без ограничений, и единственным злом в новой жизни Эммы было то, что, как и прежде, ей слишком многое позволялось делать по-своему.

Вскоре она забыла, или по крайней мере выбросила из памяти, ужасные дни до приезда миссис Тейлор.

В первый из них маленькая Джейн Фэрфакс без предварительного сообщения пришла в дом. Новость о смерти миссис Вудхаус, конечно, распространилась по деревне, и о ней говорили с полагающейся случаю торжественностью. Но таков уж природный эгоизм раннего детства, и Джейн не отнесла это событие к своим делам. Ей, к примеру, не приходило в голову, что беда как-то могла повлиять на еженедельные визиты синьора Негретти. Уже целый год она приходила в Хартфилд в любое время и без сопровождения; у Патти, единственной служанки ее бабушки, всегда было очень много дел, а путь по деревне был таким коротким, что никто не чувствовал ни малейшего беспокойства за ребенка. Тетя не догадалась предупредить девочку, что, вероятнее всего, музыкальных уроков какое-то время не будет; поэтому Джейн по привычке побежала по узкой тропинке, петляющей вдоль лавровых кустов Хартфилда, и остановилась, только когда неожиданно и без всякого удовольствия заметила Эмму, одиноко сидевшую на низкой скамье возле кедрового дерева.

И дело даже не в том, что Эмма никогда не была в саду одна в это время дня. Перед ней была Эмма, которую она никогда не видела и никогда не представляла, что она может быть такой: совершенно несчастное создание, с помятым, распухшим от слез лицом. Ее щеки были бледными и измазанными, шнурки на ботиночках развязанными, волосы незавитыми и даже вообще непричесанными, но самое удивительное, что вместо обычно тщательно выбранного наряда на ней было простое черное саржевое платье. (Это было платье Изабеллы, сшитое четыре года назад после смерти их бабушки.)

— Ой, Эмма! — воскликнула Джейн и нерешительно остановилась. — Извини, я не знала... то есть мне сказали, что ты уехала в Кент.

Она уже была готова пуститься наутек, поскольку при их предыдущих встречах Эмма всегда вела себя по отношению к ней грубо. Но может быть, в этот раз будет иначе?

Эмма подняла голову — карие глаза были красными, а веки опухшими — и громко зарыдала.

— Джейн, моя мама умерла! Как же я буду жить без нее?

Джейн была потрясена. Эмма, всегда окруженная подругами, комфортом и всеобщей любовью, — и вдруг такая одинокая! Это было очень странно.

— Но... у тебя же есть папа — мистер Вудхаус.

— Да, но он не встает с постели и все время плачет, а если я подхожу, то велит мне идти к миссис Хилл.

— Ну да, у тебя же еще миссис Хилл! И Сэрла, и Джеймс, и твоя горничная Ребекка...

— Они же слуги!

— А твоя сестра, мисс Изабелла?

— Но она же не мама! И к тому же она в Кенте.

С этим спорить было невозможно.

— О, Джейн, — снова зарыдала Эмма, — что мне теперь делать?

На такой простой, вырвавшийся из самого сердца вопрос Джейн даже не знала, что ответить, и это несмотря на то, что сама уже узнала горечь потери матери, после которой прошло всего два года. Она также помнила, какой доброй, мягкой, заботливой леди была миссис Вудхаус.

Ни секунды не колеблясь, Джейн подбежала к скамейке, обняла заплаканную Эмму, прижала к себе и воскликнула:

— О, бедная, бедная моя Эмма! Мне так жаль! Это ужасно — не знаю, как ты все выносишь!

Ее искренний порыв совершенно сразил Эмму, и она опустила голову на плечо Джейн и расплакалась.

— Что мне теперь делать? — повторяла она снова и снова. — Кто будет обо мне заботиться? Мистер Найтли прислал папе записку, сообщив, что нашел гувернантку. Гувернантку! Уверена, она будет противной. Разве она когда-нибудь сможет занять место мамы?

— Ну если она будет противной, — мужественно сказала Джейн, — я буду рядом.

Мысль о том, что она может быть по-настоящему полезна Эмме, ей понравилась.

— О да! — воскликнула та. — Мы навсегда станем подругами. И будем рассказывать друг другу все секреты и любить друг друга.

— Все, — кивнула Джейн, у которой еще не было никаких секретов. — И всегда будем любить друг друга. И никогда не будем вредными и злыми.

Повторив это обещание много раз, они сели рядом и обнялись, как два маленьких птенчика, выпавших из гнезда. Они сидели так до тех пор, пока не услышали голос Сэрлы:

— Мисс Эмма! Мисс Эмма! Где вы? Будьте хорошей девочкой, идите ужинать.

Эмма нехотя встала, и подруги попрощались.

Джейн, обнаружив, что уже поздно, тоже пошла домой ужинать. Она медленно шла в глубокой задумчивости, но голова оставалась высоко поднятой; жалость, ужасная жалость к несчастью Эммы жгла ей грудь, и кроме этого, она чувствовала удивительную радость —

ведь эта дружба, о которой она никогда и не мечтала, была для нее словно внезапный и неожиданный дар богов. «Подруга! Эмма Вудхаус предложила стать моей подругой, — думала Джейн. — Теперь мы сможем делать вместе много чудесных вещей. Мы можем вместе гулять — не исключено, что мистер Найтли пойдет с нами, я знаю, что ему очень нравится Эмма, — еще она когда-нибудь придет ко мне домой, увидит рисунки, которые я сделала для миссис Прайор, и моих бумажных кукол. А тетя Хетти испечет для нас сладкий пирог. Мы будем устраивать чаепития, используя желудевые чашечки, и играть под столом, накрытым красной скатертью, — там у нас будет дом».

В ожидании всех этих восхитительных событий она собрала много желудей и убедила тетю Хетти вырезать ей новый комплект бирюлек.

Но прежде чем все эти планы могли осуществиться, следовало что-то сделать с траурными платьями Эммы: она не хотела, чтобы ее видели за пределами Хартфилда таким чучелом, в одежде, которая ей совершенно не подходит. Подобным чувствам Джейн не могла не посочувствовать.

Поэтому в течение шести дней, с великодушного позволения бабушки, Джейн каждый день ходила в Хартфилд, где они с Эммой проводили время в саду, поскольку дни стояли теплые и погожие. Они развлекались игрой в «я вижу», головоломками и прочими спокойными забавами, которые считались допустимыми в период траура; карты, шашки, куклы и прочие игрушки на время были, естественно, отложены.

Джейн предложила поиграть в прятки. С самого начала своих регулярных посещений Хартфилда ей хотелось рассмотреть здешний сад. Теперь, когда впервые она была вольна лазить по кустам, ходить по дорожкам и даже могла пробраться в заброшенную часть сада, она обнаружила в себе способности находить хитроумные неожиданные места, где можно было спрятаться. Она прижималась к стене, укрываясь за густыми зарослями плюща, пряталась в покрытой мхом нише над фонтаном в форме головы льва или забиралась на старую иву и усаживалась на ее толстом стволе, в том месте, где он раздваивался. Но прятки в конце концов оказались неудачным занятием, потому что предусматривали долгие периоды ожидания в одиночестве или такие же долгие и одинокие поиски другого игрока, во время которых Эмме быстро становилось скучно и она начинала раздражаться. Если ей выпадало искать, то ее попытки найти Джейн сразу становились вялыми и бессистемными; если она пряталась, то почти сразу начинала кричать:

— Я здесь, Джейн, найди меня! Ты слышишь, Джейн, я же здесь!

В итоге она заявила:

— Я устала от этой игры. Давай поиграем во что-нибудь другое. В свадьбу, например.

Поскольку Эмма была хозяйкой, она, конечно, могла выбирать игру; Джейн тоже учили хорошим манерам. Но для нее эта игра в свадьбу, которая заключалась в планировании воображаемых браков для всех обитателей Хайбери, казалась безумно скучной.

Они часами сидели во вращающемся летнем домике и обсуждали воображаемые церемонии вплоть до мельчайших деталей; Джейн, которая за всю свою жизнь не была ни на одной свадьбе, иногда удивлялась, откуда Эмме так хорошо известна процедура бракосочетания.

— А как насчет мистера Найтли? На ком он женится? — спросила она, подавив зевок, после того как наконец было покончено с мисс Кокс, мисс Гилберт и мисс Отуэй, а также гимнами, перчатками, букетами, кружевами, белым атласом, любовными сценами, объяснениями, предложениями и подарками.

— Мистер Найтли? Но ведь он слишком стар, чтобы жениться! Его брат, мистер Джон, тот еще может... но мистер Найтли уже очень стар. Да и мистер Уэстон тоже. В любом случае мистер Уэстон — вдовец, он уже был женат...

Голос Эммы дрогнул. Брак мистера Уэстона закончился смертью его молодой жены, эта тема была слишком близка к ее собственному несчастью. Джейн, понимая это, сразу заговорила о другом:

— Ну хорошо, а как насчет мисс Бикертон, юной леди, ставшей пансионеркой в школе миссис Годдард? Какой джентльмен ей подойдет?

— Мисс Бикертон? Она едва ли старше моей сестры, а значит, слишком молода, чтобы выходить замуж. В любом случае, я полагаю, ей предстоит стать учительницей или старой девой: миссис Годдард сказала папе, что у нее нет семьи, и средства на ее обучение собирают по благотворительной подписке.

От этого беззаботного замечания Джейн на мгновение лишилась дара речи. Пусть она еще молода, но уже задумывалась о своем будущем, причем испытывала на этот счет очень большие сомнения.

— Кто еще может жениться? — капризно спросила Эмма и тоже зевнула. — Ну же, Джейн! Придумай кого-нибудь еще! Ты такая тихая и молчаливая, никогда от тебя не дождешься никаких идей.

— Я тихая? — удивленно спросила Джейн.

— Да, ты самая настоящая молчунья.

— Ну, — сказала Джейн, поразмыслив, — это, наверное, потому, что тетя Хетти слишком много говорит.

На следующее утро за завтраком привычный поток красноречия тети Хетти на удивление быстро иссяк; причиной тому, как успела заметить Джейн, был длинный белый конверт с красной адвокатской печатью, который Патти принесла с почты. Тетя Хетти даже не стала уговаривать Джейн съесть еще один кусочек хлеба с маслом; на ее вопрос, можно ли встать из-за стола и готовиться к ежедневному визиту в Хартфилд, был поспешно дан положительный ответ, а надевая пальтишко (по утрам уже становилось прохладно), Джейн услышала тихий разговор взрослых.

— Ребенку следует сказать? Как вы считаете, мадам? Такая доброта... Такая неожиданность... Не знаю, что и думать.

Потом заговорила старая дама, ее бабушка:

— Может, лучше немного подождать и посоветоваться с каким-нибудь джентльменом, который лучше нас во всем разбирается? Возможно, мы обязаны сказать ей, но... мистер Найтли... или мистер Прайор...

— Беги, Джейн, дорогая, — сказала тетя Хетти. — Все в порядке. Думаю, Эмма тебя ждет с большим нетерпением.

Однако в то утро Джейн, остро чувствующая настроение других людей, сразу заметила перемену в Эмме — ее приветствие было холодным.

— Ты пришла, — равнодушно отметила она. — Сегодня очень холодно. Во что будем играть, чтобы согреться?

— Может быть, лучше войти в дом? Мы можем отправиться в музыкальную комнату и поиграть дуэты, — предложила Джейн.

Этот план она обдумывала уже несколько дней, поскольку ей давно хотелось разучить

несколько фортепьянных пьес, написанных для игры в четыре руки, их раздобыла миссис Вудхаус для своих дочерей еще до бунта Изабеллы против музыки, и с тех пор они лежали невостребованные.

— Что? Дуэты? — воскликнула Эмма с гримасой отвращения. — Спасибо, нет. Что за ужасная идея! Дуэт — жалкая вещь! И это говоришь ты... — Она сдержалась, несколько секунд выглядела печальной и задумчивой, но потом все же выпалила: — Не думай, что ты лучшая пианистка в Суррее только потому, что мама оставила тебе сто фунтов. Это ерунда, в конце концов.

Замечание было настолько непонятным, что Джейн застыла, полагая, что неправильно расслышала.

— Что ты имеешь в виду, Эмма? Твоя мама оставила мне сто фунтов? О чем ты говоришь? Она ничего мне не оставила!

— Оставила, — упрямо пробормотала Эмма. — Вчера было прочитано ее завещание. Пришел мистер Кокс, адвокат, и прочитал его папе. У мамы были собственные деньги, и она оставила сто фунтов. Там так и написано: «Моей юной соседке Джейн Фэрфакс. Деньги должны быть использованы на ее образование, в благодарность за огромное удовольствие, которое мне доставляла ее игра на фортепиано».

— Сто фунтов! Но я не понимаю! — Джейн была совершенно озадачена. — Миссис Вудхаус никогда не приходила в музыкальную комнату, когда я занималась, возможно, один или два раза, в самом конце... — Она запнулась, вспомнив худенькую бледную молодую леди, которая больше уже никогда не придет. В этот момент она поняла постоянство смерти. — Вряд ли миссис Вудхаус слышала мою игру больше одного или двух раз, — с сомнением добавила она.

— Слышала! — В голосе Эммы звучало негодование ребенка, которого несправедливо лишили какой-то привилегии, которой свободно пользовались его сверстники. — Она часто приходила в комнату миссис Хилл, садилась и слушала. Мне Сэрла сказала! Она не оставила денег ни мне, ни Изабелле. — Мы только в двадцать один год получим свои тридцать тысяч. Но какая от этого польза сейчас? Я считаю, это несправедливо.

— Но, Эмма, — возразила Джейн, — у тебя же все есть. — Она огляделась по сторонам.

— У меня нет мамы! — крикнула Эмма.

— В общем, так: сейчас слишком холодно, чтобы просто сидеть здесь, — поспешно заговорила Джейн, чтобы предотвратить неминуемые рыдания. — Давай бегать наперегонки. Ну же, Эмма! Спорим, я быстрее тебя добегу до того каштана?

Джейн, хотя и слишком маленькая для своих лет, была проворнее крупной и немного неуклюжей Эммы; она выиграла два забега из трех.

Скоро девочки устали.

— Давай пойдем поговорим с Джеймсом и лошадьми, — предложила Эмма. — Уверена, если мы попросим, Сэрла даст нам для них хлеба.

Джейн втайне опасалась крупных упряжных лошадей, но, конечно, ничего не возразила против этого плана; однако, когда они подошли по вымощенному бульжником двору к конюшне, там никого не оказалось — ни Джеймса, ни лошадей. Том, помощник конюха, сказал, что Джеймс поехал в Кингстон, чтобы встретить новую гувернантку, и уже очень скоро вернется с пассажиркой. Послonyaвшись по двору и несколько раз спрыгнув с большого камня, с которого всадники забираются в седло, девочки постепенно переместились к каретному сараю с большими железными воротами и стали первыми свидетельницами

прибытия и выхода из экипажа мисс Тейлор. Она оказалась вовсе не злобной дамой преклонных лет, как представляла себе Эмма, а молодой и симпатичной леди с очень добрым лицом.

— Кто из вас моя ученица? — спросила она и, получив ответ, живо поинтересовалась: — В какую игру вы играете? Может быть, я тоже с вами поиграю? Или мне сначала следует представиться твоему папе?

— О нет. Папа теперь не выходит из своих комнат до двух или даже трех часов дня, — объяснила Эмма.

А Джейн взволнованно воскликнула:

— О да, пожалуйста, мэм, поиграйте с нами в прятки!

Очень уж ей хотелось использовать несколько замечательных укрытий, которые она обнаружила.

— Хорошо, — смеясь, ответила новая гувернантка. — Тогда беги и прячься — тебя как зовут? Джейн? А мы с Эммой пока познакомимся. Мы дадим тебе не больше трех минут, а потом отправимся искать. Время пошло.

Вне себя от радости, не обращая внимания на недовольное лицо Эммы, Джейн убежала. «Итак, у Эммы появилась взрослая подруга, — с удовольствием думала она, — эта леди будет добра к ней, я уверена». Поглощенная новыми приятными впечатлениями, Джейн вспомнила о ста фунтах. Надо же, какой сюрприз! Наверное, именно об этом говорили бабушка и тетя Хетти за завтраком.

Джейн точно знала, где она спрячется — в двойной живой изгороди из лавра, росшей на границе между зарослями кустарника и лужайкой; одно дерево в ней было довольно большим и разветвлялось в нескольких футах над землей, на его ветвях можно было сидеть, спрятавшись в густой листве. К этому дереву она и побежала и, устроившись со всеми удобствами, громко крикнула:

— Я готова! — и стала ждать.

От нее потребовалось незаурядное терпение, потому что те, кто ее искал, двигались, по ее мнению, ужасно медленно. Несколько раз она видела их вдаль — юная леди разговаривала с Эммой, и при этом они шли в противоположном направлении. У Джейн было сильное искушение окликнуть их, но она воздержалась.

А потом, совершенно неожиданно, она услышала рядом их голоса; очевидно, они прогуливались по широкой сухой дорожке, которая тянулась вдоль границы кустарника.

— Джейн Фэрфакс твоя подруга? — доброжелательно спросила мисс Тейлор. — Она занимается вместе с тобой и твоей сестрой?

— Боже мой, конечно, она мне не подруга! — воскликнула Эмма голосом, полным жалостливого удивления. — Семья Джейн совсем бедная. У нее нет ни отца, ни матери, она живет с бабушкой на верхнем этаже над цирюльней. Мама иногда заходила к ним, но мама вообще была очень добрая. И Джейн никогда не сможет выйти замуж, потому что у них нет денег, совсем нет. Только... — Помолчав, Эмма продолжила: — Когда Джейн вырастет, ей придется зарабатывать себе на жизнь, и, возможно, она будет...

На этом Эмма замолчала, вероятно, потому, что собиралась сказать «будет гувернанткой», однако почувствовав, что этого говорить не следует, насупилась.

— Все это, конечно, очень грустно, — нейтральным голосом произнесла гувернантка, — но это же не мешает вам оставаться подругами?

— О, Джейн ужасно скучная! — резко выпалила Эмма. — Она не хочет говорить о том,

что мне интересно. А игры знает только детские, прятки, например. Или бег наперегонки — такие игры только для мальчишек.

— А ты не хотела бы учиться вместе с ней? — спросила мисс Тейлор. — Учиться, я думаю, намного легче, если ты не одна, а в компании. Возможно, если вы станете заниматься вместе, у вас будет больше тем для разговоров. Ты лучше узнаешь ее и полюбишь.

— О нет! Я уверена, что нет! Этот план мне совершенно не нравится! Мы уже вместе занимались музыкой, но синьор Негретти все время говорил...

Голоса стихли.

Джейн, оцепенев, еще несколько минут сидела на дереве, потом слезла и, дрожа, побежала от дома Вудхаусов. Она задыхалась; и еще у нее внутри что-то болело, как будто какой-то орган, возможно, это было сердце, насильно сдвинули с привычного места. Джейн интуитивно выбрала направление, которое привело бы ее к дому, но по воле случая столкнулась с Эммой и ее гувернанткой, пробегая по двору перед каретным сараем.

— Вот она где! Где же ты пряталась, Джейн? Мы везде тебя искали.

— Она, наверное, была на сеновале, — заявила Эмма, — хотя мы договорились туда не лазить.

Джейн не сказала на это ни да ни нет и только тихо пробормотала, что должна идти домой, потому что уже поздно и тетя Хетти будет волноваться.

— Ты себя плохо чувствуешь, малышка? — спросила мисс Тейлор. — Ты очень бледна.

— Джейн всегда бледна! — закричала Эмма. — В этом нет ничего необычного!

Джейн сухо и неприветливо сообщила, что она не больна, с ней все в порядке, но больше не сказала ничего. Она молча повернулась и пошла по дорожке к воротам.

— Странное маленькое создание, — озадаченно пробормотала мисс Тейлор, провожая Джейн взглядом. — Вероятно, никто не обучал ее хорошим манерам.

— Она ужасно скучная, — повторила Эмма. — И любит только себя; она хочет играть только в те игры, которые ей нравятся, а не в те, что нравятся другим. Но, мисс Тейлор, хватит о Джейн. Можно, я посмотрю, как вы будете распаковывать свой багаж?

— Конечно, дорогая.

* * *

Вернувшись домой, Джейн ничего не рассказала ни тете, ни бабушке о подслушанном разговоре, а только объяснила, что приехала мисс Тейлор, новая гувернантка Эммы. Она оказалась очень приятной и доброй леди, и Эмма вроде готова ее полюбить.

— Я очень рада это слышать, — заметила старая миссис Бейтс. — Бедная маленькая Эмма! Говорят, ей довольно трудно угодить. Ей повезло, что ты оказалась рядом и составила ей компанию в самые тяжелые и одинокие дни.

Джейн ничего не ответила на это и принялась есть свой ужин. Вскоре тетя и бабушка заметили, что у нее нет аппетита, а потом Джейн и вовсе начала бить дрожь, и вскоре она заплакала и забилась в истерике. Встревоженные тетя и бабушка уложили Джейн в постель и срочно позвали аптекаря мистера Перри.

Это был первый за много лет приступ сильнейшей головной боли, сопровождавшийся ужасной тошнотой. Такие боли и раньше беспокоили Джейн, но в этот раз ни одно из обычных лекарств, предложенных мистером Перри или тетей, не помогли девочке, и она три

дня еще пролежала в маленькой душной комнатке, на своей узкой койке. Эту комнату Джейн делила с тетей и потому не могла рассчитывать на уединение. Она даже выплакаться не могла.

«Тот, кто подслушивает, не может услышать о себе ничего хорошего, — думала она. — Что ж, тетя Хетти мне часто это говорила; и теперь я убедилась, что это правда. Надеюсь, мне больше никогда не доведется услышать о себе нечто подобное. «Очень скучная!» Я очень скучная?! Эмма Вудхаус считает меня скучной? Но если она так думает, почему первая предложила мне дружбу? Ей не следовало этого делать. Сама бы я ни за что ее об этом не попросила».

Страдающий чувствительный разум бедной Джейн в тот момент не мог осознать факта, что Эмма, расстроенная и сбитая с толку первой настоящей трагедией в ее спокойной и надежной жизни, была сломлена несчастьем и временно потеряла способность проявлять справедливость и доброту: такой вывод в любом случае маленькой девочке было слишком сложно сделать. Джейн понимала лишь одно: ее предали. Она чувствовала, что земля уходит из-под ног.

— Я больше никогда, никогда, — прошептала Джейн. — Никому и никогда не дам такого обещания, и больше никогда никому не буду доверять».

— Съешь хотя бы ложечку пудинга, детка, — предложила Джейн тетя. — Ты очень давно ничего не ела.

— Спасибо, тетя, я не хочу.

Тетя с сожалением унесла пудинг, и Джейн снова уставилась в стену. В ее ушах снова и снова, как угасающее эхо, звучал голос Эммы: «Мы навсегда станем подругами! И будем рассказывать друг другу все секреты, и любить друг друга».

Братья Найтли, Джордж и Джон, унаследовавшие поместье Донуэлл-Эбби, расположенное примерно в миле от Хайбери, были старыми добрыми друзьями семьи Вудхаус. Джон, младший, учился в университете, а Джордж, достигший совершеннолетия незадолго до кончины отца, унаследовал вполне приличную собственность и связанную с ней ответственность, он жил дома в Эбби, управляя своими землями. Джордж знал девочек Вудхаус с рождения, и поэтому они считали его кем-то вроде старшего брата, да и сам он относился к ним с братской любовью. Всегда был готов помочь советом, отругать их или порадоваться успехам, в зависимости от обстоятельств; и с огромной симпатией постарался разделить с ними горечь потери любимой матери, тем более что сам недавно пережил такое же несчастье.

Он, не теряя времени, установил дружеские отношения с новой гувернанткой, потому что был очень заинтересован в душевном спокойствии.

— Эмме очень нужна компания, — сказал он миссис Тейлор. — Она слишком склонна к тому, чтобы считать себя образцом совершенства. И это все из-за того, что Изабелла очень милая и покладистая, несмотря на то что постарше Эммы. Она всегда ей уступает, а Эмма, зная это, всегда пользуется ее добротой и покладистостью. Надеюсь, вы согласитесь со мной, мисс Тейлор, что Эмма должна играть и учиться с другими детьми?

— Это, несомненно, было бы лучше, — ответила гувернантка, немного поколебавшись. — Но как я поняла, здесь особо ей и общаться-то не с кем.

— Есть девочки Кокс.

Мисс Тейлор озадаченно посмотрела на мистера Найтли.

— Эмма их не любит. И, должна признаться, мне бы не хотелось, чтобы малышка переняла у них наглость и жеманство.

— Ну хорошо, а сестры Мартин?

— Дочери фермера? Вряд ли мистер Вудхаус согласится, чтобы они к ним приходили.

— Они скромные славные девочки, — нетерпеливо сказал он. — Сомневаюсь, что Эмма может научиться у них чему-то плохому.

— О нет, конечно! Но она сама тоже не согласится.

— Ладно, ну а как начет маленькой Джейн Фэрфакс? У нее безупречная семья, а сама она — спокойная, рассудительная и с прекрасными манерами. Вдобавок ко всему она умная и сообразительная.

— Да, я согласна, — ответила мисс Тейлор, но выражение ее лица стало еще более встревоженным. — Джейн и Эмма почему-то не ладят друг с другом. В чем здесь причина, я не могу сказать. Вы же знаете, какие бывают дети, мистер Найтли, их иногда очень трудно понять. А Эмма — милый и привлекательным ребенок, хотя временами она может быть немного упрямой. Она, похоже, вбила себе в голову, что Джейн не должна здесь бывать, ни для занятий, ни для игр; это не касается уроков фортепиано, конечно, но с синьором Негретти Джейн в любом случае занимается в одиночестве. А когда она приходит на урок или попрактиковаться, проскальзывает в дом и обратно тихо, словно маленькое привидение. А Эмма очень упряма. Если она что-то вбила себе в голову, ее трудно переубедить.

— Скажите сразу — невозможно. Насколько я понял, вы тоже ей во всем потакаете. Ну ладно, — сказал он, — я посмотрю, что можно сделать.

Мистер Джон Найтли четыре года назад с горячего одобрения миссис Вудхаус учил Изабеллу ездить на старом сером пони, который был любимым питомцем и компаньоном в детских забавах мальчишек Донуэлл-Эбби. Этот старый четвероногий друг уже давно упокоился в земле, но мистер Найтли отыскал и купил пару спокойных покладистых пони у одного из своих фермеров и теперь предложил Эмме покататься на одном из них.

— Я слышал, ты жалуешься на скуку и говоришь, что изучила все пешие маршруты в Хайбери: вниз по Викарейдж-лейн и обратно, вдоль Донуэлл-лейн и обратно, через Коммон-Филд. Но в седле ты сможешь уезжать подальше, в те места, где ты еще не гуляла.

Эмма пришла в восторг.

— О да, я согласна! Дорогой мистер Найтли, когда я смогу начать? А папа согласен? — подумав, спросила она.

Мистера Вудхауса, предававшегося меланхолии и в последнее время сильно ослабевшего, на самом деле оказалось очень трудно убедить в преимуществах предложенного плана.

«Бедняжка Эмма так быстро устает, — говорил он. — Вы только представьте, а вдруг лошадь испугается и сбросит ее? Об этом и подумать страшно; известно же, насколько лошади непредсказуемые, беспокойные, нервные животные». Нет, он будет все время тревожиться и нервничать, пока не кончится урок.

Но мистеру Найтли удалось убедить своего престарелого друга, что пони, о котором идет речь, самое мирное и послушное животное, какое только можно себе представить. Он даже не бегает, а только медленно ходит, и, поскольку он очень маленький, упасть с него совсем не опасно.

— Это все равно что упасть со стула, мой дорогой сэръ.

И он устроил так, чтобы мисс Бейтс и миссис Годдард сидели с мистером Вудхаусом и

занимали его веселой беседой всякий раз, когда Эмма обучается верховой езде.

Пока все шло хорошо; и Эмме так хотелось поскорее начать учиться, что она даже согласилась использовать старую амазонку своей сестры Изабеллы, пока ей шьют новую. И вот юбки из тонкого сукна были подвернуты и ушиты, и мисс Тейлор торжественно проводила свою ученицу в паддок, где должны были проходить уроки, а Эмма всю дорогу весело болтала.

— Когда я научусь ездить верхом, мисс Тейлор, вы будете кататься вместе со мной?

— Конечно, дорогая. Понимаешь, я выросла в Уэльсе, там все умеют ездить верхом. Деревни в наших местах расположены так далеко друг от друга...

— Тогда мистер Найтли даст нам свою кобылу, и мы отправимся в Берг-Хит, на Бокс-Хилл и увидим еще очень много интересных мест! В Хайбери так скучно. Джеймс сможет поехать с нами на одной из упряжных лошадей...

— Ну вряд ли мы заберемся так далеко, дорогая. Но посмотрим.

К сожалению, этим грандиозным планам не суждено было воплотиться в жизнь. Эмма, к своему огромному неудовольствию, обнаружила, что Джейн Фэрфакс будет учиться верховой езде вместе с ней, и отказалась от уроков.

— Вдвоем вы научитесь гораздо быстрее, — сообщил Эмме мистер Найтли. — Вы ведь будете учиться на ошибках друг друга. Уильям Ларкинс посадит тебя на Даппла, а я помогу Джейн сесть на Джинджер. Держись прямее, Джейн, ты слишком наклоняешься вперед. Так, прекрасно. Нет, не хватайся за гриву, она не для этого предназначена. Очень хорошо, Эмма; левое колено чуть назад, плечи опусти, подбородок подними повыше.

В ходе первого урока стало ясно, что Джейн — худенькая, но по природе гибкая и активная и более решительно настроенная порадовать учителя — занимается лучше, чем склонная к полноте и ленивая Эмма. Более того, Эмма все время пребывала в плохом настроении после того, как выяснила, что будет не единственной любимой ученицей. Ближе к концу урока, воспользовавшись моментом, когда мистер Найтли и Уильям Ларкинс менялись местами, она умудрилась пнуть своего пони и пустила его неуклюжей рысью; потом, соскользнув с седла, повалилась на траву и лежала там, жалобно глядя по сторонам, пока ей на помощь не прибежала мисс Тейлор. За гувернанткой значительно медленнее шел мистер Найтли.

— Не беспокойтесь, мадам, все нормально, я видел, что произошло. Уверю тебя, Эмма, прежде чем ты станешь хорошей наездницей, тебя еще не раз по-настоящему сбросит лошадь. Вставай скорее, я посажу тебя на пони; всегда надо возвращаться в седло сразу, как только ты упала.

Но Эмма заявила, что она сильно ушиблась, поцарапалась и вообще с нее хватит; со слезами на глазах она потребовала, чтобы ее отвезли домой. Рассказа, который она сочинила для своего отца, оказалось достаточно, чтобы тот наложил категорический запрет на все дальнейшие разговоры о верховой езде. Он сказал, что не сможет вынести постоянных мыслей об опасности, которой ежеминутно повергается его любимая девочка, у него будет нервный срыв, если он все время будет о ней беспокоиться. И в конце концов, какая надобность для дорогой Эммы ездить на лошади? В Хайбери достаточно много сухих тропинок, по которым можно отлично прогуливаться, если есть нужда в физических упражнениях. Он сам никогда не видел необходимости выходить за пределы живой изгороди собственного сада, за исключением одного случая, когда его пригласила на чай миссис Годдард. Эмме будет намного лучше в поместье, где не грязно зимой и не пыльно летом;

люди должны оставаться в своих владениях; и все эти шатания по окрестностям в поисках удовольствия были абсолютно неизвестными в его детстве, они в высшей степени нежелательны, являются продуктом нового века, непостижимой для нормального человека неугомностью. Да и Эмма всегда может воспользоваться каретой, если у нее появится нужда поехать куда-нибудь далеко. Это очень мило со стороны мистера Найтли предложить давать Эмме уроки, но он с самого начала знал, что ничего хорошего из этой затеи не выйдет; ничего хорошего и не получилось; и его опасения полностью оправдались.

Мистер Найтли, сильно раздосадованный, продал одного пони и продолжил уроки с Джейн Фэрфакс. Она оказалась способной ученицей и довольно скоро превратилась в хорошую наездницу.

— Ваши уроки сотворили чудо! Джейн больше не простужается, — сказала ее благодарная тетя мистеру Найтли. — Она всегда была такой слабенькой, вы же знаете, мой дорогой сэр, мы жили в постоянном страхе за нее. Стоило ей выйти за дверь, как она начинала чихать, а если у нее заболело горло, мы все приходили в отчаяние. Но с тех пор как она начала с вами заниматься, мистер Найтли, ничего подобного больше не случается, она стала совершенно другой, понимаете! Когда она возвращается с урока, у нее розовые щечки, и она щебечет так весело, как мы никогда не слышали. Мы надеялись, что Джейн и маленькая Эмма Вудхаус станут подругами, но... (она тяжело вздохнула) разница в их положении... Дело в том, что, как я всегда говорила, Джейн тихий, неразговорчивый ребенок, не похожий на меня. Это я болтушка, могу сколько угодно трепать языком, но после одного из уроков с вами Джейн болтала так... так... а ведь это совсем на нее не похоже. Могу сказать, что ее умение ездить верхом сослужит ей хорошую службу в будущем, ведь ей, бедной девочке, придется зарабатывать себе на жизнь, работая гувернанткой, и мы ничего не можем изменить. Если она будет уметь ездить верхом, возможно, ей повезет получить хорошее место в состоятельной семье, ведь она сможет сопровождать своих подопечных в верховых прогулках, когда это потребует.

Признав свое поражение после случая на уроке верховой езды, мистер Найтли прекратил попытки подружить между собой Джейн Фэрфакс и Эмму Вудхаус. С тех пор девочки за год не обменивались и полудюжиной слов. Эмма старалась не попадаться на глаза Джейн в дни ее музыкальных уроков, а Джейн приходила и уходила тихо, словно тень. И если по воле случая эти девочки встречались в деревне, каждая держалась на своей стороне улицы и делала вид, что не замечает другую.

Когда Джейн Фэрфакс исполнилось восемь лет, она начала каждое утро бегать за почтой, и путь ее лежал мимо гостиницы «Корона», лавки мясника и магазина мануфактурных товаров Форда, мимо пекарни и кузницы. Обычно корреспонденции было немного, поскольку дамы Бейтс старели и почти ни с кем не переписывались, кроме дальних родственников в Шропшире, которые редко находили время взяться за перо и бумагу. Однако утренний воздух и физические упражнения считались очень полезными для Джейн, которая в последнее время начала быстро расти, так что приходилось постоянно отпускать подогнутые подошвы отданных ей пальтишек Изабеллы Вудхаус. Но если бы Джейн позволили действовать по собственной воле, она бы, вероятнее всего, проводила все свое время в помещении — за пианино в Хартфилде.

Как-то раз утром она вернулась к завтраку, с гордостью размахивая большим белым конвертом.

— От кого это может быть? — озадачилась старая миссис Бейтс, глядя на конверт поверх очков. — Почерк мне определенно знаком, я видела его раньше, но не могу вспомнить, когда и где. Распечатай его очень аккуратно, Хетти, чтобы не порвать бумагу внутри.

Письмо, к счастью, оказалось не длинным, поскольку дамы Бейтс, их друзья и соседи за последующие два дня читали и перечитывали его так часто, что времени для других занятий просто не оставалось.

— Миссис и мисс Бейтс получили очень любезное дружеское предложение, — сообщил мистер Найтли мистеру Вудхаусу. — Они обсудили его с мистером Прайором, и он, после того как переговорил со мной, посоветовал им не колеблясь принять его. Я сказал мисс Бейтс то же самое. Ситуация может оказаться выгодной для ребенка. Я знаю, что вы тоже проявите самый сердечный интерес, мой дорогой сэр, потому что всегда помогали этой семье, оплачивая музыкальные уроки.

— Ну а как же иначе; так хотела бедняжка Мэри, а я всегда исполнял ее желания. Уроки музыки очень помогут бедной девочке в будущем. Но в чем конкретно заключалось предложение, мистер Найтли?

— Да, о чем идет речь? — с интересом спросила Изабелла.

А Эмма, сверкая глазами, воскликнула:

— Мистер Найтли, кто-нибудь оставил Джейн Фэрфакс состояние?

— Нет, не состояние, — улыбаясь, ответил он. — Я знаю, ты любишь, чтобы все всегда кончалось, как в сказке, но сейчас речь не об этом. Хотя кто знает, может быть, так действительно будет лучше. Друг и бывший командир отца Джейн Фэрфакс полковник Кэмпбелл недавно вернулся в страну после долгих лет службы в других странах. Он собирается выйти в отставку из-за ранений и предлагает девочке пожить в Лондоне вместе с его женой и дочерью, которая такого же возраста, как Джейн. В письме, которое они мне показали — это очень прямое, открытое, искреннее послание, — он пишет, что глубоко уважал отца Джейн — лейтенанта Фэрфакса, который был энергичным, подающим большие надежды молодым человеком. Кроме того, он в долгу перед лейтенантом Фэрфаксом за внимание, которое тот проявил к нему во время жесточайшего приступа лихорадки, что, в чем он не сомневается, спасло ему жизнь. Полковник считает, что ребенок, лишившийся

обоих родителей и воспитываемый родственницами, которые и сами пребывают в стесненных обстоятельствах, имеет весьма неопределенные перспективы. Он понимает, что дамам Бейтс было очень трудно растить Джейн, но он ничего с этим не мог поделать, поскольку был занят на действительной военной службе за границей в течение пяти лет после гибели бедняги Фэрфакса. Но теперь он намерен, с позволения, конечно, ее друзей, позаботиться о сироте, пригласить ее пожить в его семье в Лондоне, и, если все сложится так, как он надеется, продлить свой визит на неопределенный срок; на самом деле он собирается взять на себя образование Джейн.

— И тогда он оставит ей состояние! — воскликнула Эмма.

Мистер Найтли снисходительно покачал головой:

— Нет. Полковник Кэмпбелл прямо дает понять, что такое финансовое урегулирование не в его силах. Он небогат. План заключается в том, что Джейн будет воспитана для того, чтобы учить других. Полковник обладает весьма скромным состоянием и обязан позаботиться о собственной дочери.

— Учить других, — повторила Эмма с гримасой отвращения. — Тогда зачем ей ехать в Лондон, если все кончится именно так?

— Видишь ли, моя дорогая, — медленно, словно обдумывая каждое слово, сказал мистер Вудхаус, — кто знает, что может произойти за то время, что Джейн проведет у Кэмпбеллов, если она вырастет любезной воспитанной юной леди, а я уверен, что так и будет. На ее долю может выпасть большая удача. В целом я не сторонник жизни в Лондоне, и лично мне очень жаль, что Джейн увезут из Хайбери, где она родилась и где удивительно здоровая местность. Люди должны оставаться там, где они есть, если это, конечно, в их власти, но в этом случае мне представляется, что все может обернуться к лучшему.

— Счастливая Джейн, она увидит так много интересного в Лондоне! — сказала Изабелла.

— Но какой от этого всего толк, если ей придется в конце концов стать гувернанткой? — горячо возразила Эмма.

— Тише, милая, такие слова несправедливы по отношению к нашей дорогой мисс Тейлор, которая, я уверен, является членом нашей семьи, и не имеет значения, что она родилась не среди нас. Где она, кстати?

Мисс Тейлор, как раз в этот момент появившаяся в комнате, сообщила, что была с визитом у дам Бейтс и предложила им свою помощь в подготовке гардероба Джейн для ее первой поездки в дом Кэмпбеллов, которая состоится в самое ближайшее время. Полковник Кэмпбелл сообщил о своем намерении посетить Хайбери, чтобы отвезти Джейн в Лондон (с позволения ее друзей, разумеется) на следующей неделе, поскольку его собственная семья как раз обустроилась на Манчестер-сквер.

— Манчестер-сквер? — задумчиво пробормотал мистер Вудхаус. — Боже мой, мне кто-то совсем недавно что-то говорил о Манчестер-сквер, но что? Хотя нет, речь шла о Манчестер-стрит, да, совершенно верно. Только я никак не могу припомнить, кто это говорил о Манчестер-стрит, да и что о ней говорилось, я тоже не помню...

— О, мисс Тейлор, — воскликнула Эмма, — может, Джейн отдать мое приталенное вишневого батистового платье и жакет — они мне никогда не нравились! А у нее будет хорошее платье для Лондона.

— Это должен решить твой папа, милая...

— И еще ей можно отдать мое лавандовое платье из тафты, которое порвалось на спине;

если его ушить по фигуре Джейн, дырка не будет заметна, — предложила практичная Изабелла.

— Дорогие, какие вы у меня добрые, помните о нуждах вашей маленькой подруги, — умилился мистер Вудхаус. — Вы обе хорошие щедрые девочки.

Чуть ироничная улыбка, появившаяся на лице мистера Найтли, когда Эмма убежала разыскивать платья, о которых шла речь, означала его неверие в слово друга. Он сказал мисс Тейлор:

— Джейн Фэрфакс теперь стала для Эммы сказочной принцессой, героиней истории, в качестве таковой она заслуживает больше милостей, чем в своей прежней роли несчастной соседки.

— Боюсь, вы правы, — ответила мисс Тейлор, улыбаясь и вздыхая одновременно. — Давняя страсть Эммы к придумыванию историй о своих знакомых должна тревожить всех ее наставников; помимо того, что это увлечение — ужасная потеря времени, которое можно использовать с большей пользой, оно внушает ей ложные представления и приводит к неосмотрительным действиям. Я считаю своим долгом воспрепятствовать ей, насколько это будет в моих силах.

— Не получится. Если, конечно, я правильно оцениваю умение Эммы действовать самостоятельно и независимо. Но, должен признать, она никогда не упускает случая удивить... — Он замолчал, когда вернулась Эмма с охапкой одежды и маленьким набором для писем розового дерева.

— Папа, можно, я отдам это Джейн? Помнишь, мне его прислала кузина Элиза из Кента на седьмой день рождения. Ты же знаешь, у меня есть мамин, который мне нравится намного больше, и кроме того, я очень редко пишу кому-то письма. А этот так красиво отделан; тут есть чернильница, печати, коробочка для песка и маленький ящичек для ручек и перьев, а еще замочек и ключ. Если Джейн больше не будет жить в Хайбери, она захочет часто писать письма тете и бабушке...

— Помедленнее, дорогая, ты говоришь так быстро, что я почти ничего не понимаю. Видишь ли, пока еще никто ничего не говорил о том, что бедняжка Джейн уедет из Хайбери насовсем; сейчас речь идет только о поездке в гости...

У Эммы вытянулось лицо. Она сказала:

— Но я думала... мистер Найтли говорил, что шла речь о «продлении ее визита на неопределенный срок»?

— Ну возможно, и так, если новые знакомые друг друга полюбят, — объяснил мистер Найтли. — На самом деле нет никаких причин предполагать обратное. Я всегда считал Джейн умной, отзывчивой и доброй девочкой, — добавил он, глядя на Эмму, и, заметив, что та нахмурилась, продолжил: — Но это очень мило с твоей стороны, Эмма, отдать ей свой набор для писем, и, думаю, она не сможет не оценить должным образом подарок от тебя, потому что вы обе так и не сумели стать подругами. И опять же, если Джейн, погостив в Лондоне, вернется в Хайбери, у нее останутся новые знакомые в Лондоне, с которыми она наверняка захочет поддерживать переписку. Твой подарок сослужит ей хорошую службу независимо от того, где она будет жить — здесь или там. Если вы согласны, мой дорогой сэр, — обратился он к мистеру Вудхаусу, — полагаю, подарок можно сделать.

— Да, так будет лучше всего, — согласился мистер Вудхаус. — Бедная маленькая Джейн. Мне кажется, она будет с удовольствием пользоваться этой вещицей — это была хорошая мысль. А у Эммы есть набор ее матери, моей дорогой Мэри, — добавил он с

тяжелым вздохом. — Но все же очень грустно, что девочка вынуждена уезжать с места, где она родилась...

Еще три человека тоже грустили из-за того, что Джейн приходится уезжать с места, где она родилась, — это сама Джейн, ее тетя и бабушка. В процессе приведения гардероба Джейн в должный вид для такого смелого и рискованного предприятия, как поездка в Лондон, и перешивания и подгонки подарков от соседей, которые сочли подходящими, слезы лились обильно и почти непрерывно.

— Тетя Хетти, бабушка, я точно должна ехать? — этот вопрос Джейн задавала снова и снова.

— Да, моя дорогая, должна, — неизменно отвечали дамы, сидевшие за шитьем. — Конечно, это будет для нас ужасная потеря, — говорила тетя Хетти, вытирая слезы, капавшие на муслиновые платки, которые она подшивала. — И нет смысла отрицать, что мысль о расставании с тобой, наша дорогая малышка, для нас невыносима, но ты должна помнить, любовь моя, что бабушка и я не становимся моложе, и может прийти день, когда она сляжет в постель и потребуются все мои силы, чтобы ухаживать за ней...

— Но я стану помогать тебе, тетя Хетти.

— Любовь моя, я нисколько не сомневаюсь, что ты будешь помогать, причем с готовностью: но тебе надо учиться, а не ухаживать за старухами; и кроме того, понимаешь, я уже тоже не молода — твоя бедная дорогая мамочка была намного моложе меня, и если я заболела, за тобой некому будет смотреть, кроме Патти.

— Но если ты заболеешь, тетя Хетти, кто будет о тебе заботиться? — заплакала перепуганная Джейн.

— Ну что ты, дорогая, не думаю, что такое возможно в обозримом будущем, потому что я, благодарение Богу, крепка и здорова, как и твоя дорогая бабушка. Но для нас обеих было бы огромным облегчением знать, что тебе хорошо в доме полковника Кэмпбелла и его жены и что нам не следует больше тревожиться о твоём будущем, поскольку обо всем позаботится полковник. Он написал такое хорошее доброе письмо. «Обеспечить ее полностью не в моих силах, — утверждает он, — но она получит образование, чтобы учить других. Я рад взять это на себя в знак глубочайшего уважения к лейтенанту Фэрфаксу (твоему дорогому отцу, ты же знаешь это, моя дорогая), который преданно ухаживал за мной и, полагаю, спас мне жизнь, когда меня свалил тиф». Только подумай об этом, моя дорогая! Ни одно доброе дело не остается без вознаграждения. Подумать только, безмерная доброта твоего отца принесла плоды спустя много лет.

Когда пришли соседи — миссис Годдард, миссис Прайор и мисс Тейлор, слезы были сразу вытерты и гостей встретили с улыбающимися лицами. Щедрыми подарками, принесенными добрыми женщинами — наборами носовых платков, футлярами для часов, наперстками и коробочками для иголок, — долго восхищались, и после искренних изъявлений благодарности их положили на самое видное место в доме. Дамы Бейтс и маленькая Джейн всячески хвалили красивую маленькую корзинку для рукоделия, подаренную миссис Прайор, которая искренне сожалела, что лишается своей лучшей ученицы.

— Но там, куда ты едешь, моя дорогая, у тебя будут самые прекрасные учителя, я в этом нисколько не сомневаюсь, и они дадут тебе намного больше, чем могла бы дать я.

Джейн вежливо поблагодарила за доброту — ее манеры были выше всяких похвал, но

когда леди отбыли восвояси, она была вынуждена уйти к себе в комнату, где долго лежала на своей узенькой кровати.

Когда садовник принес из Хартфилда принадлежавший Эмме очаровательный набор для писем розового дерева, завернутый в войлок и мешковину, Джейн спросила:

— Я должна это принять, тетя Хетти?

— О, моя дорогая девочка, что за вопрос? Как тебе только могла прийти в голову мысль не принять такой чудесный продуманный подарок — ведь это именно то, что тебе в первую очередь понадобится в Лондоне. Ты же знаешь, бабушка и я будем больше всего на свете ждать весточек от тебя и хотели бы их получать так часто, как это будет возможно — желательно, конечно, каждый день. Ах, если бы не почтовые расходы... Вероятно, это набор маленькой Эммы, тот самый, который, как говорила миссис Годдард, был прислан ей в прошлом году кузенами мистера Вудхауса из Кента; однако (и кто бы мог упрекнуть ее за это?) Эмма всегда предпочитала пользоваться письменными принадлежностями своей дорогой мамочки, упокой Господи ее душу. Так говорила миссис Годдард. Но это действительно исключительно удобная и полезная вещь, снабженная всем, что только может понадобиться, и мы должны сознавать, какую доброту проявила Эмма, вспомнив о тебе, особенно поскольку вы двое так и не смогли... Поэтому лучшее, что ты можешь сделать, дорогая, — это сесть и написать дорогой Эмме записку с выражением благодарности.

Джейн села, как ей было велено, и написала:

«Дорогая Эмма, большое тебе спасибо за набор для письма. Это именно то, что мне нужно». Потом она несколько секунд подумала, задумчиво покусывая кончик ручки, и приписала: «Он будет напоминать мне о Хартфилде».

— Очень хорошо, моя дорогая, — сказала довольная тетя Хетти. — Ты сделала то, что должно. Сложи и отдай записку Патти, и она отнесет ее, когда пойдет за хлебом к миссис Уоллис.

— А я не должна отнести ее сама, тетя Хетти? — спросила Джейн. — Буду рада, ты знаешь, ведь я провела весь день дома за шитьем, и еще мне хочется попрощаться со всеми нашими добрыми соседями.

— Правильно, малышка, так действительно будет лучше, и ты покажешь всем, как добра и внимательна. Тебе следует зайти в дом викария, и к миссис Годдард, и к Перри, только оденься потеплее. Осенью вечера уже прохладные.

Получив разрешение, Джейн выбежала на мощенную булыжниками улицу, на которой она прожила всю жизнь: улицу простых скромных маленьких домишек, кирпичных и каменных, крытых черепицей и соломой, которые она знала почти так же хорошо, как свой собственный дом. Здесь живет миссис Форд, там старый Джон Кроу, чуть дальше обитает семейство Отуэй, а напротив — семья Перри. Тут Джон Сондерс, кузнец, выдул своими мехами яркий сноп искр, и Джейн несколько минут постояла, наблюдая за его работой, рядом со спокойной терпеливой лошастью — так она делала всегда. Иногда здесь можно было встретить мистера Найтли, который, подковав лошадь, обменивался новостями с кем-нибудь из соседей, но сегодня его не было. На другой стороне улицы в окне маячила миссис Уоллис, продававшая имбирные коврижки и булочки по полпенса.

Завершив обязательные визиты, Джейн пошла туда, где дома кончались и начинались поля, — к дороге на Донуэлл.

Она задумчиво смотрела перед собой. Каждая живая изгородь, каждые ворота, каждая лужа и каждое подстриженное дерево занимали свое место в ее личной истории. Яблоки в

саду викария висели красные и налитые, их уже пора было срывать. «Я не увижу, как их сорвут, — подумала Джейн. — Я должна уехать, я должна покинуть это место, но почему? Я же ни в чем не виновата. Мне здесь очень нравится, отъезд разобьет мне сердце. В Лондоне меня будут окружать только незнакомые лица».

Она еще немного помедлила, но в конце концов повернулась и пошла обратно по безмолвной дороге. Из труб поднимался голубоватый дымок. Жители деревни были в своих домах. Готовили ужин.

Джейн проскользнула через выцветшую синюю дверь в высокой кирпичной стене, которая защищала обширные уголья Хартфилда от любопытных взоров. И тихо прошла, как делала это уже много раз, по тропинке, вьющейся между кустов лавра. Как обычно, боковая дверь была не заперта, и она смогла пройти в музыкальную комнату, не встретив никого из домочадцев.

Сидя за старым пианино, она на минуту опустила голову на клавиатуру, покрытую поблекшей коричневой бархатной салфеткой, потом подняла ее, открыв пожелтевшие клавиши, и начала тихо играть. Этим вечером она не бралась за классику или концертные пьесы, а стала наигрывать приятную мелодию, которую услышала от мистера Найтли, когда училась ездить верхом.

«Дом, милый дом...»

Она успела взять лишь несколько нот, когда дверь тихо открылась и на пороге появилась экономка миссис Хилл.

— О, мисс Джейн, дорогая... Это правда, что вы завтра уезжаете в Лондон?

— Да, миссис Хилл. Я просто хотела попрощаться... со старым пианино. И передать эту записку для Эммы. И поблагодарить вас, — сказала Джейн, чувствуя, как сжалось горло, — за все кусочки торта, которые вы приносили для меня в эту комнату.

— Что вы, мисс Джейн! Для нас всех было таким удовольствием слушать, как вы играете. А когда я вспоминаю, как бедная миссис наслаждалась вашей игрой... — Экономка вытерла повлажневшие глаза фартуком. — Сэрла и Джеймс просили меня попрощаться с вами и передать пожелания всего наилучшего в Лондоне. Я уверена, у вас все будет хорошо, мисс, хотя бы потому, что вы так чудесно играете; думаю, даже его величество получил бы огромное наслаждение, если бы имел возможность вас послушать...

— О, миссис Хилл, боюсь, все совсем не так. Вы слишком добры ко мне. Знаете, мне жаль — очень-очень жаль покидать Хайбери, и тетю, и бабушку...

— Ничего не бойтесь, мисс, мы позаботимся о том, чтобы у них все было в порядке; хозяин — добрая душа, он не забудет о них, можете не сомневаться. И я тоже. Я прослежу, чтобы Джеймс заходил к ним каждые два-три дня.

— Большое спасибо вам, миссис Хилл. Вот записка для Эммы...

— Сэрла передаст ей. — Экономка взяла бумагу и осуждающе поджала губы. — Вот уж кто важничает, всегда ходит задрав нос. Слишком много о себе воображает! Можно подумать... Как жаль, что ее мать умерла. Она была такой доброй женщиной, бедная миссис Вудхаус. Никакой заносчивости! Она была настоящей леди. И никогда не забывала о своих обязанностях. Чего нельзя сказать... впрочем, не важно. Мой рот всегда на замке.

Поскольку, несмотря на это заявление, рот миссис Хилл на замке не был, Джейн поспешила уйти и выбежала на улицу в сгущающиеся сумерки.

К ее удивлению — и немалой досаде, — подходя к зарослям кустарника, она встретила Эмму, которая, она была уверена, в это время должна была сидеть дома и готовиться к ужину

— его в этом семействе подавали намного раньше, чем у соседей. Эмма сидела на скамейке под толстым кедром, но увидев приближающуюся Джейн, встала.

— Ах, это ты, Эмма, — пробормотала изрядно смущенная Джейн. — Я пришла... то есть... я принесла записку... с благодарностью за набор для письма... это было так мило с твоей стороны...

Эмма тоже казалась смущенной. Несколько секунд она стояла молча, застыв в напряженной позе, потом чопорно проговорила:

— Это ерунда. Я пользуюсь маминым, ты же знаешь, он мне больше нравится. А Изабелле мистер Джон Найтли подарил собственный набор для письма, очень красивый, из орехового дерева. Так что этот никому не нужен... Ну, значит, ты все-таки уезжаешь в Лондон? — Тон Эммы стал легким, как будто эта перспектива ее немало порадовала. — Ты довольна?

— Довольна? — удивленно переспросила Джейн. — Конечно, нет! Чему же здесь радоваться? Мне жаль — очень жаль покинуть Хайбери, мой дом, тетю Хетти, бабушку.

— Но ты ведь живешь в маленьких темных комнатах, так заставленных мебелью, что там даже трудно ходить, и твоя бабушка совсем старая, а тетя Хетти все время болтает — она сама так говорила. Как же ты это выносишь?

— Извини, — проговорила Джейн, судорожно вздохнув. — Мне надо идти домой. Меня ждут. Миссис Коул придет на чай, чтобы попрощаться со мной.

— Миссис Коул? Но подожди! Прощу тебя, подожди минуту! — воскликнула Эмма. — Я должна тебе кое-что сказать.

Джейн послушно остановилась, но, ничего не дождавшись, повторила:

— Тетя Хетти будет волноваться. Мне надо идти, Эмма.

Эмма еще некоторое время колебалась, потом быстро выпалила:

— Это платье выглядит на тебе лучше, чем на мне. Оно стало симпатичнее, когда убрали бисер. Но я не думаю, что такие платья из такой ткани можно носить в Лондоне. Из кашемира будет лучше.

— Я не знаю... Полагаю, те люди — Кэмпбеллы — скажут мне, в чем можно ходить... прощай, — скороговоркой проговорила Джейн и побежала по дорожке, оставив Эмму в одиночестве под кедром.

Выйдя через дверь в стене, Джейн замедлила шаги и задумалась о тех нескольких словах, которыми обменялась с Эммой, и о том, что сказала миссис Хилл. «Нет, — решила она, — я не согласна с тем, что Эмма важничает. И вовсе она не много о себе воображает. Просто ей очень трудно угодить, когда речь идет о других людях. Ей все очень быстро надоедает».

Она вспомнила слова Эммы: «Ты уезжаешь в Лондон? Ты довольна?»

«Как будто, — подумала Джейн, — она мне завидует. И сама хотела бы поехать. Но ведь у нее есть отец, который не надышится на нее, любящая сестра, добрая гувернантка, друзья вроде мистера Найтли, хорошая одежда, игрушки, большой дом, красивый сад... Почему же ей все мало?»

Подбегая к дому, Джейн неожиданно подумала: интересно, у Кэмпбеллов есть пианино?

Вернувшись домой, она с огорчением узнала, что заходил мистер Найтли, чтобы попрощаться с ней, двадцать минут посидел с тетей и бабушкой, но потом был вынужден уйти на встречу церковных старост.

Полковник Кэмпбелл был высоким подвижным человеком лет пятидесяти, с бронзовым обветренным лицом — сказалась долгая служба за границей под палящим солнцем. Волосы — каштановые с сединой — в основном покинули голову полковника, оставив наполовину лысым, а его умное интеллигентное лицо не слишком украшал шрам — след от пули — на левом виске. Он сильно хромал и был глух на одно ухо — еще одно последствие ранения в голову.

— Тебе придется говорить громко и четко, когда обращаешься ко мне, дитя, — сказал он Джейн резким выразительным тоном теряющего слух человека, — иначе, понимаешь ли, я постоянно буду переспрашивать или требовать, чтобы ты говорила громче, что будет весьма утомительной потерей ценного времени.

— Вы слышите, когда я говорю так, как сейчас, сэр?

— Да, очень хорошо. У тебя красивый, чистый, приятный голос. Не сомневаюсь, мы прекрасно уживемся.

Мисс Бейтс и ее мать, естественно, пожелали попотчевать полковника смородиновым вином и сладким пирогом. Они захотели позвать соседей, чтобы гость познакомился с половиной деревни, но он с военной быстротой и решительностью отклонил эти предложения. Наделенный не только резкими манерами, но также добрым сердцем и проницательностью, он сразу увидел, что обе пожилые дамы и сама Джейн страдают от мысли о грядущем расставании. Леди засиделись уже за полночь, плача и занимаясь делами, о которых вспомнили в последний момент, а оставшуюся часть ночи все трое плохо спали, если спали вообще. И самое лучшее, что он мог сделать для всех, — это как можно скорее увезти Джейн.

— Дорогая, если ты готова, поедem, пожалуй. Лошади отдохнули и накормлены, да и до Лондона всего шестнадцать миль! Ты и не заметишь, как мы приедem. А когда ты окончательно устроишься у нас, мы будем ездить туда и обратно каждый месяц.

— О да, но в этот раз, сэр, я ведь еду только в гости, разве не так? — с тревогой и настойчивостью спросила Джейн, когда Кэмпбелл после долгих и печальных объятий тети и бабушки посадил ее в экипаж.

— Конечно! — Он ущипнул Джейн за щеку, но повернулся и тихо сказал двум дрожащим, кутающимся в шали дамам: — Нам лучше сделать это пребывание девочки у нас как можно более долгим, чтобы она могла устроиться и даже, может быть, пустить корни. Я вижу, какую глубокую и сильную привязанность она испытывает к вам, как любит свой дом (это делает ей честь); для того чтобы сформировались такие узы, необходимо время. Ну ладно, все ли необходимое мы погрузили? Каждую корзинку, узелок, саквояж и букет цветов? Превосходно! Отлично! Мы быстро управились! А теперь, мои дорогие леди, — сказал он с некоторой долей нетерпения, — прошу вас, идите в дом, иначе вы совсем простудитесь. Обещаю, мы не тронемcя с места, пока я не увижу ваших лиц в окне наверху. А ты, Джейн, дорогая, выгляни в окошко и помаши платочком своим друзья — вон они, пришли тебя проводить. Замечательно! Поехали, кучер. Посмотрим, как быстро ты нас сможешь доставить обратно на Манчестер-сквер.

Джейн вовсе не нужно было напоминать, чтобы она выглянула в окно и помахала провожающим; она прижалась лицом к стеклу экипажа; но трудно сказать, много ли она

видела, потому что из глаз ее нескончаемыми потоками лились слезы. И все же, пока окружающий пейзаж оставался знакомым, она продолжала вытягивать шею, чтобы лучше было видно любимые картины и они прочнее запечатлелись в памяти. Когда же — и это случилось довольно скоро — дорога стала незнакомой и Джейн отвернулась от окна, полковник Кэмпбелл проявил чуткость и доброту и уткнулся в газету, позволив девочке выплакаться. После чего она почувствовала непреодолимую усталость от волнующих проводов и бессонной ночи и крепко заснула.

Когда она проснулась, примерно через час, экипаж уже катился по узкой улице пригорода. Шел небольшой дождь, и Джейн испугал вид из окна: ряды и ряды маленьких жалких домишек, а между ними — поля капусты и какие-то всклокоченные сады.

— Это Лондон, сэр? — спросила она.

Полковник добродушно засмеялся, услышав в ее голосе страх.

— Нет, это только предместье; не волнуйся, дитя! Ты увидишь, что район, где живет моя семья, довольно привлекательный; только десять минут ходьбы от большого красивого парка, не говоря уже о чистых улицах и элегантных магазинах. А моя дочь Рейчел с удовольствием позаботится о тебе; ты даже не представляешь, как много вопросов она задавала о тебе и еще задаст не меньше. Она так рада, что у нее будет спутница. Понимаешь, она и ее мать объездили за мной полмира: Франция — в этой стране Рейчел родилась, — Корсика, Вест-Индия, Голландия, Бельгия, Ирландия — они всюду сопровождали меня и никогда не могли обосноваться на одном месте. Так что бедняжка Рейчел не училась танцам, не брала уроки музыки, не праздновала дни рождения в кругу других детей, словом, у нее не было ничего того, что воспитанные маленькие девочки вроде тебя считают само собой разумеющимся. Она надеется, так же как ее мать и я, что ты поможешь ей во многих отношениях.

Полковник сказал все это очень дружелюбно, и Джейн почувствовала воодушевление, чего он, собственно, и добивался. Она пробормотала:

— О, конечно, но я тоже не очень много знаю о днях рождения и уроках танцев. Понимаете, в Хайбери я всегда жила очень тихо, с бабушкой и дорогой тетушкой Хетти, других детей там было мало.

— Но ты брала уроки у добрейшей миссис Прайор. Мне сказали, что ты в высшей степени знающая молодая леди и тебе много известно о музыке, так что в этом ты окажешь бесценную помощь Рейчел, которая очень любит петь и за время наших скитаний выучила разные забавные крестьянские песенки. Она расскажет тебе множество историй о горных перевалах и поездках на мулах, но ее учила только мама, и, увы, ей никогда не удавалось и близко подойти к фортепьяно.

— Я тоже люблю петь, — робко сказала Джейн. — Может, мы сможем петь вместе.

У нее начало просыпаться любопытство относительно этой неизвестной Рейчел. Как будет здорово, подумала Джейн, если она в чем-то может оказаться полезной той другой девочке, поможет, расскажет что-то новое; как удачно, если Рейчел действительно будет рада ее присутствию, если все преимущества не будут только на одной стороне. Это неожиданно! Она привыкла к неприятию Эммы, полагая, что только так и бывает в жизни, и покорно верила, что, поскольку она скучная и если ей не интересно придумывать истории о свадьбах, никто и никогда не обрадуется ее компании. Но вот, пожалуй, ей предстояло встретиться с той, чье детство было лишено приятностей даже больше, чем ее собственное.

— Сколько лет Рейчел? — спросила она.

— Столько же, сколько тебе, дитя; в феврале исполнится девять. Мы надеялись, и довольно долго, что Господь благословит ее младшими братиками или сестричками, но, к сожалению, этому не суждено было случиться; тем более желанным станет дружеское общение с тобой. И, я надеюсь, ты тоже об этом не пожалеешь. Я знаю, ты росла с доброй тетушкой и бабушкой, но, должно быть, тебе не раз хотелось иметь друзей своего возраста.

Говоря по правде, Джейн ничего подобного не чувствовала. Она привыкла к одиночеству, часто наслаждалась им и никогда не ощущала из-за этого какой-то ущербности. Она могла часами, в полном согласии с собой, играть на пианино, или сидеть на берегу ручья, наблюдая за снующими в прозрачной воде мелкими рыбешками, или заниматься шитьем, вспоминая книгу, которую читала с миссис Прайор.

— У меня на самом деле никогда не было подруги, — задумчиво сказала она.

— Ну а теперь есть — подруга, сестра, компаньонка — уже готовая! И этого достаточно, осмелюсь предположить, — усмехнулся полковник, — чтобы вы обе возненавидели друг друга с первого взгляда. Но не будем искушать судьбу, предполагая такое, потому что мы уже приехали, и, кажется, я вижу на ступеньках Рейчел и ее мать. Они нас встречают.

Пока они разговаривали, экипаж выехал на просторную площадь с круглым садиком, огражденным перилами, в центре; совсем рядом, на крыльце красивого современного дома из красного кирпича, стояли леди с девочкой, на их лицах можно было заметить выражение напряжения и любопытства.

— Ну, дорогие, — весело крикнул полковник, когда лошади остановились, — вот она, я ее вам привез, и теперь можете баловать ее и играть с ней, сколько вашим душенькам будет угодно.

Он говорил весело, открывая дверцу экипажа, однако Джейн с удивлением заметила, что девочка на ступеньках бросила на отца нервный, полный тревоги взгляд, как будто не была готова поверить в его слова.

В следующий момент леди, предположительно миссис Кэмпбелл, тонкая и хрупкая, но загорелая, с живыми умными глазами, одетая очень просто, почти как квакерша, помогла Джейн выбраться из экипажа и обняла ее со всей теплотой, на которую была способна.

— Добро пожаловать, тысячу раз добро пожаловать, дорогое дитя! Мы счастливы тебя видеть. Знаешь, я была хорошо знакома с твоим отцом. Как грустно, что такой добрый замечательный человек безвременно нас покинул. А ты похожа на него — у тебя его глаза, правда, Джеймс? Мы очень рады, что ты здесь. Правда, Рейчел?

Девочка, стоявшая рядом с ней, тяжело вздохнула, и Джейн с немалым изумлением поняла, что она насмерть перепугана — настолько, что не в силах выдавить из себя ни слова. Проявив совершенно непривычную для себя инициативу, Джейн взяла ее за руку — это была необычайно тонкая холодная ручка, словно лапка маленькой птички — и быстро сказала:

— Я надеюсь, мы подружимся. Твой папа много рассказывал о тебе.

Две тощие ручонки обхватили ее за шею.

— Я в-в этом с-совершенно уверена, — пискнула Рейчел ей на ухо. — Я хочу л-любить тебя, как с-сестру. — Она бросила неуверенный взгляд на отца.

— Хорошо, все хорошо, Рейчел, но не стоит мешкать здесь, не надо заставлять Джейн дрожать от холода на ступеньках, — с ноткой нетерпения в голосе сказал полковник. — Она должна войти в дом, согреться и начать привыкать к нам.

Вздвигнув, Рейчел попятилась, однако Джейн крепко держала ее за руку. Вместе они

вошли в холл, где полковник шутливо воскликнул:

— И где же мой ужин? Где моя баранья нога? Я умираю от голода, и, полагаю, бедная Джейн тоже. Правда ведь, малышка?

Рейчел испуганно заморгала, но миссис Кэмпбелл спокойно ответила:

— Ужин будет подан через десять минут, но прежде, я уверена, Джейн захочет посмотреть, где она будет спать. Пойдем со мной, Джейн, дорогая, я покажу твою комнату. Заодно ты сможешь умыться с дороги и причесаться.

Так Джейн узнала, что впервые в жизни в ее распоряжении будет просторная спальня. Миссис Кэмпбелл, которая привела ее в комнату и всячески старалась помочь, обратилась к ней со следующими словами, добрыми и искренними:

— Моя дорогая Джейн, мы действительно очень рады, что ты с нами, и сделаем все от нас зависящее, чтобы ты была здесь счастлива. Ты знаешь, что мы не богаты. Мой муж из-за ранения был вынужден уйти из армии раньше, чем намеревался, хотя, что касается меня и Рейчел, мы очень рады вернуться туда, где есть дома, тротуары и библиотеки. Наш стиль жизни будет очень простым, в нем не будет места большим развлечениям или чему-то подобному. Но все, что у нас есть, ты поделишь с нами.

— Спасибо, мэм, — тихо ответила Джейн. Оглядывая свою вместительную спальню, где стояла кровать под пестрым покрывалом, блестящий комод, шкаф с множеством полок, туалетный столик, она подумала, что стиль жизни Кэмпбеллов, пусть они называют его простым, все же намного выше, чем стиль жизни дам Бейтс в их трех комнатках в Хайбери.

— Но есть одна вещь, которую я хотела бы тебе сказать наедине, — продолжила миссис Кэмпбелл, оглянувшись на дверь и убедившись, что ее никто, кроме Джейн, не сможет услышать, — и она касается мистера Кэмпбелла. Ты непременно заметишь, что он плохо слышит и становится — иногда — немного нетерпеливым, если не может понять, о чем говорят другие люди, особенно дети и слуги. Он вовсе не злой, мне не хотелось бы, чтобы ты так думала, но он бывает вспыльчивым. Все будет очень хорошо, если ты станешь говорить громко и четко и обращаться к нему без страха. Признаюсь, я очень рада, что вы уже нашли общий язык. Просто говори так, чтобы он мог без труда тебя слышать, и он будет любить тебя, как отец.

— Да, мэм, я все понимаю. Моя бабушка тоже плохо слышит. И, поверьте, я очень признательна за то, что вы позволили мне приехать, — сказала Джейн.

В тот момент это, строго говоря, было неправдой: ей отчаянно хотелось домой, она не знала, как тетя Хетти и бабушка обходятся без нее. Они теперь, должно быть, уже давно закончили свой ранний ужин и сидят рядышком, проливая слезы, а с ними нет Джейн, которая помогла бы им перематывать шерсть или почитала бы им вслух. Но скорее всего к ним зашла добрая миссис Годдard или миссис Прайор, понимая, как они себя чувствуют в первый вечер без их драгоценной малышки. Ободренная этой мыслью, Джейн взглянула на миссис Кэмпбелл, умное тонкое лицо которой выражало искреннюю доброжелательность.

— Полковник Кэмпбелл очень любил твоего прекрасного отца, который на самом деле дважды спас ему жизнь. И он готов также полюбить тебя. Он... — Миссис Кэмпбелл снова оглянулась на дверь, словно хотела сказать что-то еще, но в этот момент в комнату робко заглянула Рейчел. — Ах, вот и ты, Рейчел, милая. Ты вовремя. Теперь ты можешь проводить Джейн вниз и показать ей дорогу в столовую.

Джейн была поражена удивительным сходством между матерью и дочерью. У обеих были одинаковые тонкие длинные лица, длинные носы и маленькие изящные рты; но если

глаза миссис Кэмпбелл были карими и ярко блестели, то глаза Рейчел были светло-серыми, как у отца, и близко посаженными. Ее носик был чуть розоватым, прямые каштановые волосы свисали безжизненными прядями. Действительно бедный ребенок, определенно совсем простой. И все же, подумала Джейн, было нечто привлекательное в ее задумчивом, заинтересованном, любознательном выражении лица и блеске светло-серых глаз, наводящем на мысль, что она с нетерпением ждет новых впечатлений, новых встреч и сумеет их должным образом использовать.

Она взяла Джейн за руку и проговорила тихо, но очень тепло:

— После ужина я д-должна т-так много тебе п-показать...

— Сколько можно ждать?! — послышался громовой голос полковника Кэмпбелла, и все трое поспешили вниз по лестнице.

Прежде чем уснуть той ночью, Джейн пролила немало слез. Ее беспокоили звуки, доносящиеся с улицы: странные громкие и незнакомые — стук копыт по камням, крики факельщиков, громыхание колес по мощеной улице. Девочка думала о бедной тете Хетти, оставшейся в одиночестве в своей маленькой спальне, где вторая кровать впервые стояла пустой. Джейн не хватало тишины родной деревни, где самыми громкими звуками, которые можно услышать ночью, были крик совы или лай собаки. Но помимо грусти и тоски по дому, какое множество вещей занимало ее ум! И в первую очередь явно плохие отношения между полковником Кэмпбеллом и его дочерью. Рядом с этим все остальные подробности ее нового существования отступали на второй план. Всякий раз, когда он к ней обращался, девочка съеживалась и начинала дрожать — что неудивительно, подумала Джейн, потому что он обращался к ней грубо и раздраженно, без доброты и терпения. Как он мог быть настолько неблагоразумным с ней, удивлялась Джейн, если с таким пониманием и добротой относится к другим людям? Бедняжка Рейчел себе не помогала, это было отчетливо видно, потому что, когда она разговаривала с отцом, отвечая на его вопрос (но ни в коем случае не по собственной инициативе), ее голос был так тих и робок, что полковник моментально приходил в ярость и приказывал повторить почти каждое предложение. А ее заикание, менее заметное, если она общалась с другими людьми, становилось, когда она беседовала с отцом, настолько сильным, что ей иногда требовалось несколько минут, чтобы выговорить даже самую короткую фразу или слово, а полковник в это время ждал, раздраженно барабанил пальцами по столу или подлокотнику кресла. Было больно и огорчительно слушать их. В отсутствии отца Рейчел становилась совсем другим человеком. С каким искренним удовольствием она показывала Джейн коллекцию засушенных цветов из Вест-Индии, свою маленькую корсиканскую куколку.

— У нас было не так много места в с-седельных сумках, п-понимаешь, поэтому мне позволили возить с собой т-только эту игрушку...

Ее рисунки странных далеких замков и книги, которые ей приобрели уже после возвращения в Англию.

— Теперь, когда ты с нами, я н-надеюсь, мы п-получим б-больше книг. Ты находишь мой акцент очень странным, Джейн? Бабушка Фицрой говорит, что я ужасно раскатисто произношу звук «р». Знаешь, у меня была няня-корсиканка, и я говорила по-итальянски до того, как выучила английский (вернее, не по-итальянски, а на том языке, на котором говорят на Корсике, и тетя София говорит, что это тарабарщина). Бедняжка Джаннина, она так плакала, когда мы уезжали, и я тоже. Потом была С-Серафина на Санта-Лючии, и Г-Гризек

в К-Краббен-даме, и М-Майра в Ирландии — у меня было так много нянь, и все они говорили на разных языках! А теперь у нас будет г-гувернантка, папа надеется, что она научит меня г-говорить правильно. Знаешь, мы ведь только три недели в Англии. Мне здесь, в общем, нравится, но все же в Вест-Индии было лучше. Но теперь, когда ты с нами, уверена, мне понравится здесь намного больше! — сказала она и обняла Джейн.

Рейчел задавала бесконечные вопросы об Англии, и Джейн на них старательно отвечала.

— А у тебя были друзья, с которыми не хотелось расставаться, когда ты переехала к нам?

— Мне было очень жалко оставлять тетю Хетти и бабушку, но, надеюсь, мы скоро их увидим.

— Я имела в виду друзей твоего возраста.

— Нет, в общем, нет, — ответила Джейн, секунду поколебавшись. — Я общалась только с Эммой, но мы не были друзьями.

— Кто такая Эмма?

Джейн честно попыталась рассказать о своих отношениях с Эммой и о перешитых вещах: «Я все еще их ношу». О музыкальных уроках, выдуманных историях о свадьбах, неудачной попытке обучения верховой езде.

— Видишь ли, Эмма должна лидировать, она чувствует потребность быть первой в любой компании. Если она не может лидировать, она предпочитает избавиться от этой компании.

— Как странно! — воскликнула Рейчел. Потом, немного подумав, спросила: — Чем она занимается целыми днями, если ее с-семья т-так богата?

— Я не знаю, — ответила Джейн, часто задававшая себе тот же самый вопрос. — Она занимается с мисс Тейлор, разговаривает с сестрой. Но только мисс Изабелла намного старше, и говорят, что мистер Джон Найтли начал оказывать ей знаки внимания и они поженятся. Если Изабелла выйдет за него замуж и уедет в Лондон, я думаю, Эмме будет очень одиноко.

— Замечательно, что ты умеешь хорошо ездить верхом, — сказала Рейчел, возвращаясь к рассказу об уроках верховой езды с мистером Найтли, — потому что мы сможем кататься в парке. П-папа обещал. И у нас, к-конечно, будут уроки м-музыки.

Эта часть программы, которая являлась источником некоторого беспокойства для Джейн, была урегулирована на следующий день. Уроки музыки не только должны были продолжиться, но и давать их должен был милый и добрый синьор Негретти. Узнав о переезде Джейн из Хайбери, он в тревоге написал мистеру Вудхаусу. Мистер Вудхаус показал письмо мистеру Найтли, который переговорил с дамами Бейтс, а те упомянули о нем полковнику Кэмпбеллу. Исход был таков: синьор Негретти, живший в Уимблдоне, будет раз в неделю приезжать в Лондон, чтобы не терять связи со своей любимой ученицей.

— О, я так рада! — воскликнула Джейн, услышав эти новости. — Я вам очень, очень признательна, полковник Кэмпбелл.

— Ладно, ладно. Мы будем ожидать достойного вознаграждения в виде чудесной музыки, как только Бродвуд пришлет нам новое фортепьяно, — да, мисс? — И он взглянул на Джейн, снисходительно улыбаясь.

Но почему он никогда так не смотрит на Рейчел, подумала она. Ее личико начинает светиться, когда она улыбается, но ее отец никогда этого не видит; когда он смотрит на нее,

она выглядит так, словно готовится разрыдаться.

Миссис Кэмпбелл, воспользовавшись моментом, когда Рейчел ушла к дантисту в компании служанки, открылась Джейн, объяснила, чем вызвано плохое отношение полковника к дочери.

— Я разговариваю с тобой, моя дорогая, как со взрослой, потому что вижу, что ты мудра и благоразумна не по годам, и это неудивительно, ведь ты всегда жила в окружении знающих опытных людей. Я искренне надеюсь, что ты нам поможешь. Мне кажется, что, проводя целые дни вместе с Рейчел, ты сможешь исправить ситуацию, которая пока только ухудшается. Видишь ли, мой супруг был очень недоволен, когда родилась Рейчел. Сначала он думал, что я должна вернуться в Англию до родов (но с транспортом в то время было трудно, да и я не хотела покидать его), и, кроме того, боюсь, он был очень разочарован тем, что Рейчел — девочка. Он очень хотел сына. Тем более когда выяснилось, что у Рейчел не будет ни братьев, ни сестер. А потом, и это было в высшей степени неудачно, она начала учиться говорить у разных нянь-иностранок: сначала это был какой-то итальянский диалект, потом нечто вроде крестьянского испанского языка, ну а в конце концов, когда отец сделал ей выговор и велел говорить только по-английски, оказалось, что она сильно заикается...

— А разве она не заикалась, говоря на других языках, мэм?

— Не так сильно; наш друг — твой отец, моя дорогая, считал, что именно смена языков, когда ей было всего три года, вызвала этот недостаток. Твой папа всегда был бесконечно добр и терпелив с Рейчел, дорогая, он был таким хорошим — конечно, она его не помнит, ведь тогда она была совсем маленькой...

Джейн почувствовала странный укол зависти. Получается, что другой ребенок пусть мимолетно, но все же знал ее отца, которого она никогда не видела.

— Я надеюсь, что ты, моя дорогая, сможешь поддержать Рейчел, показать своим примером, что она не должна проявлять столько робости с полковником. Дело в том, что он, в общем, очень разумный человек, по-настоящему великодушный и добросердечный, как выяснилось, не в состоянии понять, что Рейчел не может, просто сделав усилие, преодолеть свой речевой недостаток. И конечно, чем нетерпеливее становится он, тем больше пугается она.

— Да, я вас понимаю, мэм.

Джейн подумала, что перед ней поставлена очень трудная, почти невыполнимая задача. Ведь полковник в приступе раздражительности являл собой весьма тревожную картину: глаза блестят, голос возвышен до уровня командования на плацу. Он определенно не был человеком, легко относившимся к противодействию и разочарованию. Если он обрушит всю силу своего гнева на нее, она тоже вряд ли сможет вести себя смелее, чем Рейчел.

Но она, конечно же, обещала сделать все возможное.

— Спасибо, моя хорошая. И никогда не бойся полковника, — настойчиво сказала миссис Кэмпбелл. — Если твое дело правое, настаивай на своем. За это он будет тебя еще больше любить и уважать.

Джейн представилась возможность сделать это скорее, чем ей бы хотелось — двумя днями позже, когда доставили долгожданное фортепиано.

Полковник Кэмпбелл позвал ее вниз из классной комнаты, где она занималась вместе с Рейчел и новой гувернанткой, чтобы испробовать новый инструмент.

— Потому что, если вы не одобрите его, мисс, он отправится обратно. Вы единственный

знаток музыки в этом доме.

Несколько смущенная возложенной на нее ответственностью, но испытывая обоснованную уверенность, Джейн сыграла несколько упражнений и маленьких пьес, после чего объявила, что инструмент отличного качества и синьор Негретти, безусловно, его одобрит.

— Очень хорошо, — сказал хозяин дома, — тогда мы его оставляем. Поставьте его, пожалуйста, вот сюда, у камина, — обратился он к возчикам, которые его доставили.

Вся семья в это время собралась в главной гостиной дома, просторного помещения в фасадной части дома.

— О, сэр, — в тревоге воскликнула Джейн, — вы же не хотите всерьез поставить его здесь!

— Конечно, хочу, мисс. Как иначе вы сможете усладить нас и наших гостей восхитительной музыкой по вечерам после чая?

— О, сэр, прошу вас, подумайте! Нам с Рейчел потребуется разучивать упражнения на этом инструменте, каждая из нас должна будет упражняться по несколько часов в день. Рейчел раньше не училась, и ей потребуется постоянная практика. Мне тоже, ведь чем больше человек занимается, тем больше ему надо практиковаться. Синьор Негретти, когда приедет, скажет вам то же самое. Вы и миссис Кэмпбелл наверняка не захотите целыми днями слушать бесконечные гаммы и этюды, когда миссис Кэмпбелл занята своими делами, а вы — чтением газеты.

— Что-что? — спросил он слегка раздраженно, но потом усмехнулся: — Ну и куда, по-твоему, следует поставить эту неприятность? Туда? — Он жестом указал в сторону тыловой части дома, отделенную раздвижными дверями.

— Нет, сэр, потому что через эти двери звук проникает легче, чем вы думаете, — пройдите туда на минутку, а я что-нибудь сыграю, тогда вы сами убедитесь.

И она, потянув полковника за рукав, вывела его из гостиной.

— Ну и что ты предлагаешь? — спросил он, вернувшись. — У нас есть музыкальный чудо-ребенок в доме и новый инструмент отличного качества. Как же мы сможем удивить наших друзей, пришедших вечером в гости, если фортепиано будет упрятано где-то на чердаке? Или ты считаешь, что я должен приобрести два инструмента — один для классной комнаты, другой для гостиной? Могу тебя заверить, что я не собираюсь идти на такие расходы.

Джейн нахмурилась, напряженно обдумывая проблему.

— Сэр, а почему бы не отправить его в оранжерею? Я слышала, как миссис Кэмпбелл говорила, что это единственная комната в доме, которой пока не нашлось применения — она не собирается выращивать там цветы. Оранжерея довольно близко отсюда, и если все двери открыты, звук будет хорошо слышен и здесь, а если поставить большую ширму, как, например, эта, когда мы будем заниматься, вы вообще почти ничего не услышите. В другое время, если вы захотите послушать музыку, ширму можно будет убрать, а фортепиано, возможно, подвинуть чуть ближе к двери...

Полковник Кэмпбелл, который в начале этой речи неприязненно нахмурился, покосился на супругу и, дождавшись ее одобрителного кивка, расхохотался.

— Ты только посмотри, она все спланировала! Тихая мышка совсем не так тиха, как мы думали, — у нее есть голова на плечах, точно есть. Генерал-майор Мур взял бы тебя в свой штаб, дерзкая девчонка. Так что миссис Кэмпбелл придется отказаться от орхидей и лилий.

— На самом деле, полковник Кэмпбелл, Джейн совершенно права, — вмешалась его супруга. — Я только сегодня утром говорила, что со всеми этими благотворительными комитетами у меня просто не хватит времени на поливку чахлых цветов, на которые все равно никто никогда не смотрит.

— Ну ладно, ладно. Отнесите инструмент в оранжерею, — распорядился он. — Хотя лично я не понимаю, как вам удастся убедить черного джентльмена обогнуть этот угол. Ну, Джейн, я хотел бы сегодня услышать особенно радующую сердце музыку в качестве награды за то, что наша гостиная лишилась столь ценного имущества. — Можно было посчитать удачным обстоятельством то, что частичная глухота полковника не повлияла на его увлечение музыкой, до которой он был большой охотник; ему было легче слышать мелодию, чем изменчивые модуляции человеческого голоса. — Я специально выделил этот угол для фортепиано, и теперь наша гостиная кажется решительно голой.

— Вы можете поставить туда кадку с орхидеями и лилиями, — предложила Джейн.

Полковник, усмехнувшись, погрозил ей пальцем, ущипнул за щеку и бодро направился к двери, на ходу прокричав жене, что идет в клуб и вернется только к ужину.

Рейчел слушала этот диалог, широко открыв глаза; когда отец ушел, она спросила Джейн:

— Как ты не побоялась так говорить с папой?

— Это было необходимо, — серьезно ответила Джейн. — Он бы испытал намного больше неудобств — да что там, он бы вышел из себя, если бы ему пришлось целыми днями слушать наши гаммы. Это бы нарушило его душевное равновесие и привело в дурное расположение духа. А в этом состоянии он только рычит и злится.

Гувернантка мисс Уинстэбл поджала губы и покачала головой:

— Джейн, детка, ты не должна произносить таких слов о своем добром опекуне и покровителе — да и вообще ни о ком.

Мисс Уинстэбл когда-то была гувернанткой миссис Кэмпбелл, а после этого много лет занималась образованием и воспитанием детей сестры мисс Кэмпбелл — леди Селси, семья которой переехала в Лиссабон; и по счастливой случайности достойная мисс оказалась свободной, чтобы предложить свои услуги Кэмпбеллам.

Но Рейчел она не нравилась.

Мисс Уинстэбл была, по ее мнению, как липкая нить паутины. Она препятствовала Рейчел и Джейн на каждом повороте, при этом сама не была видима или осязаема.

— Милая старушка, — вздохнула мисс Кэмпбелл, — как часто мы с Софи смеялись над ней, когда были маленькими. Единственный результат ее обучения, который я могу припомнить, — это выполненный шелком пейзаж, на завершение которого у меня ушло семь лет... Мне кажется, он еще где-то висит в доме бабушки в Бате, — сказала миссис Кэмпбелл и отбыла председательствовать на заседании одного из комитетов, созданных для формирования общественного мнения относительно реформы уголовного права, предотвращения работорговли, ликвидации телесных наказаний в вооруженных силах и расширения избирательных прав. Все это, а также прочая благотворительная и филантропическая деятельность стали теперь, когда она вернулась в Англию, ее главной заботой. Обеспечив дочери гувернантку и умную подругу, она сочла, что уделила вполне достаточно внимания родительским обязанностям и может заняться тем, что ей интересно.

Джейн через несколько дней пришла в отчаяние и отправилась к полковнику Кэмпбеллу, который сидел в библиотеке, пока еще весьма скудно обставленной — двумя

креслами и столом, на котором лежало несколько подшивок «Рамблера».

— Сэр, позвольте вас побеспокоить.

Его тон был неприязненным:

— В чем дело? — Он чуть опустил газету и поверх нее посмотрел на Джейн.

— Сэр, мы ничему не учимся у миссис Уинстэбл, разве что вышиванию. Уверена, она хочет нам добра, но если мне предстоит стать гувернанткой, то мне нужны знания, да и Рейчел очень любознательна.

— А разве миссис Кэмпбелл не наняла для вас учителей?

Джейн покачала головой.

— Понятно. Теперь, когда мы вернулись, Сесилия наконец дорвалась до своих любимых дел и так в них погрузилась, что забыла обо всем. — Его тон был чуть насмешливым и снисходительным. — Что ж, об этом надо позаботиться. Ты правильно сделала, что пришла ко мне. О чем пойдет речь? Чем бы вы хотели заниматься? Астрономией? Историей? Языками? Географией? Литературой?

— О да, сэр, если можно, всем этим, пожалуйста! — воскликнула Джейн, почувствовав большое облегчение от того, что ее просьба встречена вполне разумно. — И еще рисование. Да и математика тоже. Должна сказать, Рейчел интересуется математикой.

— Правда? — Полковник был откровенно удивлен. — Ну что ж, о вашей образовательной программе я позабочусь немедленно. Когда приступает к своим обязанностям учитель музыки?

— Сегодня, сэр.

— Отлично. — И он взмахнул газетой, показывая, что больше не задерживает Джейн.

Синьор Негретти был очарован, обнаружив, что его лучшая ученица так хорошо устроилась в Лондоне (где он давал много уроков), с добрыми покровителями и совершенно новым фортепиано. И он, конечно, ничего не имел против новой ученицы, даже такой, которая в весьма почтенном возрасте девяти лет ни разу не видела клавиатуры. Довольно скоро он обнаружил, что Рейчел обладает несомненными способностями, быстро схватывает и всячески стремится наверстать упущенное время.

— Мисс Рейчел не скоро станет равной вам, мисс Джейн, потому что вы самая лучшая ученица из всех, что когда-либо у меня были, но у нее есть небольшой талант, который мы постараемся развить и использовать как можно лучше. К тому же у нее прелестное контральто, и вы сможете исполнять очаровательные дуэты.

— А как же ее заикание? — с тревогой спросила Джейн.

Музыкант досадливо всплеснул руками.

— Идиотизм! Всего этого можно было избежать, если бы не глупость родителей.

— Но уроки пения ей помогут, не правда ли, синьор Негретти? Я помню, вы рассказывали, что кто-то, с большим трудом говоривший, научился очень хорошо петь.

— Да, да, уроки пения ей, конечно, помогут, и еще вы, мисс Джейн, будете каждый день делать с ней упражнения для лица и горла. Я вам покажу.

В комнату вернулась мисс Уинстэбл, чрезвычайно взволнованная тем, что была вынуждена оставить ученицу наедине с учителем музыки — мужчиной! — так надолго. А Джейн на самом деле воспользовалась возможностью поговорить с мистером Негретти, пока у Рейчел шла из носа кровь — эта неприятность случалась с ней отнюдь не редко, иногда от волнения, но чаще вследствие резкого обращения отца. Гувернантка отвела девочку в ее комнату и уложила в постель с холодным компрессом на лбу и нюхательной солью.

— Бедная малышка! Такое неприятное, неподобающее леди заболевание. Надеюсь, она скоро его перерастет.

— Синьор Негретти, — спросила Джейн после окончания первого урока, — вы продолжаете ездить к Эмме Вудхаус дважды в неделю?

— Да, мисс Джейн, но что за прискорбные перемены! Приходить в дом, где я провел так много радостных часов, обучая вас, и встречать там только капризную мисс Эмму, которая совершенно не желает практиковаться. Быть может, вы желаете что-нибудь ей передать? С удовольствием это сделаю.

— Нет, спасибо, — быстро ответила Джейн, думая, как, должно быть, счастлива Эмма теперь, когда Джейн нет рядом. Напоминание в виде записки — последнее, что ей нужно. — Но я подумала, что вы едете туда как раз мимо дома моей бабушки и тети и, быть может, я могу иногда передавать с вами письма для них?

— Конечно, конечно, моя дорогая! — расцвел синьор Негретти. — Сколько угодно. Мне доставит удовольствие рассказать им, что у вас все хорошо, что вы растете, учитесь и с каждой неделей становитесь все красивее. И я могу привозить вам письма от них тоже.

— О Боже мой! Уж не знаю, насколько это умно и правильно — передавать письма с учителем музыки, — забеспокоилась мисс Уинстэбл, чьим первым побуждением, услышав о любом действе, предлагаемом ее подопечными, было его запретить как непристойное, грубое, неподобающее леди или по совокупности этих причин. А то и просто потому, что молодых следует распекать и наказывать.

Но Джейн немедленно обратилась к полковнику Кэмпбеллу, который оторвался от чтения «Условий Амьенского мира» и буркнул:

— Конечно, конечно! Посылай столько писем, сколько тебе будет угодно. И никогда больше не беспокой меня по таким пустякам.

Такая договоренность явилась сущим благом для Джейн и источником экономии на внушительных почтовых расходах для бедных дам из Хайбери, и для полковника Кэмпбелла тоже. Джейн, естественно, написала домой сразу же, как только приехала, заверив всех своих родных и друзей, что она отлично устроилась на Манчестер-сквер, хозяйка ее встретили с большой добротой, и Рейчел проявила максимум дружелюбия; к письму был добавлен постскрипtum:

«Пожалуйста, передайте от меня привет мистеру Найтли. Мне очень жаль, что я с ним не попрощалась».

Полковник Кэмпбелл отправил это письмо, но Джейн не хотелось злоупотреблять его добротой.

Через несколько недель после начала регулярных занятий, когда Джейн и Рейчел возвращались с миссис Уинстэбл с прогулки в Кенсингтонском саду, Джейн показалось, что она увидела впереди на Уигмор-стрит две очень знакомые фигуры. Она заколебалась, поскольку, хотя и привыкла к тому, что знает всех жителей Хайбери, ей все же было трудно свыкнуться с тем, что Лондон крупный город и на его улицах она встречает только незнакомцев. Но когда они обогнали группу впереди — два джентльмена (которых сопровождал мальчик, Джейн теперь это отчетливо видела) остановились, чтобы завершить беседу и попрощаться, — стало очевидно, что это добрые и любимые друзья.

— Мистер Найтли! Мистер Уэстон! — радостно воскликнула Джейн.

Мисс Уинстэбл повернула к ней возмущенное лицо.

— Джейн! Мое дорогое дитя! Леди никогда не окликают людей на улице, и уж тем более незнакомых джентльменов. Не ожидала от тебя столь неподобающего поведения!

— Но они вовсе не незнакомые джентльмены, мисс Уинстэбл, они друзья!

Несмотря на это заверение, мисс Уинстэбл моментально потащила своих подопечных прочь от столь потенциально опасного и нежелательного контакта, однако два джентльмена подошли, вежливо сняли шляпы и отрезали ей путь к отступлению.

— Джейн! Моя дорогая девочка. Какой счастливый случай! Я как раз собирался отнести тебе записку и пакет от тети — полагаю, там варезки, носки или что-то в этом роде. Я сказал ей, что еду в Лондон навестить своего брата Джона на Брансуик-сквер, и спросил, не хочет ли она что-нибудь тебе передать. — Он поклонился мисс Уинстэбл, и Джейн поспешно представила его гувернантке как «давнего друга своей бабушки».

— А это, — добавила она, — мистер Уэстон, еще один наш сосед. Он живет часть времени в Хайбери, а часть — в Лондоне.

Гувернантка затрепетала, не зная, что делать, но оба джентльмена были настолько вежливыми, воспитанными и вообще безупречными, что она, пусть и скрепя сердце, позволила им немного пройтись со своими подопечными по улице. По правде говоря, она просто не знала, как этого избежать.

— Позвольте мне представить моего сына, — сказал, улыбаясь, мистер Уэстон. — Его зовут Фрэнк. Мы с Фрэнком как раз возвращались из парка, когда встретили здесь Найтли, и решили прогуляться с ним, потому что он сказал, что собирается зайти к полковнику Кэмпбеллу; по словам Фрэнка, его опекуны, мистер и миссис Черчилль, знакомы с полковником и миссис Кэмпбелл.

Фрэнк тем временем рассматривал двух девочек с неподдельным интересом, они отвечали ему тем же искренним дружеским вниманием. Он был старше года на три-четыре — стройный светловолосый юноша с открытым улыбчивым лицом и приятным румянцем.

— Ты ходишь в школу в Лондоне? — спросила Джейн.

— Нет, в Йоркшире, — ответил он. — Но моя опекунша приехала в Лондон к врачу, так что у меня получились внеочередные каникулы. Я приехал с ней, однако был вынужден посетить дантиста, а это не слишком приятная процедура. — Фрэнк рассмеялся и надул щеку, словно у него флюс.

Девочки засмеялись.

— Я тоже х-ходила к д-дантисту, — робко сказала Рейчел. — Это было ужасно.

— Не забывай, мой мальчик, что твои проблемы с зубами позволили нам повидаться, — напомнил его отец, — а это большая радость, во всяком случае, для меня.

Они как раз прощались с Уэстонами на углу Манчестер-сквер, когда к ним подошел полковник Кэмпбелл, возвращавшийся из своего клуба, и представления начались снова. А мисс Уинстэбл, невыразимо взволнованная тем, что наниматель застал ее в компании трех незнакомых мужчин, испытала облегчение, поскольку ситуация была одобрена и упорядочена полным отсутствием недовольства полковника. Он даже выразил радость от знакомства, сказал, что много слышал о мистере Найтли от дам Бейтс, а о мистере Уэстоне — от Черчиллей. Он даже настойчиво предлагал новым знакомым зайти и выпить по стаканчику вина, но оба джентльмена отказались под предлогом того, что у них еще есть другие дела. Мистер Найтли сказал:

— В другой раз с радостью зайду. — С улыбкой глядя на Джейн, он добавил: — Твои тетя и бабушка будут счастливы, когда я расскажу им, что ты отлично выглядишь. — И он

зашагал дальше по улице, а Джейн проводила его грустным взглядом.

После возвращения в классную комнату девочкам пришлось выслушать еще множество строгих выговоров от мисс Уинстэбл относительно того, что вопиюще неприлично обращаться к особам мужского пола на улице.

— Такой непристойности, дорогие девочки, леди Селси уж точно не допустили бы! — Если бы этот поступок совершила Рейчел, которая выросла в диких краях — на Корсике и во Фландрии, ее по крайней мере можно было бы извинить, но за Джейн, которая воспитывалась в таком безукоризненно респектабельном месте, как Суррей, ей остается только испытывать жгучий стыд. — Я краснею за тебя, дитя.

Ее щеки действительно порозовели, и взгляд, которым она одарила Джейн, был исполнен сурового неодобрения без всякой приязни.

— Прошу прощения, мисс Уинстэбл, — вежливо проговорила Джейн в третий раз, — но, понимаете, мистер Найтли — очень-очень хороший сосед и добрый друг. Каждую зиму он привозит тете и бабушке две телеги дров, и даже не знаю, сколько бушелей яблок. И он учил меня верховой езде. Я бы проявила глубочайшую неблагодарность и невежливость, если бы не выказала ему должного уважения. — Ее голос дрогнул при воспоминании о счастливой свободе, которую дарили ей верховые прогулки.

Вечером полковник потребовал больше сведений о знакомствах Джейн, и она с удовольствием рассказала ему все, что знала о мистере Найтли, мистере Джоне Найтли, красотах Донуэлл-Эбби и расположенных там поместьях.

— А что ты можешь сказать о мистере Уэстоне? Какова его история?

— Грустная, — сказала Джейн. — Молодая жена мистера Уэстона, происходившая из гордой йоркширской семьи Черчиллей, умерла, оставив его с младенцем на руках. Поскольку молодому человеку еще предстояло найти свое место в жизни, он явно был неподходящим опекуном для малыша, и богатые Черчилли предложили усыновить мальчика, что, собственно, и сделали, когда он был еще совсем маленьким. В последующие девять или десять лет мистер Уэстон с братьями в Лондоне вел дела и весьма преуспел, а недавно сумел обменять свой маленький домик в Хайбери, где обычно проводил свободное время, на небольшое, но очень красивое поместье, примыкающее к деревне. Он продолжает делить время между Лондоном и Сурреем, но все соседи в деревне его очень любят и глубоко уважают. К тому же он никогда не терял связи со своим сыном, и Черчилли, каждую весну приезжающие в Лондон, не чинили в этом препятствий. Мистер Уэстон частенько заходит в их дом на Манчестер-стрит и водит Фрэнка на образовательные экскурсии, например, посмотреть элгинские мраморы в Британском музее или просто на прогулки.

— Он показался мне приятным человеком с несомненным чувством юмора, — сказал полковник, — и это странно, да? Ведь его тетка, миссис Черчилль, имеет репутацию упрямой вздорной особы, а ее муж находится у нее под каблуком. Так, Сесилия?

— Совершенно верно, — вздохнула его супруга. — Я заседала с миссис Черчилль в нескольких комитетах и признаюсь честно, что еще не встречала более самоуверенной и упрямой особы; невозможно принять ни одного решения против ее воли; она просто снова и снова повторяет свое мнение, не давая себе труда прислушаться, что говорят другие. Но я рада, что у мальчика совсем другой характер; вероятно, он пошел в отца. Надеюсь, он станет добрым товарищем нашим девочкам.

Мисс Уинстэбл встrepенулась, словно собралась воспротивиться возможным планам появления особы мужского пола вблизи ее подопечных; но Джейн объяснила, что большую

часть времени Фрэнк проводит в школе в Йоркшире.

— Тогда, возможно, они смогут повидаться с ним на Пасху. Ну а сейчас, как насчет музыки, девочки?

Джейн всячески внушала синьору Негретти, как важно, чтобы Рейчел в кратчайшее время смогла продемонстрировать отцу свои успехи в музыке.

— Если он увидит, что она может сделать что-то хорошо, то обязательно поверит, что ей под силу и все остальное. А это поможет ей.

С этой целью синьор выбрал пьесу Дуссека для игры в четыре руки, которая требует изрядного мастерства одного исполнителя, а второму остаются только несколько аккордов и отдельные ноты. Это был живой, веселый шотландский танец, и девочки практиковались с большим усердием, стараясь произвести как можно больше шума, пока мисс Уинстэбл, сидевшая в гостиной за вышиванием, не потребовала, чтобы они прекратили игру, дабы не беспокоить дорогую миссис Кэмпбелл, которая так занята чтением парламентских отчетов.

Поэтому, когда полковник пожелал слушать музыку, Джейн предложила:

— Давай сыграем наш дуэт, Рейчел.

Та молча кивнула, ширму убрали, и две исполнительницы заняли свои места. Хорошо отрепетированная пьеса была сыграна в весьма своеобразном стиле, после бравурного завершения Джейн и Рейчел буквально покатались от хохота.

— Рейчел! Ты, негодница, украла мою ноту!

— Н-нет! В-овсе нет! Это т-ты украла мою.

Даже миссис Кэмпбелл ненадолго оторвалась от чтения, чтобы сказать:

— Браво!

К немалому смятению Джейн, полковник встал со своего места, вошел в оранжерею и остановился рядом с фортепиано.

— Это было довольно-таки энергичное исполнение, — отметил он и вроде бы с удивлением заметил порозовевшие щеки своей дочери и ее смеющееся лицо. Но когда он приблизился, вся веселость ее покинула; она побледнела, шумно вздохнула и уставилась на свои руки. — Ну а теперь сыграй что-нибудь одна, Рейчел, — попросил он.

— О н-нет, п-прошу тебя, п-папа! Я н-не м-могу! — дрожащим голосом проговорила она.

— Это что еще за глупости? Если ты можешь так ловко играть с Джейн, то, конечно, сможешь и сама. А мы с мамой послушаем. Мы хотим знать, какого прогресса ты достигла. Так что никакой чепухи. Сыграй нам, пожалуйста, что-нибудь. Все равно что. Пусть даже самое простое.

— О, п-папа, п-пожалуйста, молю, не з-заставляй меня...

— Ты человек или червяк? — в ярости загремел полковник и ударил кулаком по крышке фортепиано так, что инструмент возмущенно загудел, а все ноты рассыпались по полу. — Хватит распускать нюни! Я требую, чтобы ты что-нибудь сыграла.

— Джеймс, не надо, — слишком поздно вмешалась миссис Кэмпбелл из другой комнаты, — если ребенок не может, значит... — Но у Рейчел уже хлынула из носа кровь, и она, рыдая, выбежала из оранжереи.

А Джейн с яростью уставилась на полковника.

Дважды она открывала рот, собираясь заговорить, и дважды закрывала его, не сказав ни слова.

— Что за нелепая манерность! Все она может, только не хочет! Почему я должен

тратить деньги на уроки музыки для бесхарактерной хнычущей девчонки, которая, видите ли, слишком деликатна, чтобы сыграть для собственного отца? Хороша же у меня дочь, ничего не скажешь!

Кипя гневом, он повернулся, вышел из оранжереи и направился вниз по лестнице. Через несколько секунд за ним с грохотом захлопнулась входная дверь.

Джейн могла только поблагодарить судьбу за то, что мисс Уинстэбл еще раньше удалилась к себе. Джейн искренне надеялась, что гувернантка никогда не услышит об этой безобразной сцене. При любых разногласиях между полковником и дочерью гувернантка неизменно оказывалась на стороне родителя и принималась долго и подробно рассуждать о важности и абсолютной необходимости всяческих стараний и напряжения всех сил, чтобы угодить родителям, дарителям жизни и вершителям судьбы. «Подумать только, — наверняка сказала бы она, — не сыграть, когда этого пожелал отец! Фи! Стыдитесь, мисс. Дочери леди Селси в подобном случае играли бы целыми днями. Да что там днями — неделями. Это очень плохо! Позор! Вы перешли все границы!»

Убедить Рейчел не бояться отца, а полковника Кэмпбелла — не пугать дочь оказалось адски трудно; процесс продвигался, как считала Джейн, бесконечно малыми шагами. С помощью и при поддержке Джейн Рейчел, у которой было очень приятное контральто, разучила партию второго голоса в дуэте, написанном для них синьором Негретти на основе французской баллады, а после этого они стали работать над итальянской песней «Венецианская ариетта». Во время пения по-французски и по-итальянски Рейчел забывала о своих речевых проблемах и чувствовала себя вполне уверенно. Джейн надеялась, что в день рождения отца Рейчел, который выпадал на конец марта, они устроят для него маленький концерт.

Но увы! Как раз незадолго до торжества, по несчастливой случайности, мисс Уинстэбл попала в руки тетрадь Рейчел, которую гувернантка немедленно показала полковнику, поскольку в ней вместо французских глаголов она обнаружила рисунки людей.

— Это даже не портреты, — задыхалась от возмущения обозленная гувернантка, — а какие-то карикатуры! — К сожалению, все они были слишком узнаваемы: сама мисс Уинстэбл, замотанная в многочисленные газовые шали и покрывала; миссис Кэмпбелл, так глубоко зарывшаяся в кипы памфлетов и протоколов, что были видны только кончик длинного носа и прядь волос, очень хорошо знакомые. Еще там был Тонкин с комично мрачным выражением лица, лакей полковника, на цыпочках крадущийся по лестнице с охапкой накрахмаленных белых галстуков; и грозная миссис Черчилль, размахивающая палкой. Но хуже всего, что в тетрадке Рейчел нашлось и изображение полковника Кэмпбелла с нахмуренными бровями, такими черными, какие только смог воспроизвести карандаш, и презрительно оттопыренной нижней губой, а перед ним на коленях стояла его дочь, дрожащая, как лимонное желе на тарелке.

Полковник призвал к себе дочь, накричал на нее и довел до такого состояния, что бедняжка слегла в постель на три дня.

Потом на ковер была вызвана Джейн, и выволочка, которую она получила, была едва ли меньшей, чем та, что подкосила Рейчел: претензии полковника к Джейн заключались в подстрекательстве Рейчел к разным видам подрывной деятельности, в основном неуважению и неповиновению гувернантке и непризнанию авторитетов.

— Тетрадь была предназначена для французских глаголов, а не для дерзких рисунков! — громовым голосом вещал он.

Джейн в отличие от Рейчел, хотя и была испугана, держалась стойко.

— Сэр, вы несправедливы. Рейчел знает французские глаголы — она хорошо говорит по-французски, совсем как настоящая француженка, и уж точно лучше мисс Уинстэбл.

Сама Джейн говорила по-французски вполне сносно, потому что это был второй язык синьора Негретти и она имела возможность практиковаться уже два года, поэтому отчетливо видела недостаточность знаний мисс Уинстэбл в этой области.

— Тем не менее тетрадь была предназначена для учебных целей, а не для вульгарной мазни. Молодые девушки должны учиться быть аккуратными и кроткими независимо от того, понимают они причины этого или нет.

Джейн тяжело вздохнула, но продолжала стоять на своем.

— И все же я уверена, что вы несправедливы. Когда вы привезли меня сюда, и вы, и

миссис Кэмпбелл сказали, что одна из моих задач — помочь Рейчел стать более уверенной и менее робкой. Как она сможет приобрести уверенность в себе, если ее ругают и наказывают за то, что она делает очень хорошо? За рисунки? И как она может приобрести уверенность в себе, если ей постоянно напоминают только о недостатках, ошибках и провинностях?

На протяжении всей этой длинной речи у Джейн отчаянно колотилось сердце, но она стояла на своем, пусть дрожа, но уверенно глядя на полковника и стараясь не думать, что скажут ее родственники, если ее с позором отошлют обратно в Хайбери.

На несколько мгновений наступила тишина. Потом полковник снова заговорил, немного тише.

— Я не сержусь на тебя, Джейн, — сообщил он (хотя, судя по яростному блеску глаз и подергивающимся губам, это едва ли было правдой). — Но я хочу, чтобы ты, пусть даже ты еще совсем ребенок, понимала разницу между положением Рейчел и твоим собственным. Разница есть, хотя мы стараемся, чтобы ты ее не чувствовала. У Рейчел, когда она вырастет, будет состояние в двенадцать тысяч фунтов. Это неплохо для нее, бедняжки, поскольку она своими природными данными никогда не сможет привлечь внимание богатого жениха. Но даже неплохое состояние не повысит ее шансы на удачное замужество, если она не научится чисто женскому искусству привлекать к себе внимание хорошими манерами, дружелюбием, умением красиво одеваться, петь, играть на фортепиано, ну, ты понимаешь, о чем я. Что же касается тебя, мое дитя, все не так. Ты, к моему великому сожалению, не имеешь приданого и вынуждена приобрести профессию. Твои друзья выбрали для тебя не слишком неприятную, но трудную профессию учительницы, для которой ты, от природы умная девочка, вполне подходишь. Ты сможешь, я в этом не сомневаюсь, пойти далеко, если только удастся найти для тебя хорошее место. (Бабушка Рейчел училась в школе с герцогиней Ричмондской; а миссис Черчилль дружит с леди Каслри, так что у нас очень неплохие перспективы; о таких вещах надо думать заранее.) В будущем, хотя тебе, конечно, придется работать, ты будешь независима и обеспечена. Но Рейчел, если она хочет занять хотя бы какое-то положение в обществе, должна выйти замуж; ей нужно научиться нравиться мужчине, однако определенно она не сможет этого сделать, если будет заикаться, мямлить и краснеть. Даже вульгарные зарисовки в тетради по французскому ей не помогут.

— Сэр, — упрямо повторила Джейн, — Рейчел рисует очень хорошо. Так сказал профессор Крамер. На последнем уроке он наградил ее золотой звездой. Он сказал, что еще никогда не награждал золотой звездой своих учеников.

— Рад слышать, — сухо ответил полковник. — Тогда пусть Рейчел займется пейзажами, натюрмортами, в общем, тем, что пристало женщине. Ну ладно, Джейн, хватит об этом, иди. И пусть мисс Уинстэбл больше на вас не жалуется. И уж точно, чтобы больше не было никаких дерзких карикатур, — пробормотал он, когда она выходила из комнаты.

Вскоре после этого разговора Джейн было сказано, что она может поехать с визитом в Хайбери.

Она уже некоторое время обращалась к своим благодетелям с вежливыми, но настойчивыми просьбами: «Прошу вас, сэр, пожалуйста, миссис Кэмпбелл, позвольте мне поехать домой. Тетя Хетти и бабушка нуждаются во мне, я уверена. Они ничего не писали в письмах, но я не могу себе представить, как они так долго обходятся без меня и кто выполняет сотни мелких поручений, которые всегда доставались мне». Но всякий раз полковник или миссис Кэмпбелл находили причину, не позволяющую Джейн вернуться в Хайбери: «Зима — неподходящее время для путешествий, тебе будет лучше в Лондоне, в

большом, теплом, хорошо проветриваемом доме. А не в промозглой сырой деревне. Тем более что ты подвержена простудам — у тебя слабые грудь и горло»; «Мария Диконс будет играть роль графини в «Женитьбе Фигаро»; будет очень жаль пропустить такое важное представление, а Рейчел не захочет идти без тебя». «В Пантеоне будет концерт, который настоятельно рекомендовал посетить синьор Негретти»; «Друзья полковника Кэмпбелла — Диксоны из Ирландии — будут в Лондоне после Пасхи, а Рейчел лучше чувствует себя в компании, если рядом Джейн».

Этих причин хватило, чтобы Джейн оставалась в городе весь январь, февраль и март, но наступил апрель, и она снова заговорила о поездке домой. Джейн мечтала о нарциссах, зеленой дымке почек жимолости над живыми изгородями, полноводных ручьях. Хотя она искренне привязалась к Рейчел и испытывала к ней настоящие сестринские чувства, все же ей очень хотелось домой. Особняк номер двенадцать на Манчестер-сквер не стал ее домом, хотя, как и предсказывал полковник Кэмпбелл, она начала привыкать.

По сути, давно откладываемое разрешение поехать в Хайбери, когда оно наконец поступило, явилось, как подозревала Джейн, не потворством ее прихоти, а скорее должно было стать уроком, дисциплинарной мерой, призванной напомнить ей, сколько неприятностей и неудобств она оставила позади и как много потеряет, если не сумеет угодить своим благодетелям. На Манчестер-сквер ее терпят из милости, ее пребывание здесь зависит от ее послушания и выполнения ею определенных функций и может быть аннулировано в любое время.

«Они не понимают, — часто думала Джейн, — как сильно мне хочется вернуться в Суррей». Она была настолько счастлива, получив долгожданное разрешение, что снова и снова благодарила полковника и миссис Кэмпбелл. И однажды получила подтверждение своим подозрениям, услышав слова полковника (который часто не отдавал себе отчета, насколько громко говорит), обращенные к жене:

— Не знаю, правильно ли мы сделали, устроив этот визит? Джейн явно считает его наградой.

— А почему бы и нет? — спокойно ответила миссис Кэмпбелл. — Не сомневаюсь, что она разумная достойная девочка и очень любит своих родственников. И она очень старательна в учении. Рейчел предана ей и будет очень скучать, думаю, Джейн тоже будет не хватать Рейчел.

— Что ж, — задумчиво проговорил полковник, — пусть будет так. Уверен, в любом случае ей очень скоро надоест в Хайбери.

Эти слова чрезвычайно возмутили Джейн, и она решила объявить о своем присутствии в оранжерее, где разбирала ноты, громко хлопнув крышкой пианино, вслед за чем последовало удивленное молчание, а потом звук поспешно удаляющихся шагов.

Возможно, потому что Джейн считалась слегка провинившейся, в дороге ее сопровождал не полковник, а одна из служанок, у которой родители жили в Букхеме и она ничего не имела против визита домой.

Джейн и Рейчел обменялись прощальными обещаниями.

— Я буду писать тебе каждый день, — поклялась Рейчел, вытирая слезы, — а ты? Я в следующий раз дам синьору Негретти сразу семь писем для тебя. Пожалуйста, возвращайся скорее, не оставайся там слишком долго.

Джейн спросила, будет ли позволено Рейчел приехать в Хайбери.

— Мне бы очень хотелось показать ей мои любимые места, познакомить с бабушкой и

тетей Хетти.

Миссис Кэмпбелл вроде бы отнеслась к этому предложению весьма благосклонно. Свежий деревенский воздух определенно пойдет Рейчел на пользу; она всегда отлично себя чувствовала и была абсолютно счастлива, живя в военных лагерях на далеких островах или в горах. Но полковник указал жене, что эта милость подорвет все предпринятые им меры дисциплинарного воздействия.

— Пусть эта парочка побудет некоторое время врозь. Обе узнают результаты неуважения и своеволия.

Таким образом, было решено, что Джейн останется в Хайбери на месяц. Потом, возможно, в зависимости от целого ряда обстоятельств, не названных, но понятных обоим сторонам, Рейчел позволят сопровождать отца, когда тот поедет за Джейн.

— О, я так надеюсь, что тебе разрешат! Тогда ты сможешь познакомиться с людьми, которых я люблю. Мы поедем в Донуэлл-Эбби и повидаемся с мистером Найтли...

Обещанный обмен письмами начался немедленно. Джейн подробно описывала день за днем свою незамысловатую жизнь в Хайбери, а синьор Негретти, в очередной раз приехав в Хартфилд, передал ей толстую пачку корреспонденции от Рейчел, которая писала уже совсем как взрослая, почти без зачеркиваний и грамматических ошибок, сопровождая свое эпистолярное творчество маленькими рисунками. Она поведала своей лучшей подруге, дражайшей обожаемой Джейн, что из Ирландии приехали Диксоны (полковник познакомился с ними, когда служил там). Родители, майор и миссис Диксон — энергичные, дружелюбные и хорошо воспитанные люди. Зато двое мальчиков, Мэтт и Сэм, — настоящие сорванцы, ставшие такими из-за того, что им всегда позволяли играть с ирландскими крестьянскими ребятишками. Они говорят на странном, почти непонятном языке, но все равно ребята добрые, дружелюбные и, надо признать, порой даже очень забавные. Полковник Кэмпбелл был невероятно возмущен их грубыми манерами, и это дало Рейчел большое преимущество: ее собственные недостатки сразу поблекли и даже отошли на второй план.

«Но все равно я скучаю по тебе каждый час, каждую минуту, возвращайся скорее, моя любимая дорогая Дженни. А пока сообщи мне все разведывательные сведения о Хайбери. Синьор Негретти говорит, что ты вернулась к урокам и практике в Хартфилде. Как поживает ужасная Эмма? Она так же ужасна, как всегда? Я почти надеюсь, что так оно и есть, потому что, если ты с ней подружишься, я буду ревновать. А как чувствует себя добрый и красивый мистер Найтли? Он такой же добрый герой, как раньше? Он возит тебя на верховые прогулки? В город приехали Черчилли, и миссис Черчилль приезжала к нам с Фрэнком. Она и папа заспорили о работорговле, и она дала ему резкий отпор. Фрэнк стал красивым юношей с приятными манерами, и по сравнению с ним мальчишки Диксонов кажутся настоящими дикарями. Вот их портреты, всех троих: Мэтт — это тот, кто с всклокоченными черными волосами. Папа сказал Мэтту и Сэму, что они должны брать пример с Фрэнка, и они чуть не умерли со смеху, потому что сочли Фрэнка снобом. Твоя преданная и любящая подруга Рейчел Кэмпбелл».

Джейн написала ответ и передала его синьору Негретти.

«Дорогая Рейчел, твои письма — радость для меня. Я смеюсь и плачу над ними и

словно вижу Манчестер-сквер, твой дом и всех живущих в нем людей, когда читаю и перечитываю каждую строчку. Мне очень тебя не хватает. Но я рада, что у тебя есть компания и ты не скучаешь, и что ужасные мальчишки Диксон отвлекли от тебя внимание полковника. О твоём отце моя бабушка, мудрейшая женщина на свете, сказала любопытную вещь. Я поведала ей о твоих проблемах (знаю, ты не будешь на меня за это сердиться, ведь я вас обеих очень люблю), и она сказала: «Рейчел должна попросить о помощи Святого Духа».

«При чем тут Святой Дух?» — спросила я. Она ответила: «Фредерик (это мой дедушка, если помнишь, который был викарием в Хайбери) всегда говорил, что, когда человек в беде, в смятении или в опасности, обращаться следует к Святому Духу». «Но почему, бабушка?» — спросила я.

«Понимаешь, дитя мое, Бог Отец и Иисус очень заняты великими мировыми проблемами. Возможно, из-за своей занятости они не смогут прийти на помощь сразу. А Святой Дух, как викарий, всегда готов позаботиться о нуждах простых людей. — Она заверила меня, что Святой Дух часто ей помогал. — Скажи это своей подруге Рейчел, и она скоро убедится, что я права». Вот я передаю тебе ее слова и от всего сердца надеюсь, что совет окажется полезным.

Да, я видела ужасную Эмму. Она уже не такая пухлая, как была раньше, и стала, пожалуй, даже красивой. Но я все равно чувствовала себя равной ей, потому что впервые в жизни при нашей встрече на мне было красивое новое платье, причем мое собственное платье (за что я буду вечно признательна дорогой миссис Кэмпбелл), а не перешитое из ее обносков.

«Как ты живешь, Джейн? — спросила она, оглядев меня с ног до головы. — Тебе нравится в городе?» «Конечно, очень нравится», — ответила я и рассказала ей столько всего о наших посещениях театров и концертов, о том, как я видела короля и королеву на прогулке в парке и элгиновские мраморы, что она надолго замолчала. Придя в себя, она сообщила, что предпочла бы увидеть Розеттский камень и принцесс королевского дома, и поинтересовалась, правда ли, что модницы теперь используют зеленые тени для глаз. Знаешь, хочешь верь, хочешь нет, но мне стало ее жалко; она сидит в Хартфилде, как в тюрьме, и редко выходит даже с мисс Тейлор, а я теперь знакома с разными людьми, видела намного больше интересного, чем она. Представь себе, она не была даже в Кингстоне, потому что мистер Вудхаус теперь превратился в совершеннейшего инвалида.

Да, я видела дорогого мистера Найтли. Он повез меня на верховую прогулку (не на Джинджер, которую, к сожалению, продали, а на маленькой кобылке Дусетте — это настоящее сокровище). Мы проехали по деревне, а завершил прогулку великолепный восхитительный галоп. Признаюсь, я испытала огромное, ни с чем не сравнимое удовольствие, самое большое из всех, что мне довелось пока здесь испытать (если не считать, конечно, встречи с бабушкой и тетей Хетти).

Мистер Найтли сказал, что его брат Джон наконец сделал предложение Изабелле Вудхаус — все знали, что рано или поздно это произойдет. Это повергло бедного мистера Вудхауса в смятение; он не может вынести мысли о замужестве Изабеллы и ее переезде в Лондон, где Джон сейчас изучает право. Потребуется годы, считает мистер Найтли, чтобы уговорить мистера Вудхауса. Эмма мне эту новость не передала, зато о ней много говорила тетя Хетти. Думаю, Эмма переживает — Изабелла всегда была добра к ней.

Диксоны все еще остаются с вами? Признаюсь, мне было бы очень любопытно познакомиться с мальчишками. А Фрэнк тоже живет в городе с тетей и дядей? Новый дом его

отца строится, хотя и очень медленно; мистер Уэстон несколько раз заезжал и даже любезно предложил отвезти меня в Лондон, но все будет зависеть от того, согласятся ли твои родители. В погожие дни мы раз или два прогуливались, чтобы посмотреть дом, который будет называться Рэндаллс, потому что он строится на земле, принадлежащей фермеру Рэндаллу. Мистер Уэстон очень занят — он разбивает парк, сажает ели, ясени, акации, ломбардские тополя. Но только это место все равно никогда не будет таким красивым, как Донуэлл-Эбби, где живет мистер Найтли. Ну вот пока и все. Обнимаю тебя, моя дражайшая Рейчел».

Когда Джейн писала, что прогулка с мистером Найтли стала для нее самым счастливым временем в Хайбери, она несколько не кривила душой. Мистер Найтли всегда казался ей лучшим, самым красивым, умным и добрым взрослым из всех ее знакомых (кроме, конечно, бабушки и тети Хетти), а теперь в сравнении со вспыльчивым, раздражительным полковником Кэмпбеллом он вообще стал образцом доброты, благоразумия и безупречности. По правде говоря, у полковника Кэмпбелла были самые добрые намерения, однако он нередко проявлял непоследовательность, поддавался эмоциям и ошибался, зато мистер Найтли, насколько Джейн было известно, всегда являлся примером высочайшего ума и доброты. Счастливой станет та, кого он сделает хозяйкой в Донуэлл-Эбби. Если, конечно, он когда-нибудь решится на такой шаг; тетя Хетти придерживалась мнения, что мистер Найтли никогда не женится, потому что во всем мире не найдется женщины, которая была бы достаточно хороша для него.

И лишь одно тревожило Джейн безмерно. Вопреки ожиданиям и в полном соответствии с предсказанием полковника она не была здесь абсолютно счастлива. Деревня была такой же очаровательной, знакомой и приветливой, как она и предвкушала; каждое дерево, листок, дымовая труба, черепичная крыша, каждый улыбающийся сосед и каждый кустик нарциссов согревали ей сердце. Бабушка и тетя Хетти были переполнены любовью и буквально лучились счастьем — ведь к ним вернулась их любимица. Также, хвала небесам, с ними, похоже, все было в порядке; зима, прожитая без нее, не сказалась неблагоприятно на их здоровье; соседи были добры к ним; при необходимости у них всегда была компания или помощь. Но уже через несколько дней, проведенных дома, Джейн была вынуждена признать самой себе, что жизнь в Хайбери кажется ей монотонной и довольно-таки ограниченной; она, конечно, могла выйти из дома и пройтись по деревне, но это означало, что нужно бросить тех, кто так отчаянно нуждался в ее компании; и потом три комнатки действительно были маленькими и темными, в них было мало воздуха, зато слишком много мебели; странно, что она этого раньше не замечала. И еще здесь не было книг. А тетя Хетти так многоречива! Ненавидя саму себя, терзаясь чувством вины, Джейн не могла не стремиться обратно в просторные, скудно обставленные комнаты на Манчестер-сквер — дело в том, что миссис Кэмпбелл, как только в доме появилось достаточное количество стульев, столов и кроватей, немедленно потеряла интерес к дальнейшему обустройству жилища и погрузилась в деятельность благотворительных комитетов. Джейн не хватало большой, полной воздуха, классной комнаты, дружбы Рейчел, книг, уроков, даже резких замечаний мисс Уинстэбл и полковника Кэмпбелла, которой, когда пребывал в хорошем настроении, мог быть и забавным, и поучительным, например, рассказывая об Амьенском мире, следующих действиях Бонапарта и отношениях между королем и принцем Уэльским. А дома разговоры в основном касались побега нескольких свиней с фермы в Эбби и порчи

ими капустных грядок мистера Перри, или слухов о том, что мистер Прайор счел работу викария слишком утомительной и заявил, что ему необходим помощник.

Джейн не могла время от времени не вспоминать слов Эммы: «Ты живешь в трех маленьких комнатках, где с трудом можно ходить, твоя бабушка очень стара, а тетя Хетти все время болтает — как ты это выносишь?»

Она очень любила Хайбери и всегда будет любить, но только теперь она с тоской поняла, что деревня не может дать ей все, в чем она нуждается. Пусть это можно было посчитать неблагодарностью, но ей временами хотелось, чтобы Кэмпбеллы никогда не забирали ее из дома, чтобы она узнала разницу жизни у них и у бабушки.

Не могла она и не вспоминать разговор с полковником Кэмпбеллом, когда тот упомянул о том, что их с Рейчел ждет разное будущее.

«Твои друзья выбрали для тебя не слишком неприятную, но трудную профессию учительницы... Однако у Рейчел все будет иначе: она должна научиться нравиться мужчинам».

«Почему, — думала Джейн, — из-за того, что мы родились девочками, перед нами только эти две дороги? Мальчики могут выбрать армию, флот, церковь, право, медицину или политику; они могут писать романы, стать художниками или музыкантами; но девочки почему-то могут стать только женами или учить детей, для них доступно только это будущее. Или они остаются старыми девами, как тетя Хетти; а что станет с тетей Хетти, когда умрет бабушка? О ее будущем даже думать не хочется. Я только надеюсь, что к этому времени стану гувернанткой в какой-нибудь знатной семье и смогу отдавать ей часть своего заработка». Она подумала о мисс Тейлор у Вудхаусов, мисс Уинстэбл у Кэмпбеллов. Мисс Тейлор жилось хорошо, к ней относились как к члену семьи; однако нельзя было не заметить, что Кэмпбеллы не уважали мисс Уинстэбл и уж тем более не считали ее равной. «Что в общем-то справедливо, — думала Джейн, — поскольку эта женщина глупа, она умеет только вышивать и плести красивые корзиночки, а во всем остальном всего лишь злобная сплетница. Но с другой стороны, разве у нее был шанс научиться чему-нибудь большему? всю свою жизнь она провела рядом с чужими детьми, возможно, испорченными, капризными, избалованными детьми. Неужели я стану такой же через тридцать лет?»

От одной этой достаточно неприятной мысли Джейн погрузилась в глубокую депрессию.

«Но опять-таки, разве судьба, ожидающая Рейчел, лучше? Она должна научиться нравиться мужчине. Но какому мужчине? Умному, опытному, доброму мужчине вроде мистера Найтли? Или раздражительному, неблагоразумному и вспыльчивому мужчине вроде полковника Кэмпбелла? И как может бедняжка Рейчел нравиться, если она бледнеет и заикается или у нее начинается сильнейшее носовое кровотечение при одной только мысли и разговоре с одним из мужчин — со своим отцом!»

«У нас произошла совершеннейшая неожиданность, моя дражайшая Дженни, — написала Рейчел после того, как Джейн провела в Хайбери пару недель. — К нам приехала жить бабушка Фицрой. Ни папа, ни мама не знали, что у нее имеются такие намерения; насколько нам всем было известно, она очень хорошо устроена в Бате. Но она, кажется, сделала какие-то неудачные инвестиции (или что-то еще, чего я до конца не понимаю). Как бы то ни было, она прибыла к нам три дня назад с целой кучей сундуков и картонок, пронзительно орущим попугаем в клетке и горничной-француженкой Флери и сразу умудрилась перевернуть в доме все с ног на голову. Диксонам пришлось сократить свой визит, о чем я очень сожалею, потому что нашла общий язык с Мэттом и Сэмом. Их странный английский язык, который не раз заставлял меня смеяться, начал исправляться, и мы вместе разучили несколько ирландских баллад, потому что у обоих мальчиков прекрасные голоса и они любят музыку. Но даже если бы в доме было достаточно места, они ни за что не остались бы здесь с бабушкой Фицрой. К моему большому разочарованию, они пока перебрались к друзьям в Честер, а потом вернутся в Ирландию. А мне так хотелось, чтобы ты с ними познакомилась.

Кроме того, боюсь, ты, когда вернешься, найдешь наш дом совсем не таким комфортным, как прежде. Скоро увидишь, почему я так думаю. Но я всегда буду твоим самым преданным другом. В этом можешь не сомневаться. Надеюсь, ты скоро вернешься. Обнимаю тебя...»

И действительно, вскоре после этого Кэмпбеллы приняли любезное предложение мистера Уэстона, который ехал в Хайбери с грузом мебели для нового дома и собирался возвращаться в Лондон налегке.

— Я могу взять тебя, могу не брать, — усмехнувшись, сказал он Джейн. — Но полковник Кэмпбелл согласен, и мы с тобой вполне могли бы приятно поболтать в пути.

Что они и сделали. Мистер Уэстон был веселым словоохотливым человеком и с удовольствием разговорился относительно помолвки Изабеллы Вудхаус с Джоном Найтли.

— Мистер Вудхаус говорит, что им надо подождать не меньше четырех лет до свадьбы. Но мисс Тейлор, очаровательная женщина, благоразумная и проницательная, думает, что постепенно он сократит срок до трех лет. В конце концов, бедному Джону Найтли уже двадцать семь, к свадьбе ему исполнится тридцать один. Мужчина должен жениться молодым, я так считаю.

Они поговорили о новой ученице миссис Годдард.

— Очень милая малышка; никто не знает, откуда она и из какой семьи; девицы Кокс считают, что здесь кроется что-то романтическое и что она, должно быть, принцесса инкогнито.

И конечно же, они много говорили о сыне мистера Уэстона Фрэнке — о нем счастливый отец мог рассказывать бесконечно.

— Он такой красивый, веселый мальчик и совершенно неиспорченный, хотя жизнь рядом с такой вздорной особой, как миссис Черчилль, может испортить кого угодно. Иногда опекуны с ним в высшей степени либеральны, позволяют абсолютно все, что он попросит; а иногда миссис Черчилль превращается в настоящего тирана и не позволяет ему даже встречаться с его другом Томасом Брейтуэйтом или уходить из дома больше чем на полчаса.

Она человек настроения, и никогда не знаешь, что ей придет в голову в следующий момент.

— Да, миссис Кэмпбелл говорила то же самое, — согласилась Джейн. — Наверное, очень тяжело жить с таким неблагоприятным человеком.

— Да, но говорят, что у миссис Черчилль плохое здоровье и она нередко испытывает сильные боли, так что по крайней мере частично ее плохой характер объясняется этим.

То же самое, думала Джейн, можно сказать о полковнике, который после ранения в голову часто испытывает сильные боли. А поскольку он к тому же хромает и плохо слышит, остается лишь удивляться, как он уживается с тещей.

Миссис Фицрой была из семьи Деспенсер, о чем она, не теряя времени, сообщала каждому новому знакомому, которого считала достойным такой чести; один из ее предков был вершителем правосудия при дворе Плантагенета, а другой — графом Уинчестером, казненным в 1322 году королевой Изабеллой. «Не сомневаюсь, у нее были на то причины», — обычно бормотал себе под нос полковник Кэмпбелл, когда ему доводилось слышать очередной исторический экскурс тещи. Брак с генералом Фицроем стал бесспорным мезальянсом для Амелии Деспенсер, но очень уж привлекательными показались ей имеющиеся у генерала пять тысяч годового дохода, поскольку к тому времени Деспенсеры уже были на грани разорения. Ряд неудачных финансовых решений, принятых еще при жизни генерала, снизили его доходы, и после его смерти, случившейся пятью годами раньше, вдова, сохранившая глупо расточительные и экстравагантные привычки, настолько серьезно уменьшила оставшийся капитал, что была вынуждена отдаться на милость зятя. Полковник Кэмпбелл, человек большой честности и высоких принципов, не пытался уклониться от обязательств по отношению к матери жены, но при этом сказал Сесилии:

— Сомневаюсь, что в будущем у нас будет хотя бы один спокойный день. На мирную семейную жизнь больше нет ни одного шанса.

— О, я думаю, дорогой, мы притремся друг к другу и будем сосуществовать вполне терпимо, как только мама обустроится и привыкнет, — спокойно ответствовала миссис Кэмпбелл. — А тебе пока придется чуть больше времени проводить в своем клубе.

Сама миссис Кэмпбелл, не считавшая своим долгом лицемерно изображать привязанность к матери, решила еще больше времени уделять своим комитетам. Таким образом, основное бремя присутствия миссис Фицрой в доме легло на детей.

Мисс Уинстэбл, конечно, была давней союзницей этой дамы, ведь ее когда-то впервые наняли гувернанткой именно в дом миссис Фицрой к двум ее собственным дочерям. Она была счастлива, узнав о приезде своей прежней нанимательницы на Манчестер-сквер, и постоянно ставила ее девочкам в пример, как воплощение элегантности и благовоспитанности.

— Какие манеры! Какой внешний вид! Какое достоинство! Все-таки породу видно с первого взгляда. Даже королеве до нее далеко.

Миссис Фицрой действительно была на удивление элегантна. «А какой ей еще быть, принимая во внимание стоимость ее гардероба?» — мрачно ворчал полковник Кэмпбелл. И в самом деле, до того как Париж был отрезан террором, миссис Фицрой совершала регулярные ежегодные путешествия в столицу моды и никогда не покупала ничего, кроме разве что сорочек, в других местах. После того как кульминацией весьма огорчительных событий стала смерть французского короля и королевы, она была вынуждена прекратить свои визиты, но все же старалась поддерживать переписку с людьми, сведущими в моде, и

получала рисунки, выкройки и отрезки намного раньше, чем остальная британская публика. Она узнала о таких оттенках, как египетский терракотовый и серый антик, прежде всех своих знакомых и первая стала следовать шокирующей моде носить красную бархатную ленту на шее — символ гильотины, — к яростному возмущению своей дочери, которая хоть и не была в тот момент в Англии, но узнала о возмутительном поведении матери из писем шокированных друзей.

Внешне миссис Фицрой была похожа на дочь и внучку: очень худая, с длинным носом, тонкими губами, светлыми близко поставленными глазами и великолепной бело-розовой ухоженной кожей. Ее светло-русые волосы, уже начавшие седеть, всегда были завитыми и уложенными в высокую прическу в классическом греческом стиле, а одежда была предметом восхищения всех женщин в доме, за исключением собственной дочери.

— Даже странно, что вкусы мамы т-так сильно отличаются от б-бабушкиных, — сказала Рейчел Джейн. — Если бы они не были так похожи внешне, никто бы не поверил, что они родственники.

Джейн не считала это обстоятельство странным. Ей, наоборот, казалось нормальным, что дочь миссис Фицрой захотела как можно меньше походить на мать, тем более такая умная и здравомыслящая особа, как миссис Кэмпбелл.

А миссис Фицрой, со своей стороны, никогда не упускала возможности высказаться относительно вкуса бедняжки Сесилии.

— Одежда моей дочери не поддается описанию. Боюсь, она переняла свои представления о моде от корсиканских рыбацек. Тут уже ничего не поделаешь. Но возможно, я еще успею привить хотя бы какие-нибудь понятия о приличиях и хорошем вкусе моей внучке. Но почему все обстоятельства против меня? Ее отец — неотесанный грубиян. А этот дом... в нем же почти нет мебели! С таким же успехом можно жить в амбаре.

К счастью, миссис Фицрой привезла кое-что из вещей, чтобы обустроить свои личные покои, превратив их, по словам полковника Кэмпбелла, в подобие отвратительного восточного базара, а не в человеческое жилье. Он никогда не переступал порога комнаты тещи, если его не вынуждали к этому чрезвычайные обстоятельства.

Миссис Фицрой была очень недовольна своей спальней. И конечно, сразу потребовала комнату для своей служанки Флери. Единственным способом удовлетворить это требование, по мнению полковника Кэмпбелла, был перевод девочек в заднюю часть дома и водворение миссис Фицрой в комнату Рейчел, а Флери — в комнату Джейн.

Но миссис Фицрой нашла это предложение возмутительным и не преминула немедленно заявить об этом.

— Жить в передней части дома, где я буду слышать все звуки с улицы! И там нет солнца! Темно, холодно! И почему, спрашивается, я должна жить в комнате меньшей по размеру, чем та, что предназначена маленькой выскочке Фэрфакс? Почему я не могу поселиться в задней части дома?

— Мадам, вы сами потребовали, чтобы служанка была рядом. К тому же у вас очень большой шкаф. И с какой стати ваша служанка должна спать в самой лучшей комнате в этом доме?

Спор так и не был решен. Он длился неделями, месяцами, а потом и годами, временами перерастая в открытые боевые действия — тогда отношения становились особенно напряженными, потом затихая и приобретая характер партизанской войны, с внезапными засадами, неожиданными обстрелами и ведением подкопов. И он стал первопричиной всех

конфликтов, хотя, конечно, имелись и другие. Миссис Фицрой сосредоточила свою неприязнь на Джейн.

— Так странно — привезти ребенка неизвестно откуда. По-моему, это чудовищная ошибка! Неизвестные корни, да мало ли кто мог быть у нее в роду? Ну, Фэрфакс — это еще ладно, но Бейтс — что это за имя? Подумать только — Бейтс! Чего можно ожидать от подобной полукровки? Поощрять Рейчел к непослушанию и всякого рода глупой чепухе? Музыка? Зачем, скажите на милость, ей музыка? Девушке вполне достаточно уметь аккомпанировать себе, чтобы спеть одну или две баллады, так что все эти занятия совершенно не то, что необходимо ребенку. Руки Рейчел ужасно тонкие, так что их совершенно ни к чему показывать во время игры на фортепиано, и, кстати, последнее, что ей нужно, — это приобрести репутацию книжного червя и синего чулка в отличие от той другой девчонки, которая должна будет зарабатывать себе на жизнь...

Миссис Фицрой не видела никакой необходимости в постоянном проживании Джейн на Манчестер-сквер, тем более после ее приезда, и не замедлила озвучить свое мнение. В целом это пошло Джейн на пользу: полковник Кэмпбелл едва терпел свою тещу, и ее неодолимая непрекращающаяся враждебность по отношению к Джейн восстановила и даже увеличила благосклонность к ней полковника. Прежние грехи, несовершенства и ошибки, такие как поощрение непокорности Рейчел, были забыты; домочадцы сплотились против общего врага. Полковник даже как-то сказал жене, что Рейчел здорово повезло: рядом с ней есть добрая подруга, и они могут утешить друг друга, когда старая ведьма шумит больше обычного.

Здесь он клеветал на миссис Фицрой, которую никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя было назвать ведьмой. Язвительность была ее главным оружием, оставаясь внешне добродушной, она буквально плевалась ядом.

— Мое дорогое дитя! Повернись! Твоя нижняя юбка! Твое платье! Откуда ты взяла этот носовой платок? И волосы развилась. Прошу тебя, держись прямо и соберись, когда я к тебе обращаюсь. А теперь послушай, что я скажу: изящество и манеры чрезвычайно важны. Пожалуйста, хотя бы попытайся выглядеть воспитанной юной леди, а не ужасной маленькой уличной девчонкой.

Все это произносилось громким резким голосом, и к несчастью полковника Кэмпбелла, глухота его в этих обстоятельствах не защищала, поскольку голос миссис Фицрой был настолько пронзительный, что, как однажды пожаловался полковник, звучал прямо в голове, даже если зажать уши. Он легко слышал и тещу, и ее мерзкую птицу через три комнаты.

Попугай, а точнее, ара, сварливая непривлекательная птица, которую не любил никто, кроме его хозяйки, днем находился в оранжерее. Эта мера привела к очередному всплеску враждебности.

Для начала миссис Фицрой посчитала, что дочь поступила нерадиво и странно, используя оранжерею как музыкальную комнату.

— Это помещение уныло, как теннисный корт! А ведь это единственная комната в доме, которую с минимальными усилиями можно сделать похожей на жилище истинного джентльмена. Зачем, спрашивается, иметь в доме оранжерею, если ты не собираешься сажать в ней цветы.

— Она уже б-была в д-доме, когда его купили, — сообщила Рейчел, когда ее мать, невнятно пробормотав что-то о срочных делах, ретировалась с поля боя.

Еще одним поводом для острейшего недовольства стало обращение с попугаем, который

явно страдал от избытка энергии, поскольку был вынужден оставаться в комнате хозяйки всю ночь и потому имел обыкновение орать, словно его режут, весь день, особенно когда девочки занимались музыкой. Из-за истошных воплей приходилось накрывать его клетку шалью, чтобы он молчал хотя бы во время урока.

Обнаружив это, миссис Фицрой пришла в ярость.

— Мой бедный Мистик! С тобой обращаются, как с шахтером.

Не видела она необходимости и держать фортепиано в оранжерее. Конечно же, его надо поставить в одной из гостиных.

Но самую главную претензию к Джейн миссис Фицрой так и не смогла озвучить. Это было очевидное превосходство внешности Джейн над внешностью ее внучки Рейчел, которая из-за длинного носа, не очень чистой кожи и близко посаженных блеклых глаз не могла претендовать не только на красоту, но даже на привлекательность, несмотря на постоянное внимание к прическе и одежде. Правда, умное выражение ее невзрачного личика могло вызвать дружеские чувства, но лишь у благожелательных и проникательных людей. Зато Джейн начала очень быстро расти, несомненно, благодаря более здоровому окружению, а также более благоприятному режиму и питанию, которые ей обеспечили Кэмпбеллы. Она стала выше ростом, волосы утратили тусклость, стали блестящими, густыми и потемнели; глаза были большими и горящими, а лицо, хотя и оставалось бледным, было открытым и очень привлекательным; и она была в полной мере наделена тем внутренним изяществом, которое миссис Фицрой безуспешно старалась привить своей внучке. А наблюдая за миссис Фицрой (которая при всех своих недостатках могла считаться образцом отличного вкуса), Джейн поневоле становилась еще грациознее и элегантнее.

— Твоя бабушка так умеет носить одежду... — заметила Джейн в разговоре с Рейчел. — Она, конечно, неприятный человек и обладает дурным характером, но все же ею нельзя не восхищаться. Даже простой газовый шарфик она умеет повязать по-особенному, неповторимо.

— Н-но для чего все это? — спросила Рейчел, которая уже прониклась многими республиканскими и утилитарными взглядами своей матери.

— Это само по себе уже искусство, как твои рисунки.

Рейчел рисовала естественно — так щебечет птичка, а после долгой практики научилась удивительным образом передавать сходство.

— Да, но мои рисунки все же для определенной цели. Я хочу стать политическим карикатуристом, как Гиллрей или Роулендсон.

— Только, ради Бога, не говори этого при бабушке, иначе она тебе запретит вообще брать в руки карандаш.

Рейчел тяжело вздохнула и начала перелистывать альбом с рисунками.

— Где тут Сэм и Мэтт?

— Мэтт — вот этот, с длинными волосами, а это Сэм — он играет на флейте. Это опять Мэтт. Мне т-так жаль, что т-ты с ними не познакомилась. Они очень хотели встретиться с тобой — еще бы, после всего, что я им рассказывала. Хорошо бы они вернулись. Но это вряд ли. Ведь теперь у нас живет бабушка Фицрой. А это Фрэнк Черчилль с книгой.

Фрэнк тоже покинул Лондон и вернулся в школу в Йоркшире, его не ждали до середины лета, когда Черчилли иногда снимали дом в Ричмонде или Туикнеме.

— Но в это время, я думаю, нас уже здесь не будет, — сказала Рейчел. — Папа говорил о поездке на море.

— На море? — Джейн никогда не видела моря.

Рейчел хихикнула.

— Мне кажется, он хочет оставить бабушку Фицрой дома.

До отъезда семейства на море произошло то, что впоследствии Джейн называла «браслетным делом».

Все началось с того, что миссис Фицрой, постоянно критиковавшая одежду и внешний вид Рейчел, посоветовала, чтобы ее внучке наняли собственную горничную, которая следила бы за ее одеждой и внешностью.

— Ей уже почти десять, Сесилия. Пора уделять больше внимания ее туалетам.

— Ты так считаешь, мама? Лично я не вижу в этом необходимости, но если ты настаиваешь...

Миссис Фицрой настаивала. Если деньги должен был потратить кто-то другой, у нее всегда было полно идей. В результате, к немалому изумлению Джейн и Рейчел, для них была нанята личная горничная по имени Сьюки тринадцати лет от роду, обязанности которой заключались в помощи молодым леди, уходе за их волосами, ногтями и чулками. Она должна была следить, чтобы девочки не ходили с неподшитыми подолами нижних юбок, вырезать папилы, чинить кружева, чистить перчатки, собирать лимонную кожуру, чтобы смягчить кончики пальцев, и готовить смесь из гвоздики и апельсиновой цедры, чтобы в их ящиках с бельем был приятный аромат. Сьюки и ее юные хозяйки довольно быстро подружились, она рассказала им о своей большой обедневшей семье в Спиталфилдс, и они стали вовлекать ее, как союзника, во многие дела.

К сожалению, через несколько месяцев после водворения Сьюки в доме у обитателей начали пропадать разные мелкие вещи: веера, бусы, заколки для волос, ножницы, шелковые чулки, — и в конце концов исчез принадлежавший миссис Фицрой довольно ценный браслет из опалов и жемчуга.

Миссис Фицрой очень заботилась о своих украшениях. Все они — от бриллиантов, хранившихся в банке, до самой последней заколки — постоянно пересчитывались, чистились и перекладывались. Когда пропажа обнаружилась, миссис Фицрой подняла ужасный крик.

Муж подарил ей браслет на помолвку; он ей дорог, как память об усопшем, хотя вещь сама по себе, конечно, и недешевая, она не хочет ни на кого бросать подозрения, но что она должна думать?

Флери, горничная миссис Фицрой, ходила тише воды, ниже травы. Ей это было нетрудно, потому что она всегда была тощим, болезненным созданием и не разговаривала ни с кем в доме, кроме хозяйки и попугая — за которыми самоотверженно ухаживала. После того как обнаружилась пропажа браслета, Флери весь день без устали сновала по дому, заглядывая в самые невероятные места — под крышки кастрюль, за настенные часы, в ведра для угля; при этом ее губы оставались сжатыми, словно она мысленно обвиняла всех членов семьи в краже сокровища ее драгоценной хозяйки.

Через некоторое время прошел слух, что она сделала какое-то открытие, принесшее ей некое злобное удовлетворение; горничная закрылась в комнате с миссис Фицрой, а потом туда же призвали полковника, который, на свою беду, не вовремя вернулся из клуба.

— Взгляните, сэр, что Флери нашла в сундуке этой девчонки! — торжествующе воскликнула миссис Фицрой, тыча в лицо полковника розовым страусовым пером. — Это

мое! Пропало в четверг на прошлой неделе.

— В сундуке какой девчонки? Боюсь, я не понимаю вас, мэм, — ответил полковник, озабоченно хмурясь.

— Ну, у Сьюзен или как ее там... у горничной моей внучки, между прочим, нанятой вами, сэр. Это было найдено в ее сундуке. А если у нее было это, кто знает, что она могла еще украсть? Я требую, чтобы немедленно позвали констебля и обыскали ее вещи.

— По-моему, это уже сделано, — возразил полковник, недовольный очередным происшествием, но втайне радуясь, что перо нашли в вещах служанки, а не его дочери или ее подруги.

Констебли были вызваны, и бедная Сьюки подверглась допросу. Всхлипывая и дрожа, она кричала, что не знает, как розовое перо попало в ее сундук. Она никогда бы не сделала такого, даже не подумала бы об этом. Она любит своих хозяек, довольна работой, имеет все, что душе угодно, так зачем ей красть то, что она никогда не сможет использовать?

Ее сундук был тщательно обыскан, и в нем нашлись некоторые другие пропавшие мелочи: ножницы, пакетик булавок, шелковые чулки.

— Это не я положила их туда, — плакала Сьюки. — Это сделал какой-то злой человек, захотевший обвинить меня! Я в жизни не брала ничего чужого!

Но улики против нее были слишком сильны, и офицеры решили отвести ее в участок, заверив полковника Кэмпбелла, что допрос преступницы наверняка выявит местонахождение браслета.

Джейн и Рейчел вначале не знали о развернувшихся событиях, но присутствие констеблей в доме, их громкий топот по коридорам скрыть было невозможно, и встревоженные девочки вышли в холл как раз в тот момент, когда два рослых молодца вывели из комнаты худенькую рыдающую Сьюки.

— Я уверена, я совершенно уверена, что она этого не делала, — прошептала Джейн.

— Я тоже н-не в-верю, — сильно заикаясь и всхлипывая, проговорила Рейчел. — Я н-не м-могу п-поверить, что она украла...

Увидев девочек в холле, Сьюки вырвалась из рук офицеров и бросилась к юным хозяйкам, крича во весь голос:

— Я должна попроситься с молодыми леди! — Она начала поспешно целовать им руки, повторяя снова и снова: — Я не делала этого, вы должны мне поверить, мисс Джейн, мисс Рейчел, я никогда не брала чужого. — Потом, не дожидаясь, когда ее опять схватят констебли, она бросилась к открытой двери, скатилась по ступенькам и скрылась в темноте.

Громко выругавшись, мужчины бросились за ней, но Сьюки оказалась проворнее.

— Я надеюсь... я так надеюсь, что они ее не поймают, — прошептала Рейчел.

— Бедная Сьюки, что теперь с ней будет? Она ведь потеряла не только свое место, но и доброе имя! — Джейн была ужасно встревожена. — С нами Сьюки всегда была честной. Мы, конечно, давали ей немного денег, но она всегда отчитывалась до последнего фартинга. Нет, я не верю, она ничего не брала.

— Глупая девчонка, боюсь, этим побегом она сделала себе только хуже. Если бы она предстала перед судом, глядишь, и разобрались бы, что она невиновна.

— Это нелепо! — воскликнула миссис Фицрой. — Очевидно: девчонка виновна. Я же вам говорила. Я знала это с самого начала.

Рейчел и Джейн, очень расстроенные случившимся, больше ни о чем не могли думать. Они сидели в классной комнате, дрожа и плача, и даже не обращали внимания на мисс

Уинстэбл, которая имела прямо противоположное мнение о происшествии.

— Конечно, это девчонка взяла браслет, больше никому. Надеюсь, констебли быстро заставят ее признаться. Не сомневаюсь, что они скоро обнаружат, куда она дела ценную вещь твоей бабушки, Рейчел.

Но этого не произошло. Позже к девочкам зашел мрачный полковник Кэмпбелл и печальным голосом сообщил, что Сьюки, убегая от констеблей через Оксфорд-стрит, попала под копыта лошади и погибла.

— О, п-папа! Н-не может б-быть! — прошептала смертельно побледневшая Рейчел.

А Джейн, не произнеся ни слова, вышла из классной комнаты и направилась в свою спальню.

Не в силах ни о чем думать, ослепнув от слез, она открыла дверь не своей спальни, а той, которую теперь занимала Флери.

Она поняла свою ошибку, когда заметила другую мебель, и уже попятилась к двери, когда случайно ее взгляд скользнул по белому покрывалу и она с ужасом заметила на нем браслет из опалов и жемчугов, принадлежавший миссис Фицрой.

— Значит, его взяла Флери, — прошептала Джейн. Она уже хотела схватить его и отнести полковнику Кэмпбеллу, но тут сообразила: ей могут не поверить, что она его нашла. Пусть полковник все увидит сам.

Она сбежала вниз по лестнице и громким шепотом позвала:

— Полковник Кэмпбелл, прошу вас, пойдите со мной. Поверьте, это очень важно, иначе я не стала бы вам надоедать. Пожалуйста, только надо действовать очень быстро.

— Что случилось, дитя? — Озадаченный полковник пошел за Джейн, и они остановились перед дверью комнаты служанки.

— А теперь войдите внутрь, пожалуйста, и посмотрите прямо перед собой. Посмотрите на кровать.

Полковник вошел, но из комнаты тут же раздался гневный вопль. Флери успела вернуться и теперь требовательно вопрошала, по какому праву нарушили ее уединение.

— Вы даже не постучали! Постыдитесь!

— Посмотрите на кровать! — повторила Джейн.

Но на кровати уже ничего не было.

— Я видела его — браслет миссис Фицрой. Он лежал здесь, — не унималась Джейн.

— Ложь! Девочка говорит неправду! — кричала Флери. — Она возводит на меня напраслину только потому, что ее мерзкая маленькая *fille de chambre* была признана виновной. И теперь она смеет обвинять меня. Я ни разу в жизни не брала чужого!

— Боюсь, эту комнату все равно придется обыскать, — спокойно проговорил полковник. — Обвинение было выдвинуто. Насколько я понимаю, порядок в доме не будет восстановлен, пока мы не разберемся в этом деле.

Констебли вернулись, но ничего не нашли. Джейн повторяла снова и снова, что видела браслет лежащим на кровати Флери и абсолютно в этом уверена.

— Ты ошиблась. Разумеется, ты ошиблась, — в гневе объявила миссис Фицрой.

Но полковник, к изрядному негодованию тещи, объявил, что верит Джейн.

— Она внимательная и серьезная девочка. Я никогда не слышал от нее ничего, кроме правды, да и зачем ей лгать? Боюсь, мэм, в создавшихся обстоятельствах я не могу терпеть присутствие этой особы в своем доме. Она находится под подозрением, которое с нее не снято. И я также считаю, что, подстроив ложное обвинение, она стала виновницей смерти

той несчастной девочки. Поэтому она должна немедленно уйти.

Сначала миссис Фицрой в гневе заявила, что там, где не рады ее служанке, она тоже не останется, вселив радостную надежду в сердца всех без исключения домочадцев. Но к несчастью, она быстро сообразила, что идти ей некуда и больше нигде она не сможет жить на всем готовом, совершенно бесплатно и в таком приличном месте. Ее вторая дочь, леди Селси, была замужем за человеком, с которым миссис Фицрой не разговаривала и потому не могла рассчитывать на гостеприимство в его доме. Поэтому она с большой неохотой решила смириться. Флери в гневе и бесчестье покинула дом, и была спешно нанята другая горничная. В результате из-за всех этих происшествий в сердцах Джейн и Рейчел надолго поселилось горе. А миссис Фицрой еще больше невзлюбила Джейн Фэрфакс и с тех пор не упускала ни одного шанса навредить Джейн, если могла сделать это незаметно.

Вскоре после «браслетного дела» полковник Кэмпбелл счел за благо на время разделить враждующие стороны и увез жену и детей в Уэймут, оставив миссис Фицрой безраздельно властвовать в доме.

Рейчел надеялась встретиться в Уэймуте с семейством Диксонов.

— Они часто туда ездят, и Мэтт писал, что планируют быть там и в этом году. Мне бы так хотелось, чтобы ты с ними познакомилась, Дженни!

Но увь, знакомство не состоялось. Мэтт прислал еще одно письмо, в котором сообщил, что его брат Сэм слег с лихорадкой и не может путешествовать.

Осенью, когда Кэмпбеллы вернулись в Лондон, «браслетное дело» получило неожиданное продолжение. В августе умерла двоюродная бабушка полковника и оставила ему кое-какую собственность, в том числе старомодные драгоценности, которые миссис Кэмпбелл, не носившая украшений, решила продать.

— Деньги можно добавить к приданому Рейчел, в любом случае эти вещи ужасно уродливы. Ты же не станешь их носить, правда, Рейчел?

— Конечно, нет, мама, — сказала Рейчел, для которой с недавних пор любые разговоры о драгоценностях были чрезвычайно неприятными. Если она и хотела что-то иметь, то исключительно дополнительные уроки рисования.

— В любом случае, — продолжила миссис Кэмпбелл, — насколько я поняла, твоя бабушка оставит тебе драгоценности.

Рейчел не стала говорить, как ей неприятна подобная перспектива, и послушно отправилась вместе с матерью в ювелирный магазин Грея на Сэквилл-стрит, с миссией, которую обе считали ненужной потерей времени.

Пока миссис Кэмпбелл показывала драгоценности и обсуждала их стоимость с одним из продавцов, скучающая Рейчел понуро бродила вдоль прилавка. Неожиданно она вернулась, задыхаясь от волнения и переполнявших ее чувств.

— Мама, ты только посмотри! Там, я уверена, бабушкин браслет!

На прилавке действительно лежал якобы украденный браслет, они обе не могли ошибиться, потому что сотни раз видели его раньше. Продавец, которого они спросили, кто принес эту вещь, ничего не смог припомнить. В магазине продавцов было много, и принять браслет мог любой из них. Но когда опросили всех, один пожилой человек вспомнил, что браслет продала женщина, говорившая очень быстро и с акцентом, вроде бы иностранка, француженка, наверное.

— Она была похожа на эту? — спросила Рейчел и быстро набросала портрет в маленьком блокноте, который всегда носила в сумочке.

— Да, это именно она и есть, мисси! — воскликнул старик. — Вы уловили ее суть! Даже удивительно, как вам удается так здорово передать сходство.

Был выписан полицейский ордер на арест Флери, но ее так и не нашли. Полковник Кэмпбелл с огромной неохотой выкупил браслет и отдал его миссис Фицрой, принявшей подарок без особой радости.

— Он мне всегда будет напоминать о том, как я лишилась своей самой преданной служанки, — заявила она.

Полковник, чья неприязнь к теще существенно возросла после того, как она поселилась у них в доме, оставил при себе подозрение, что миссис Фицрой сама велела горничной продать браслет и обвинить девочку.

В общем, это дело имело далеко идущие последствия, которые не скоро забылись.

После водворения миссис Фицрой на Манчестер-сквер визиты Джейн в Хайбери становились все реже. Бабушка постоянно вмешивалась в дела внучки и всячески старалась оказать на нее влияние. Поддерживаемая любящей подругой, Рейчел была менее уязвима и постоянно умоляла Джейн не бросать ее. Собственно говоря, полковник всегда планировал, чтобы Джейн большую часть времени проводила в Лондоне. «Какими бы добрыми ни были их намерения, — говорил он, — бедные леди Бейтс никак не могут повлиять ни на благосостояние, ни на образование девочки; более того, ситуация в Хайбери отнюдь не благотворна, все они живут в крошечных темных комнатах, где не хватает воздуха».

Кроме того, полковник заметил, что Джейн возвращается из Хайбери обычно в некоем смятении чувств; ею владеют одновременно тоска по дому и грустное понимание того, что Хайбери больше не является ее настоящим домом. Полковник, который с течением времени все больше привязывался к Джейн, понимал ее лучше, чем собственную дочь. Искренне заботясь о благополучии девочки, он старался, чтобы ее поездки к родственникам были сведены к минимуму. Теперь Джейн проводила в Хайбери несколько дней на Рождество и на Пасху. Часто во время этих коротких визитов она не видела никого из прежних знакомых, хотя всегда очень старалась повидаться и поговорить с мистером Найтли, и всегда чувствовала себя очень разочарованной, если это ей не удавалось.

Свадьба Изабеллы Вудхаус и мистера Джона Найтли предоставила ей возможность встретиться с добрым соседом, а также с Эммой, теперь ставшей высокомерной юной леди пятнадцати лет. Эмма была одета в белоснежную муслиновую накидку поверх такого же белого шелкового платья, с жемчугами своей покойной матери в волосах. Она поприветствовала Джейн очень благосклонно.

Джейн Фэрфакс! Конечно, она ее помнит, даже очень хорошо. И Эмма очаровательно улыбнулась мистеру Найтли, который оказался рядом:

— Мы же всегда были подругами. Как много времени прошло с тех пор, как мы играли в классики и прятки, поверяли друг другу все свои детские секреты, а ты была вынуждена донашивать мои старые платья. Как тебе, должно быть, было неприятно! — Одновременно она рассматривала свою визави с естественным любопытством и без всякого смущения.

Неправда, подумала Джейн, мы никогда не играли в классики, но ответила не менее вежливо и дружелюбно.

Внешний вид Эммы, была вынуждена признаться Джейн, был безупречным, а ее обращение с каждым гостем на свадьбе — сердечным и любезным. Она улыбалась одинаково естественно и непринужденно и дамам Бейтс, кутающимся в заштопанные шали, и жене аптекаря миссис Перри, и старому Джону Эбди, стоявшему с шапкой в руках в воротах церкви. Короче говоря, поведение Эммы на людях было безукоризненным, она не допустила ни одной ошибки, но все равно, думала Джейн, все это было похоже на хорошую актерскую игру. На урок, который она как следует вызубрила, сонату Бетховена на фортепиано. Почему-то чувствовалось, что в сердце у нее что-то совсем другое и, произнося вежливые фразы, она критикует всех и считает себя выше. «О, как бы я хотела, — Джейн Фэрфакс искренне изумилась силе собственных чувств, — как бы мне хотелось хотя бы раз в жизни увидеть, что Эмма Вудхаус получила настоящий резкий отпор».

Они еще раз побеседовали во время свадебного завтрака. Эмма с легким интересом

расспрашивала о жизни в Лондоне, а Джейн, на этот раз остро чувствуя, что Эмма ни разу не уезжала из Хайбери, ограничилась кратким описанием библиотек, научных лекций и прогулок в Кью-Гарденс. Все это вроде бы не произвело особого впечатления на Эмму. У нее дар, подумала Джейн, придавать вещам, которые делает лично она, ауру важности и даже превосходства, даже если это недостатки или ошибки: «О, я никогда этого не делаю. Я никогда не читаю таких книг. Я испытываю сильную неприязнь к таким украшениям...»

В ситуации, когда любой другой человек почувствовал бы необходимость как-то объяснить недостаток знаний, Эмма с непоколебимой уверенностью обращает свою неполноценность в достоинство. С большим нежеланием, но Джейн все же не могла не признать, что Эмма произвела на нее впечатление, и хотя нравиться она ей от этого больше не стала, столь непоколебимое непробиваемое самодовольство все же было чем-то особенным. «Откуда это у нее? У Изабеллы нет ничего подобного, у мистера Вудхауса тоже». Джейн представила, какой была бы встреча Эммы с миссис Фицрой, и пришла к выводу, что они, возможно, нашли бы общий язык.

От двоюродной бабушки полковник унаследовал не только деньги и старомодные драгоценности, но и вполне современное поместье в Вест-Индии, которое, к сожалению, было предметом правового спора; другие стороны, возможные наследники, предъявили права на него, и кроме того, плантация была обременена долгами. После нескольких лет обширной переписки по этому вопросу адвокаты полковника посоветовали ему, что, несомненно, легче всего доказать свои права и добиться решения, съездив на место и разобравшись с проблемой лично. Тщательно все обдумав, он решил не только поехать, но и взять с собой семью.

— Ты и девочки тоже можете поехать, Сесилия. Ты получишь свидетельства, касающиеся работорговли, а твои лондонские комитеты, не сомневаюсь, смогут обойтись без тебя в течение года или около того. Рейчел будет рада посетить места, где прошло ее детство, и путешествие поможет ей хотя бы немного избавиться от робости и стеснительности, а Джейн оно откроет глаза на мир. — Тем самым полковник завуалированно признал факт, что он действительно любит Джейн и хочет показать ей мир. — Да и теплый климат благотворно повлияет на ее слабые бронхи.

«А самое главное, — подумал полковник, но не сказал об этом вслух, — мы оставим в Англии твою мать». Отношения между миссис Фицрой и остальным семейством были далеки от идеальных, и она, хвала Всевышнему, не имела ни малейшего желания покидать Лондон ради посещения далеких берегов, куда так и не добралась цивилизация. Париж — это одно, а Наветренные острова со змеями, скорпионами и желтой лихорадкой — совершенно другое. Поэтому она объявила о своем намерении остаться на Манчестер-сквер. Ее постоянное проживание в доме не позволяло весьма выгодно сдать его в аренду, но полковник считал, что потеря дохода ничто по сравнению с радостью, которую принесет временное избавление от компании тещи. В глубине души он вынашивал надежду, что, возможно, к моменту возвращения семьи в Лондон старая карга отправится к праотцам.

Судебная тяжба, как это обычно бывает, оказалась трудной и затяжной. Прошло почти пять лет, прежде чем семейство смогло вернуться в Англию; полковник продал поместье дешевле, чем рассчитывал, так что вырученная сумма едва покрыла расходы на продолжительное путешествие. В довершение всего перед самым возвращением он подхватил желтую лихорадку и находился в весьма плачевном состоянии, а после ужасного

приступа черной рвоты вообще едва не отдал Богу душу. Только неистребимое упрямство позволило полковнику убедить своих домашних в том, что его следует доставить на борт и отплыть в Англию в запланированные сроки. Возможно, именно морское путешествие спасло ему жизнь: отличный врач на борту и лечение французской целебной водой, лекарством, полученным добавлением определенных трав в алкоголь, в конце концов поставили его на ноги. Джейн и Рейчел преданно ухаживали за ним, но если он и чувствовал благодарность, то никак этого не показывал; его характер во время болезни сильно испортился, и хорошие отношения, которые начали устанавливаться между ним и дочерью, снова ухудшились. С раздражительностью выздоравливающего он все время ворчал по поводу загорелой кожи Рейчел, ее веснушек и выгоревших на солнце волос: ну почему, скажите на милость, она не могла носить соломенную шляпку, как разумная Джейн, которая сохранила свою бледную кожу безукоризненной даже в тропическую жару?

Обеим девочкам делало честь то, что все это никак не повлияло на их отношения. Обе знали, что постоянное ношение Джейн шляпы было связано не с заботой о цвете лица, а с желанием избежать адских головных болей, которые все еще временами изводили ее, возникая безо всяких видимых причин и вынуждая ее ложиться в постель на два-три дня, потому что никакие лекарства не помогали.

Вернувшись в Англию, они узнали, что старый король окончательно лишился рассудка и все ожидали его скорой смерти. Принц Уэльский был назначен регентом, и война в Европе продолжалась.

Между тем на Манчестер-сквер, где, к огромному разочарованию полковника, все еще проживала миссис Фицрой, возник яростный спор.

Бабушка бросила один-единственный взгляд на свою внучку и взвыла:

— Что за волосы! Зубы! Лицо! Как, скажите на милость, ее вывезти? — спросила старая дама, злобно уставившись на свою дочь.

— Вывезти? — переспросила Сесилия, оторвавшись от Меморандума Уилберфорса о работоторговле, который увлеченно читала.

— Вывезти в общество, Сесилия! Представить свету! Как, по-твоему, она сможет заполучить мужа, если у нее не будет дебюта?

— О, мама, ты же не думаешь, что Рейчел придется пройти через все эти старомодные ритуалы? Это все равно что вывести украшенную ленточками ломовую лошадь на майский парад. Да и Рейчел это не понравится, правда, Рейчел?

— Ч-что мне н-не понравится, мама? — спросила Рейчел, войдя в комнату.

— Представление ко двору, «Олмак», балы и все прочее.

— Ты же не заставишь нас пройти через это? — потрясенно воскликнула Рейчел, в ужасе округлив глаза. — Я не хочу! И уверена, Джейн тоже не захочет!

— Вопрос о представлении мисс Фэрфакс даже не стоит! — холодно сообщила миссис Фицрой. — Она никто и не имеет будущего. Но ты, моя внучка, должна занять подобающее место в обществе, и для этого я отложила тысячу фунтов, чтобы оплатить твой гардероб и прочие расходы.

Пусть миссис Фицрой это действительно сделала, но только, проворчал полковник Кэмпбелл, из очень и очень щедрого годового содержания, которое он ей выплачивал.

— Я не собираюсь делать то, что не сможет сделать Джейн, — заявила Рейчел. — И в любом случае я не желаю, чтобы меня представляли. Так что спасибо, бабушка.

В крайней степени возмущения миссис Фицрой обратилась к полковнику:

— С девочкой срочно нужно что-то делать, Джеймс! Ей необходим самый тщательный уход. — Она вещала, с явным отвращением выплевывая слова, но понимая, что они производят необходимый эффект на зятя. — Иначе она останется старой девой.

В этот раз, хотя это было ему чрезвычайно неприятно, полковник был склонен стать на сторону тещи. Проявляя нетерпение, поскольку он всегда предпочитал мир и спокойствие в доме и желал поскорее разрешить неприятные вопросы, он сказал Сесилии, что Рейчел действительно необходимо приобрести внешний лоск. Ей уже девятнадцать, почти двадцать, пора искать мужа, а как она сможет привлечь внимание нормального мужчины, если у нее вся физиономия в веснушках, между передними зубами дырка, она заикается и абсолютно лишена уверенности в себе, каковая необходима в высшем обществе.

— Она должна начать посещать званые вечера, пусть даже небольшие, для узкого круга.

Рейчел, чьим единственным желанием было посещение уроков рисования в Королевской академии, пришла в ужас.

— А как же Джейн? Она будет со мной?

— Конечно же, нет! — резко выпалила миссис Фицрой.

Мать Рейчел, довольно скоро уставшая от обсуждений, занялась более интересными делами — начала переписку с Сэмюелем Уитбредом.

— У Джейн нет никакой необходимости привыкать к обществу, да и кому она там нужна? Джейн надо искать место гувернантки. А ты, моя дорогая, когда тебе исполнится двадцать один, будешь иметь состояние в двенадцать тысяч фунтов.

— Я разделю свое состояние с Джейн, — объявила Рейчел.

Миссис Фицрой покинула комнату в ярости.

Глубоко взволнованная Рейчел решила посоветоваться с Джейн.

Конечно, они обе знали, что настанет время, когда их жизненные пути разойдутся и им придется расстаться, но этот момент всегда был далеко впереди, а теперь будущее внезапно оказалось рядом, задолго до того, как они подготовились к нему.

Джейн тайком посетила бюро найма на Уигмор-стрит, чтобы ознакомиться с условиями найма гувернанток, и пришла оттуда очень расстроенная, причем не только мизерной оплатой, но и откровенным неуважением, с которым сотрудники бюро обращались с претендентками. По элегантной одежде и хорошим манерам ее приняли за перспективную нанимательницу, и она не стала никого разубеждать. Понаблюдав и послушав некоторое время, она ушла, мысленно обозвав себя трусихой, но все же находя оправдания своему поведению: «Полковник Кэмпбелл сказал, что я не должна начинать работу до того, как мне исполнится двадцать один год, или до замужества Рейчел. Интересно, что случится раньше?»

— Ах, если бы у нас были друзья, которые могли нас поддержать! — вздыхала Рейчел.

Джейн с тоской думала о мистере Найтли, но он никогда не мог считаться ее другом, он просто был предметом ее детских дум и мечтаний.

Понятно, что Джейн съездила в Хайбери сразу же после возвращения из Вест-Индии и с большой радостью нашла тетю Хетти и бабушку в добром здравии. Они медленно и спокойно вступили на отрезок жизненного пути между пятьюдесятью и семьюдесятью годами, когда люди спокойные и физически здоровые почти не меняются. С Джейн все было наоборот, и ее родственники не могли нарадоваться на то, как она выросла и расцвела, какой образованной стала и каких высот достигла в музыке. Вся деревня должна встретиться с их вернувшейся любимицей. К сожалению, понятие «вся деревня» в этом случае не включало

мистера Найтли, который недавно уехал на овечью ярмарку в Холкхэме, чтобы изучить современные теории выращивания бобовых культур и кормления скота жмыхом.

— Ох уж мне эти новомодные идеи, — проворчал один из его людей, Уильям Ларкинс, встретив Джейн на улице, — ничего из них хорошего не выйдет, помяни мое слово.

Джейн оставалось только согласно кивнуть и пойти своей дорогой, горько сожалея об отсутствии единственного человека, кроме ее семьи, которого ей очень хотелось повидать.

* * *

Наконец, после многих часов семейных споров относительно выхода в свет Рейчел, именно она и нашла решение, устроившее все стороны.

— У меня идея, — объявила она как-то утром Джейн.

— Какая? — без особого интереса спросила Джейн.

Она вообще с большой осторожностью относилась к планам Рейчел, поскольку они в основном являлись хотя и грандиозными, но абсолютно нереальными. Например, однажды Рейчел решила, что Джейн станет писательницей и будет писать романы, а она, Рейчел, станет их иллюстрировать. Джейн, реалистка до мозга костей, понимала, что с таким же успехом они могли сообща попробовать зарабатывать на жизнь пиратством.

— Я получила письмо от Мэтта Диксона. — Рейчел, к крайнему неодобрению бабушки, никогда не теряла связи с братьями Диксонами, поддерживая с ними спорадическую, временами прерывающуюся, но оживленную и дружескую переписку. — Мэтт говорит, что Сэм снова болел, но теперь они собираются посетить Уэймут в надежде, что свежий воздух благотворно подействует на его здоровье. Давай предложим папе тоже поехать в Уэймут.

Джейн не вполне понимала, как визит в Уэймут поможет решить их проблемы. Неужели Рейчел считает, что Диксоны ее спасут?

— Нет... ну, не совсем так... н-но у них могут п-появиться полезные идеи. К-кроме того, Уэймут — п-прекрасное место. Вспомни, как нам было там хорошо даже без Мэтта и Сэма. Я буду чувствовать себя намного лучше т-там, раз уж нам п-придется ходить на вечеринки. Даже б-бабушка согласится, что начинать лучше в Уэймуте.

Удивительно, но миссис Фицрой действительно согласилась. Лондонский сезон уже подходил к концу, общество мало-помалу покидало город и уезжало в свои загородные поместья. Ее внучка вполне могла приобрести немного лоска в более свободной неформальной атмосфере водного курорта. Одновременно началась интенсивная кампания по усовершенствованию цвета лица с помощью лосьона, волос — с помощью яиц и розмариновой воды, кожи рук — с использованием солей и лимонной корки, и губ — с помощью спермацета.

Мисс Уинстэбл сопровождала семейство в Вест-Индию (и всем смертельно надоела, как утверждал полковник; она всякий раз принималась визжать, если видела сороконожку, боялась местных жителей и моментально заболела, если могла оказаться хотя бы в чем-то полезной). По возвращении в Англию, к большой радости всех домочадцев, кроме нее, было решено, что она больше ничем не может оказаться полезной; она получила достойное вознаграждение от полковника, а девочки с облегчением вздохнули. Как оказалось, они рано обрадовались, потому что была нанята новая компаньонка — миссис Консетт, которая должна была привить им хорошие манеры, по тем или иным причинам не привитые миссис

Кэмпбелл.

— Пусть бы лучше осталась мисс Уинстэбл, — вздохнула Рейчел через несколько дней.

Путешествие из Лондона в Дорсет заняло три дня, поскольку миссис Фицрой не желала торопиться. Она всегда возила с собой собственные простыни и требовала, чтобы гостиничные комнаты полдня проветривали, прежде чем она туда войдет.

Джейн втайне надеялась, что, поскольку дорога в Уэймут пролегает чуть в стороне от Хайбери, у нее появится шанс повидаться с родными, однако на ее предложение миссис Фицрой наложила решительное вето: «Что за абсурд, терять несколько часов ценного времени! И зачем? Чтобы пообщаться с совершенно непримечательными людишками, с которыми никто, кроме Джейн, не знаком. Незачем!»

Джейн очень хотелось, чтобы Рейчел познакомилась с бабушкой и тетей Хетти, и еще она рассчитывала хотя бы одним глазком взглянуть на мистера Найтли, но, получив категорический отказ, сразу поняла, что было неразумно испытывать такие надежды.

— Ничего, — тихонько шепнула ей Рейчел, сжимая руку, — возможно, мы сможем заехать в Хайбери на обратном пути. Мало ли, что может до этого случиться. — И она подмигнула с видом заговорщицы. Они уже не раз говорили, как было бы удачно, если бы миссис Фицрой случайно свалилась за борт в открытом море.

В Уэймуте, когда они туда приехали, было мало народу, однако в книге зала приемов было уже записано достаточное количество респектабельных имен, чтобы миссис Фицрой чувствовала себя вполне комфортно.

— Хм, Понсонби, да — Аберкромби, Росс, Актон, Драммонд — хм, хм, ах, леди Пичли, у нее две девочки возраста Рейчел, это очень хорошо. Уилер — это не имя, Далримпл, ах, Феликс, это младший сын виконта, у него нет перьев, чтобы летать, Бэринг, Уиндем; да, у нас будет очень приличное общество. Уиндем наследует огромное поместье своей двоюродной бабушки.

Если там и было имя Диксон, оно не было прочитано вслух.

Как и во время предыдущих визитов, они остановились на несколько дней в «Ройял-отеле» в северной части города (которая раньше называлась Мелкомб-Реджис, а теперь — Нью-Уэймут). Тем временем они искали удобный дом, чтобы снять его на лето, и нашли вполне подходящий среди зданий Йорка, обращенных к морю, к большой красивой бухте, давшей Уэймуту прозвище дорсетский Неаполь.

— Такой дом вы не могли бы так просто снять еще десять лет назад, — грустно сообщил его владелец. — Когда его величество имел обыкновение сюда приезжать в это время года, люди считали удачей снять хотя бы чердак. Говорят, его величество совсем слег, лондонские доктора держат его взаперти. Стыд и срам — это мое мнение. Он был таким приятным, любезным старым джентльменом, любил каждое утро искупаться в море, вон там, видите? Там до сих пор стоит его кабинка, можете сами посмотреть, если не верите.

Она действительно там стояла, на самом деле, их было даже две, как они позднее обнаружили; одна восьмиугольная на колесах, другая — большая плавучая конструкция, как плавучий дом, пришвартованная в устье реки у мыса Ноус. Конструкции регулярно красили в красный, белый и синий цвета, сверху имелась позолоченная корона. После того как его величество изволил искупаться, рассказывал домовладелец, толпы на берегу выражали свой восторг громкими криками, а оркестр Королевского драгунского полка играл «Боже, храни короля».

Жаль, конечно, что эти волнующие дни прошли, но все же, думала Джейн, Уэймут остался очень приятным оживленным городом. Возможно, в городском зале больше никто не устраивает королевских приемов, но еженедельные балы все еще проводились, а в королевском театре на эспланаде давали пьесы и прочие развлекательные представления, причем был новый зал и старый зал. А еще была библиотека Харви и зал для игры в карты, не говоря уже о множестве маленьких библиотек, где можно было почитать газеты и взять книги. На живописных узких улицах старого города было полно магазинчиков, где туристы могли приобрести рыбацкие сети и стеклянные шары или разные окаменелости из Лайма, и еще рядом с театром там был магазин игрушек Райалла, где королева Шарлотта и ее дочери покупали пирожные и сахарные палочки. Кроме всего перечисленного, в казармах Редипола стояли войска, и в бухте было полно кораблей, которые продолжали нести вахту против возможного нападения французов.

Миссис Фицрой, конечно, могла воротить нос и говорить, что Уэймут — мелкий провинциальный городишко по сравнению с Батом: Мэтт Диксон, который там учился в школе, утверждал, что Бат — премерзкая дыра, расположенная в сырой промозглой долине, где никогда не прекращается дождь. Уэймут, по словам Мэтта, стократ предпочтительнее, поскольку там есть, во-первых, море, а во-вторых, можно совершить много увлекательных поездок: замок в Сэндсфут, на остров Портленд, озеро Редипол, к колодцу желаний в Апуэлле, Лалуорт-Коув, скале Дордл-Дор и Корфский замок.

— Здесь можно осматривать окрестности вечно, — сказал он Рейчел. — Слушай, как здорово, что вы наконец приехали. Мы прекрасно повеселимся. И это очень хорошо, что вы обе отличные наездницы.

— Жаль только, что Сэм не может нас сопровождать, — вздохнула Рейчел.

Диксоны уже обосновались в Уэймуте. У них был симпатичный домик на Тринити-роуд — с противоположной стороны бухты. Они или Кэмпбеллы из отеля «Йорк-Плейс» могли воспользоваться паромом, если хотели навестить друг друга, искупаться в море или прогуляться по эспланаде.

Миссис Фицрой не делала секрета из того, что невысокого мнения о Диксонах. Она встречалась с ними всего лишь раз, когда впервые появилась на Манчестер-сквер, и теперь могла лишь признать, что мальчишки перестали быть неотесанными сорванцами.

— Но Диксон! Фи! Что это за имя!

Полковник Кэмпбелл, игнорируя неодобрение тещи, продолжал любить Диксонов. Майор был его старым добрым товарищем; к несчастью, он погиб в сражении при Вимейро. И полковник, и миссис Кэмпбелл были искренне привязаны к миссис Диксон, добрейшей, слегка неряшливой веселой леди, которая надеялась, купаясь, немного похудеть.

— Я слишком полная, мои дорогие, слишком толстая. — Но поскольку после каждого купания, чтобы согреться, она съедала несколько пирожных, купленных у Риалла, причем до ленча из пирожков с лобстерами и маринованных груш, представлялось маловероятным, что ей удастся осуществить задуманное.

На Джейн с самого начала братья Диксон произвели самое благоприятное впечатление, и она отлично понимала, почему Рейчел их так часто вспоминает и так много лет поддерживает переписку. В общем, их нельзя было назвать красивыми, этого о них не мог бы сказать никто, тем более если сравнить их, к примеру, с мистером Найтли. Но их внешность, особенно Мэтта, была необычной и даже в какой-то степени поэтической. Так, собственно, и должно было быть, потому что Мэтт, он сам в этом признался, пробовал себя в поэзии и

даже уже закончил несколько од; он ежедневно делал записи в блокноте, который именовал «книга набросков», и надеялся связать свою жизнь с литературой.

Они были англоирландцами.

— Предки пошли за Кромвелем, понимаете, и было это не так уж давно; норманны и чистокровные ирландцы нас не замечают, мы для них просто сброд, — ухмыляясь, объяснил Сэм.

Но Джейн предполагала, что после Кромвеля было много смешанных браков с чистокровными ирландцами; у обоих мальчиков были кельтские волосы, а у Мэтта настоящая грива — грубая, косматая и вьющаяся — до плеч; у них были высокие скулы и большие темные кельтские глаза. Оба были неудержимо болтливы и могли, по словам Рейчел, заговорить медведя так, что он забудет о зимней спячке. Они всегда оживленно жестикулировали, не брезговали драматической декламацией, искрометными шутками и острой сатирой. А их манеры, некогда столь грубые и неуклюжие, теперь были изысканными, что видели все, кроме миссис Фицрой, конечно. Мальчики понравились даже миссис Консетт.

— Прекрасные юноши, — вздохнула она. — А какая романтическая внешность! И со временем старший получит титул — когда умрет его дядя лорд Килфинан. Жаль только, что мистер Сэм такой болезненный.

— Ирландский титул! — фыркнула миссис Фицрой. Она считала их агрессивными, исполненными притворства и прочей чепухи. Но главное — Диксон! Что это за имя? Оно отдает бакалейным прилавком — вот и все, что можно сказать.

А тем временем Рейчел и Джейн неплохо проводили время с мальчиками. Их продолжали так называть, хотя Мэтту уже исполнилось двадцать, а Сэму — девятнадцать. Мэтт учился в Кембридже, а Сэм из-за постоянных болезней пока не поступил в университет, но рассчитывал сделать это в следующем году. Мэтт, конечно, унаследует поместье и титул своего дяди.

— Если я не стану раздражать старого маразматика, титул в конце концов перейдет ко мне. Но он может вычеркнуть меня из завещания, если захочет, и, бьюсь об заклад, рано или поздно сделает это, потому что у него слишком много тараканов в голове и он меня не любит.

Сэму предстояло принять сан, но сначала надо окончательно выздороветь. Их мать, веселая беззаботная леди, редко позволяла себе слишком долго тревожиться из-за жизненных сложностей, но даже она беспокоилась о теперешнем его состоянии. Семейство прибыло морем из Корка в Уэймут, и, к сожалению, в районе Лендс-Энд их судно попало в жестокий шторм; бедный Сэм совсем расхворался и кашлял так сильно, что у него началось кровотечение. Но все надеялись, что свежий воздух и морские купания скоро восстановят его здоровье. Миссис Диксон всегда была несокрушимой оптимисткой. Плохо, конечно, что после утреннего купания Сэм почувствовал себя так плохо, что был вынужден лечь и отдыхать до полудня, но в самом ближайшем будущем он непременно поправится. Ну а Сэм следил за тем, чтобы физическая немощь не испортила ему характер; он всегда был весел, почти каждый день зазывал друзей к себе в дом на Тринити-роуд, куда стараниями миссис Диксон, очень преданной матери, было доставлено прекрасное фортепиано. Оба ее сына обожали музыку: Мэтт любил петь и имел прекрасный голос, Сэм играл на скрипке и тоже хорошо пел, но из-за этого кашлял. Братья вместе с Рейчел и Джейн исполняли самые разные песни, дуэты, трио и квартеты. Сэм был счастлив, найдя в Джейн великолепную

исполнительницу, и дом, как часто говорила миссис Диксон, «целыми днями звучал, как гнездо певчих птиц». По вечерам Мэтт, Рейчел и Джейн брали лошадей и ехали на прогулки в окрестные деревни; иногда их сопровождал Фрэнк Черчилль; он тоже приехал на воды в Уэймут с дядей и несгибаемой тетей. Но Фрэнк в сравнении с разговорчивыми, одаренными богатым воображением, яркими братьями Диксон казался добрым, дружелюбным, но довольно скучным молодым человеком, и на Тринити-роуд его приглашали нечасто.

Миссис Фицрой могла только жаловаться — что она и делала. По ее убеждению, внучка слишком много времени проводила с этими ирландскими разбойниками, однако полковник Кэмпбелл не возражал, если только с молодыми людьми постоянно находились миссис Диксон или миссис Консетт.

— Но ведь она не знакомится с теми, с кем должна общаться, — ежедневно повторяла миссис Фицрой. — Здесь девочки леди Пичли, и Далримплы, и мисс Актон — все они представители высшего общества, от которых Рейчел могла бы научиться манерам и приятному обращению, а вместо этого она поет ирландские песенки и носится на лошади по окрестностям, приобретая еще больше веснушек.

— Возможно, и так, мэм, но она определенно стала не такой нервной и, похоже, меньше заикается. — Это было чистой правдой. То, чего не смог добиться синьор Негретти со всеми своими упражнениями, было достигнуто благодаря смеху, удовольствию и приятной компании. После двух-трех часов пения с мальчиками Рейчел говорила намного свободнее, почти не заикалась и не задыхалась. Иногда молодые люди играли в шарады, читали стихи, декламировали и рассказывали, и можно было только удивляться, как блестяще Рейчел все это удавалось. Веселые разговоры и дружеское участие сотворили чудеса, придав ей уверенности в себе. Да и ее внешность, заметила Джейн, менялась каждый день, причем в лучшую сторону. Нос уже не был таким красным, регулярное применение косметических средств улучшило волосы, лучезарная улыбка оживляла лицо.

Тетя Фрэнка Черчилля, давно ставшая инвалидом, почти не показывалась в городе; она сняла красивый дом на Огаста-плейс и в основном оставалась взаперти, принимая то докторов, то массажистов. Она ни разу не искупалась в море, но вместо этого принимала ежедневные дорожные горячие и холодные ванны в заведении, специально для этой цели поставленном на набережной. А ее муж, с другой стороны, нанял одну из купален с зонтиками, сдающих в аренду за полтора шиллинга (с сопровождающим), и каждое утро в семь часов его видели выбирающимся из портшеза и поднимающимся по ступенькам в купальню; после этого лошадь тянула купальню на достаточную глубину, затем ее выпрягали и уводили на берег, а купающийся мог спуститься с морской стороны конструкции в воду и купаться под зонтиком, с помощью сопровождающего или без него. После завершения купания лошадь снова впрягали с береговой стороны конструкции и купающегося доставляли на сушу.

Полковник Кэмпбелл, испробовав то же самое однажды, заявил, что все эти купальни — ерунда, способная разве только вытрясти душу из нормального человека, и предпочитал плавать в море без громоздких подручных приспособлений. Поэтому он, Мэтт Диксон и Фрэнк Черчилль нередко уходили на северную оконечность бухты — к казармам в полумиле от города, где могли плавать и плескаться вдалеке от женских глаз, не боясь оскорбить чью-либо скромность.

Джейн и Рейчел чрезвычайно сожалели, что женщины не могут сделать того же самого; по их общему мнению, купальни были крайне неудобны, да и сопровождающий всегда

возвращался раньше, чем хотелось бы (на весь пляж было всего около сорока купален, поэтому они пользовались повышенным спросом). Но им очень нравилось море, «и оно благотворно в-влияло на п-папину больную н-ногу», всегда говорила Рейчел.

Миссис Фицрой уже давно разменяла седьмой десяток, и пока Кэмпбеллы жили в Вест-Индии, ее сильно донимал ревматизм. Она теперь прихрамывала и ходила с тросточкой. Она часто сопровождала миссис Кэмпбелл на горячие ванны и постоянно глотала разные снадобья и минеральные воды. Остаток дней она проводила в изысканной компании, играя в карты и получая информацию. Миссис Черчилль, характер которой стал еще хуже, близких друзей не имела вообще, а наперсников могла пересчитать по пальцам, однако она считала миссис Фицрой вполне приемлемой собеседницей и не возражала, если могла, принимая ванны, иногда обсудить с ней дела молодых людей.

Между ними было решено, что брак Фрэнка Черчилля и Рейчел станет великолепным решением. Фрэнк (если тетя этого пожелает) будет хорошо обеспечен, а у Рейчел имеются свои двенадцать тысяч, которые она получит после свадьбы. Это неплохая основа для более чем приличного существования. Следовало признать, что если Фрэнк был слегка непостоянен, возможно, чуть легкомыслен и ненадежен, серьезность и основательность Рейчел очень скоро заставят его остепениться.

— Потому что она, не стану скрывать от вас, мэм, серьезная умная девушка, в этом отношении она пошла в мать. Я не сомневаюсь, что, так же как Сесилия, она станет разумной преданной женой в отличие от моей другой внучки, Шарлотты, которая не думает ни о чем, кроме флирта. Мне бы только хотелось разделить ее с этим несносным созданием Фэрфакс, удивительно надоедливая девица; чем скорее ей велют собирать вещи, тем лучше будет всем нам, — говорила миссис Фицрой.

— Ваш зять намерен выделить приданое и мисс Фэрфакс, если она захочет выйти замуж? — спросила миссис Черчилль, проявлявшая почти профессиональный интерес к подобным делам.

В этот момент обе леди пили чай с вафлями в библиотеке Джона Харви, после того как с откровенным неудовольствием убедились, что семейства Диксонов и Кэмпбеллов отбыли в трех колясках на прогулку вокруг озера Редипол.

Миссис Фицрой уже открыла рот, чтобы ответить отрицательно, но ее перебил военный оркестр, так оглушительно громко заигравший «Правь, Британия, морями», что беседа временно прекратилась: пока звучала музыка, миссис Фицрой получила возможность подумать. И в результате ее размышлений, когда миссис Черчилль, всегда необычайно целеустремленная, если речь шла о получении информации, повторила вопрос, она ответила:

— Мне, конечно, в точности не известны намерения зятя, мэм. Он со мной не делится. Но он в высшей степени привязан к этой девушке, это я точно знаю. Так что я бы не стала исключать вероятности такого развития событий...

Нечто услышанное ею не далее как утром о братьях Диксон навело ее на мысль сделать гадость девчонке Фэрфакс, хотя сама миссис Фицрой ни за что не употребила бы столь неэлегантного выражения.

— Насколько я поняла, юной леди предназначена карьера учительницы.

— Именно таков был первоначальный план, мэм. Но зять настолько привязался к сей юной особе, что вопрос о ее работе постоянно откладывается.

Здесь миссис Фицрой несколько не преувеличивала. Несколько раз после достижения

восемнадцатилетнего возраста Джейн говорила Кэмпбеллам, что ей пора становиться независимой, что она должна перестать быть для них обузой и ее присутствие мешает Рейчел чувствовать себя хозяйкой, но и полковник, и его жена отвечали, что пока не готовы с ней расстаться. Вот когда Рейчел устроится в жизни, такой шаг придется сделать, но пока бедняжка Рейчел ни за что не пожелает расстаться со своей лучшей подружкой. «Она так оживлена и непринужденно себя чувствует, когда ты рядом, моя дорогая Джейн», — настаивала миссис Кэмпбелл. С этим Джейн, испытывая сильные внутренние сомнения и колебания, не могла не согласиться; не было сомнений в том, что Рейчел вела себя намного свободнее, когда подруга была рядом, а значит, имела больше шансов получить предложение руки и сердца, чего ей все втайне желали. «Но, — думала Джейн, — рано или поздно ей придется научиться обходиться без меня, а я пока живу в некоем раю для дураков, привыкая к удовольствиям и радостям, для которых не предназначена и которых, вероятнее всего, на моем жизненном пути больше никогда не будет. Кэмпбеллы обо мне в этой связи не думают».

Когда полковник Кэмпбелл прочитывал свою газету, Джейн регулярно с ужасом и неприязнью просматривала колонки с объявлениями; не далее как этим утром она прочитала: «Требуется юная особа с отличным образованием и безупречными рекомендациями, чтобы взять на себя ответственность за прекрасную семью из шести детей и обучению их языкам, рисованию, математике и хорошим манерам. Оплата 10 долларов за полгода». Ей вспомнилась мрачная и гнетущая обстановка конторы на Уигмор-стрит. «Вот, что меня ждет, — думала Джейн, — через год или около того». В какой-то момент она ощутила отчаянное желание немедленно отделиться от Кэмпбеллов и, не оттягивая больше, начать унылую жизнь, которая ее неминуемо ожидала. У нее не было иллюзий относительно положения гувернантки даже в самой высокопоставленной семье: социальная пропасть между ней и нанимателями, пусть и на первый взгляд невидимая, все же была. Гувернантку обычно приравнивают к прислуге высшего ранга, — она ведет одинокое существование, не имеет строго определенного места в домашнем хозяйстве, а в ее обязанности частенько входит не только вдалбливание в головы детей теорем Эвклида или латыни, но и купание малышей и починка одежды. Жизнь мисс Уинстэбл или мисс Тейлор была очень комфортной, можно сказать, роскошной по сравнению с существованием других женщин, работавших в семьях, с которыми водили знакомство Кэмпбеллы. Джейн однажды спросила миссис Кэмпбелл, есть ли какая-нибудь другая сфера деятельности, в которой может найти себя образованная молодая девушка и заработать себе на жизнь. Миссис Кэмпбелл, активно занимавшаяся общественной деятельностью, не могла этого не знать. Но леди лишь покачала головой:

— Ничего приносящего доход, моя дорогая Джейн. Все леди, с которыми я связана, действуют на сугубо добровольной основе — вот почему только богатые люди могут быть социальными реформаторами.

Втайне родители Рейчел надеялись, что Джейн, даже не имея приданого, сможет привлечь внимание какого-нибудь подходящего молодого человека: ведь она красива, музыкально одарена, элегантна и имеет безупречные манеры. Это и было главной причиной того, что они не спешили отпустить ее в самостоятельную жизнь.

Все эти соображения периодически поднимались, а потом снова стихали в уме Джейн. Сегодня, собираясь на прогулку к озеру Редипол, она решила, что, поскольку ей велели наслаждаться жизнью, она, пожалуй, так и поступит, пусть даже ненадолго. Пусть кто-

нибудь другой возьмет на себя ответственность за шестерых превосходных детишек. И она с интересом уставилась на озеро, где было очень много лебедей.

Экскурсанты устроились в трех открытых колясках, нанятых в «Ройял-отеле». Первой коляской правил Фрэнк Черчилль, его пассажирами были Рейчел и миссис Консетт, второй — полковник Кэмпбелл, с ним ехали Сэм и его мать, третьей — Мэтт Диксон, он вез миссис Кэмпбелл и Джейн. Миссис Кэмпбелл очень редко соглашалась принять участие в подобных мероприятиях, вот и в этот раз ей в руки попали труды некоего научного общества о преобладании легочных заболеваний среди рабочих, добывающих фарфоровую глину, который она внимательно штудировала, не обращая почти никакого внимания на окружающих.

А Мэтт рассказывал Джейн о своем доме, Бейли-Крейг.

— Жаль, что вы не видели его, мисс Фэрфакс. Как там красиво! Горы спускаются прямо к берегу озера, и по вечерам или на рассвете они покрываются причудливыми узорами всех возможных цветов — от лавандового до синего и золотистого; эту игру красок невозможно описать словами. А маленькие домики стоят у кромки воды белые, словно жемчужины. Знаете, всякий раз, когда я вынужден уезжать оттуда в Дублин, это разбивает мне сердце.

— Вы много времени проводите в Дублине? — захотелось узнать Джейн. — Это красивый город?

— Лучший в мире, можете не сомневаться. Там великолепные мосты, замечательные улицы, очень красивая река; некоторые сравнивают его с Венецией, но, по моему убеждению, Дублин лучше.

Он еще некоторое время описывал ей красоты Дублина, потом они поговорили о книгах, обнаружив много общих пристрастий, и о музыке, напомнив друг другу любимые мелодии и попытавшись вспомнить забытые.

— Сэм знает, что я имею в виду, — сказал Мэтт о музыкальной теме Корелли, — он сразу напоеет ее вам. — Так разговор коснулся здоровья Сэма. — Бедняга! Мне бесконечно жаль, что его так вымотало путешествие. Мама надеялась, что проведенное здесь лето поможет ему пережить зиму. Я очень беспокоюсь о нем. Сегодня утром он объявил, что никогда не женится, потому что ни одна нормальная женщина не захочет с ним возиться; вы даже не представляете, как это грустно, ведь он самый добрый и хороший человек в мире, он стоит пятидесяти таких, как я. Приняв сан, он, безусловно, станет святым.

— Вы и Сэм очень привязаны к дому, — задумчиво сказала Джейн. — Вы оба любите Ирландию, но все же уезжаете. Оставаясь здесь, вы скучаете о родных местах?

— Поверьте, мисс Фэрфакс, очень скучаем. Бывают дни, когда мысль о Бейли-Крейг постоянной болью живет в моей душе. Это рана, которую невозможно залечить и нельзя игнорировать. Зелень лугов, очертания холмов, мычание коров, крик пахарей на поле. Скажу вам честно, мне этого не хватает каждый день, каждый час, каждую минуту.

— Но вы же уезжаете оттуда? Вот и сейчас вы в Англии. Почему?

— Уж вы-то должны меня понять, мисс Джейн. — Он повернул к ней свое живое, умное лицо. — Да, я уезжаю, потому что в Бейли-Крейг нет того, что может удовлетворить такого человека, как я.

Джейн промолчала, и Мэтт продолжил:

— Я люблю эти места глубоко и искренне, они часть меня, как правая рука, но что я могу там делать? Рыбачить, плавать на моей маленькой лодке с друзьями, гулять по холмам, охотиться — что это за жизнь для образованного человека? Я хочу стать писателем и должен

существовать в окружении себе подобных, чтобы оттачивать свой ум. Иногда я думаю, что отцу не стоило посылать меня в Кембридж, тем самым он разрушил меня. Теперь мне нужны разговоры, умные разговоры, я должен видеть, как вращаются колеса мироздания.

— Полагаю, женское общество вам тоже не помешает? — спросила миссис Кэмпбелл, неожиданно оторвавшись от научного труда.

— Вы правы, мэм.

— Возможно, если бы у тебя была умная образованная жена, с которой можно было бы поговорить, она бы примирила тебя с уединением Бейли-Крейг.

— Или она сошла бы с ума рядом со мной в глубочайшей тишине этого места.

— Жены имеют обыкновение дарить мужьям целый выводок детишек, а это значит, что можно попроситься и с тишиной, и с уединением, — сказала миссис Кэмпбелл.

— Тогда лучше уж я останусь в одиночестве, мэм, — сказал Мэтт и рассмеялся.

А миссис Кэмпбелл вернулась к чтению.

— Странно, что дом вызывает у вас такие чувства, — задумчиво проговорила Джейн. — Но я вас очень хорошо понимаю. Я родилась и выросла в крошечной деревушке — о, она вовсе не так далеко, как Бейли-Крейг, но все же она расположена в довольно-таки уединенном месте, и там неделями можно не встретить на улице незнакомого человека, особенно зимой. Я искренне привязана к дому, к своим родным местам — каждый нормальный человек любит город или деревню, в которой родился, — и все же сейчас, возвращаясь домой, я чувствую некую неудовлетворенность. Мне не хватает вещей, к которым я привыкла в Лондоне, — книг, музыки, содержательных бесед, даже новых лиц, поскольку в деревне все знакомые.

— Да, вы действительно все понимаете, мисс Фэрфакс! — воскликнул Мэтт. — Более того, вы ухватили главное!

— Но что же делать? Ведь, наверное, это неправильно? Похоже на предательство?

— Все не так. Не может быть так. Ведь наша любовь осталась там, где наш дом...

— Но почему мы это чувствуем? Наши предки были вполне удовлетворены, оставаясь на одном месте. Они строили дома и обрабатывали землю.

— Не все, — снова вмешалась миссис Кэмпбелл, оторвавшись от чтения. — Иначе Христофор Колумб никогда бы не открыл Америку. Одни остаются дома, другие отправляются в путь. И мне неизвестна историческая книга, в которой говорилось бы, что Колумб рвался домой... Но мне кажется, что те, кто едет впереди нас, остановились. Вероятно, они встретили знакомых.

Коляска медленно подкатилась к месту остановки — Мэтт, занятый беседой, почти не правил, — и миссис Кэмпбелл удивленно воскликнула:

— Глазам своим не верю! Это же Роберт и Шарлотта! Я и не знала, что моя сестра Селси собирается в Уэймут. Интересно, почему она нам ничего не сообщила?

Остановка была сделана у озера, где широкая песчаная полоса позволяла пешеходам, если у них было такое желание, подойти к самой кромке воды. Коляски поставили под раскидистые дубы, а возле них действительно прогуливались кузены Рейчел.

— Тетя Сесилия! Дядя Джеймс! Кузина Рейчел! Мы навели справки в отеле, и нам сказали, что вы направились сюда. Поэтому мы поспешили навстречу вам. Разве это не приятный сюрприз? Очаровательный план, не так ли?

— Мы были у лорда Форчунсуэлла в Эбботсбейле и уговорили маму заехать ненадолго сюда — просто так. В Эбботсбейле было очень скучно, правда, Роб?

— О да, время там тянулось так медленно — казалось, все часы разом остановились. Старина Форчун все время болтал, вода для купания была чуть тепловатой, а все миллиардные кии деформированы. Мы знали, что вы здесь — мама получила письмо от бабушки.

— Разве вы не рады нас видеть? — прошептала Шарлотта?

— Рады, конечно, — сухо ответил полковник.

А Рейчел, подойдя к Джейн, шепнула ей на ухо:

— Какая неприятность! Теперь у нас не будет ни минуты покоя.

Сестра миссис Кэмпбелл — леди Селси — была очень похожа на мать и внешне, и по манере одеваться. Ее отношение к моде и обществу было прямо противоположно отношению ее сестры. Шарлотта — на четыре года старше Рейчел — была на редкость глупой девицей с маленькими голубыми глазками, копной светлых кудряшек и безыскусными несдержанными манерами; в некоторых кругах их могли бы назвать очаровательными, но чаще за ними скрывалась немалая злоба. Она никогда не заводила подруг, оставляя все свое внимание представителям противоположного пола. Ее брат Роберт, двумя годами моложе, быстро и уверенно становился настоящим самодовольным хлыщом: он ни о чем не думал, кроме одежды, еды и развлечений, и излишества уже сказались на его внешности.

— Будем надеяться, что им станет в Уэймуте скучно и они не останутся здесь надолго, — тихо ответила Джейн.

Она видела, что братья Диксон и Фрэнк Черчилль взирают без особого дружелюбия на Роберта Селси, хотя поприветствовали они его вежливо; его сестра — воплощение смеха, улыбок и болтовни — была встречена с большим дружелюбием. Она знала Фрэнка Черчилля в лицо, но никогда раньше не встречалась с Диксонами, и Джейн видела, что оба молодых человека произвели на Шарлотту сильное впечатление, особенно Мэтт. Она сразу вовлекла его в разговор, начала задавать бесконечные вопросы относительно окрестностей: где можно прогуляться, покататься верхом, увидеть самые живописные места, в каких гостиницах подают еду в середине дня?

Спохватившись, представили молодого человека, который все это время стоял в стороне. Оказалось, что это друг Роберта Селси Том Джиллендер; он, подумала Джейн, даже больше денди, чем Роберт, поскольку на нем были панталоны цвета примулы и очень уж замысловатый галстук. Он обозревал мир сквозь лорнет, который постоянно подносил к глазам с видом невыразимой скуки, и непременно нюхал табак, прежде чем высказать какое-нибудь мнение. Он сообщил, что находится в Уэймуте уже несколько дней, и Джейн действительно припомнила, что как-то раз видела его на эспланаде, бросающего пренебрежительные взгляды на женщин в ярких муслиновых платьях.

— Не сомневаюсь, миссис Кэмпбелл, что вы разделяете мое мнение об Уэймуте и его скучных окрестностях, здесь все идет медленно — ужасно отвратительно медленно. Жаль, что я не подумал, как и вы, захватить с собой газету или журнал, чтобы убить время, — заявил он, когда миссис Кэмпбелл, с неохотой оторвавшись от чтения, присоединилась к остальным.

— Ты идешь сегодня на бал в зал приемов, Рейчел? — спросила Шарлотта, на секунду прервав болтовню с Мэттом, и, после того как Рейчел с сомнением взглянула на Джейн, с деланным ужасом воскликнула: — Ну пойдем, пожалуйста! Только не говори, что у тебя другие планы. Балы в Уэймуте — единственное, ради чего можно посетить эти места. Знаешь, дорогая кузина, ты становишься «синим чулком», и мы с Робертом хотим тебе

напомнить, что в этом мире есть и другие интересные вещи, кроме пера и бумаги. Разве я не права, дорогая тетя Сеси?

Миссис Кэмпбелл, которая, как утверждают, однажды в сердцах заявившая, что племянница напоминает ей жужжащего комара, уже отвернулась и разговаривала с Мэттом и Сэмом, но полковник, манеры которого в компании всегда были безупречными, ответил Шарлотте:

— Насколько я понял, мисс, вы собираетесь на бал, причем во всем своем блеске? — Его тон был добродушным и слегка шутливым — к нему он всегда прибегал, когда приходилось общаться с глупыми молодыми девицами.

— Конечно, дядя Джеймс! А Роберт и мистер Джиллендер будут меня сопровождать; так что я надеюсь, что мы будем иметь удовольствие видеть тебя там, Рейчел, и... — ее глаза скользнули по Джейн, — и других джентльменов, конечно, тоже. — Самый чарующий призывный взгляд она устремила на Диксонов. — На балу джентльменов не может быть слишком много, правда, Рейчел? — Она победно улыбнулась Фрэнку Черчиллю и добавила: — Кажется, я еще не имела удовольствия познакомиться с этим джентльменом; хотя я вас раньше видела и уверена, что вы тоже не откажетесь потанцевать.

— Как же, дорогая, — воскликнул полковник, — это же Фрэнк Черчилль, наш лондонский сосед!

Фрэнк с готовностью вступил в разговор:

— Я думаю в точности так же, как и вы, мисс. Танцы для меня одно из главных удовольствий, и если будет музыка, я готов танцевать без устали до утра. Мне кажется, я мог бы танцевать целую неделю. Те, кто придумал котильон, полонез, джигу и стратспей, по моему мнению, больше достойны восхищения, чем изобретатели пороха, арки и колеса.

— Фрэнк, мальчик мой, ты сегодня на удивление фриволен! — воскликнул полковник и покачал головой, хотя и вполне добродушно.

Шарлотта захлопала в ладоши и воскликнула:

— Это замечательно! Теперь я вижу, что вы обязательно будете на балу, мистер Черчилль, и я гарантирую, что не уступлю вам пальму первенства в танцах.

Теперь вежливость обязывала Фрэнка пригласить мисс Селси на два любых танца по ее выбору, а мистер Джиллендер, лениво приблизившись к Джейн, попросил о чести оставить за ним два первых танца.

— Конечно, я не останусь там больше часа или двух, но раз уж я приехал в этот город, то обязан показаться в местном обществе. Вы со мной согласны, мэм? Общественный долг... и все такое.

— Не сомневаюсь, что население Уэймута будет вам за это вечно признательно, — сухо заметила миссис Кэмпбелл.

— Благодарю вас, сэр, — ответила Джейн, которой не понравился мистер Джиллендер. — Однако маловероятно, что мы будем на балу. — Об этом ей подала сигнал Рейчел, очень решительно помотав головой.

Но тут вмешался полковник Кэмпбелл:

— Ну же, Рейчел, не надо разочаровывать кузенов. Может быть, хватит с нас этого монастырского существования? Да и бабушка определенно хочет, чтобы ты пошла. И Джейн не будет возражать, не правда ли, Джейн?

— Все зависит от Рейчел, — спокойно проговорила Джейн. — Мне все равно. — Строго говоря, это было неправдой, потому что она очень любила музыку, а значит, и танцы. Но она

вовсе не собиралась навязывать свое мнение Рейчел, для которой вечер мог превратиться в сплошное наказание.

— Ну разве у вас нет сердца, юные дамы? Вы же не можете лишить меня удовольствия танцевать с вами по очереди? Весь вечер! Ну и с мисс Селси, конечно, — добавил полковник с улыбкой. — А Сэм, хоть он, к сожалению, и не может танцевать, получит огромное удовольствие, наблюдая за вами.

На это Рейчел, слегка заикаясь, сказала:

— Н-ну ладно, если п-папа хочет, мы п-пойдем. Спасибо, Мэтт. Я буду очень рада танцевать с тобой.

Миссис Кэмпбелл заявила, что, раз так, всем надо возвращаться домой, иначе у девочек не будет времени отдохнуть перед вечерними развлечениями; и все снова расселись по коляскам. Роберт и Шарлотта, которая призывно улыбалась Мэтту Диксону до последнего момента, уехали первыми. Их сопровождал мистер Джиллендер верхом. Фрэнк Черчилль повез Джейн и миссис Кэмпбелл, а Мэтт — Рейчел и миссис Консетт.

Джейн до этого не приходилось много разговаривать с Фрэнком. Она часто испытывала к нему жалость, хотя ни за что не смогла бы объяснить причину этого чувства. Он был очень красивым юношей, — рост, осанка, манеры — все было исключительным. Красивое лицо было энергичным, и природная живость несколько сглаживала природную основательность и здравомыслие. Юноша был хорошо воспитан, обладал естественными манерами и был всегда готов поддержать любую беседу. Все это, безусловно, говорило в его пользу. Поэтому Джейн нередко спрашивала себя, почему ее не оставляет чувство, что, несмотря на внушительные преимущества, он все-таки вызывает жалость?

Не потому ли, что он всегда оказывался на краю, чуть в стороне от их компании, страстно желая, чтобы его пригласили в нее, но понимая, что пока для него там нет места. Он был похож, думала Джейн, на красивую дружелюбную собаку, всегда виляющую хвостом, заискивающую, готовую продемонстрировать самое лучшее поведение. Наверное, он научился быть таким, потому что его опекунша была непредсказуемой мегерой.

Джейн хорошо знала историю Фрэнка. Его мать, происходившая из богатого древнего рода Черчиллей, вышла замуж за бедного молодого капитана Уэстона из Хайбери. После трех лет брака несчастная умерла, и поговаривали, что ее смерть была ускорена враждебностью ее же собственной семьи, и Черчилли попросили разрешения у молодого капитана усыновить ребенка. Так Фрэнк из Уэстона стал Черчиллем.

«В его истории есть что-то общее с моей, — думала Джейн, — только у его истории счастливый конец, потому что Фрэнк по всем параметрам является законным наследником Черчиллей — и по кровным узам, и благодаря усыновлению, и со временем получит состояние. Кроме того, у него есть очень милый и снисходительный отец, всегда готовый принять сына в Хайбери, если Черчилли одобряют такой визит. Пока, насколько понимала Джейн, такого одобрения не было, но с другой стороны, — размышляла Джейн, — я намного счастливее Фрэнка, поскольку люблю Кэмпбеллов, а они — меня. В то же время, как бы мне ни хотелось, я не вижу ни малейшего намека на привязанность между Фрэнком и Черчиллями. Они дали ему богатство и комфорт, но не сумели подарить любовь. Думаю, всю свою жизнь ему не хватало настоящего чувства, вот оно что! Вот почему он стоит в стороне и с такой надеждой ждет. Он хочет получить то, что мы ощущаем друг к другу. И его научили всегда вести себя наилучшим образом, чтобы не раздражать больную и несдержанную тетку. Бедняга, его действительно стоит пожалеть. Мои инстинкты меня не

подвели: в будущем я постараюсь выказывать больше искреннего дружелюбия по отношению к нему».

— В Апуэлле есть интересное место — колодец желаний, нам обязательно нужно его увидеть, — сказал Фрэнк. — Вы верите в колодцы желаний, мисс Фэрфакс?

— Наверное, мне не слишком повезло в жизни — пока я не видела ни одного, мистер Черчилль, — ответила Джейн. — Но вообще-то я не суеверна и не верю в волшебное исполнение желаний.

Миссис Кэмпбелл, на секунду оторвавшись от чтения, что-то одобрительно проворчала.

Фрэнк с изумлением воскликнул:

— Вам не повезло в жизни? Но ведь вы наследница самого лучшего состояния в мире!

— Я, мистер Черчилль? Сирота, которой судьбой предназначено зарабатывать себе на жизнь преподаванием?

— О, я вовсе не об этом, — взволнованно проговорил он. — То есть я, конечно, знаю, что вы сирота, у вас нет ни отца, ни матери, и это, конечно, очень грустно. Но вам посчастливилось жить в семье, которая вас искренне любит — это видно всякому, — и кроме того, множество случайностей еще может повлиять на ваше будущее; кто может предсказать, что нас ждет впереди? Взгляните на себя и на меня, мисс Фэрфакс, наши судьбы во многом похожи, мы оба оказались вырванными из хода событий, предназначенного нам судьбой, и помещены в совершенно другое место; мы с вами — компаньоны в неожиданных обстоятельствах, разве нет?

Как странно, подумала Джейн, что он повторил практически слово в слово то, что она думала несколько минут назад.

И она стала смотреть на Фрэнка Черчилля с чуть большим интересом. Оказалось, что он вовсе не глуповат, хотя она никогда не стала бы относиться к нему с таким же безусловным восхищением, как к мистеру Найтли или Мэтту Диксону.

В Мэтте чувствовалось что-то непринужденное и необузданное: природный ум и теплота, никак не связанные с воспитанием и обучением. Бедный Фрэнк Черчилль научился дважды подумать, прежде чем говорить; он овладел искусством угождать, и хотя это далось ему легко, как и его отцу мистер Уэстону, к нему все же невозможно испытывать такое же восхищение и уважение, как к Мэтту, который всегда говорит, что думает, независимо от того, какое впечатление произведут его слова на слушателей.

— Если бы вам было обещано исполнение желания, мисс Фэрфакс, — продолжил Фрэнк Черчилль, — а так, конечно, и будет, когда мы приедем в Апуэлл и выпьем воды из колодца, что бы вы загадали?

На мгновение на месте смеющегося лица Фрэнка перед мысленным взором Джейн возникло другое лицо, так часто являвшееся ей в детских мечтаниях. Она представила, как перед ней появляется мистер Найтли на своем черном жеребце Бруте, ведя в поводу маленькую кобылку Дусетту, и говорит: «Пойдем, Джейн, пойдем со мной». А потом, несясь на лошади рядом с ним через Хайбери, она услышит, как он произносит слова, которые она уже сотни раз слышала в своих фантазиях: «Джейн, ты станешь моей женой?»

Напрасные мечты.

Очень серьезно она повернулась к Фрэнку и сказала:

— Но, мистер Черчилль, вы не должны об этом спрашивать. Во всех сказках говорится, что если произнести желание вслух, его услышат злые богини судьбы, вмешаются, и оно не сбудется.

— Я и не знал, что вы так упрямы, мисс Фэрфакс. Только что вы дали мне понять, что являетесь самой рациональной из всех известных мне юных леди.

Она задумчиво посмотрела на свои руки, затянутые в перчатки.

— Думаю, даже у самого рационального в мире человека имеется какое-то суеверие. Полковник Кэмпбелл, например, ни за что не станет править экипажем, который везет черная лошадь без белого носочка. Можете смеяться, но так оно и есть.

— У меня и в мыслях не было смеяться, — заверил ее Фрэнк, но лицо его говорило об обратном. — У меня тоже имеется большая неприязнь к таким животным, и я ни за что не допустил бы появления такого в своей конюшне. Но все же, мисс Фэрфакс, сейчас, когда наше путешествие подходит к концу, скажите, могу ли я рассчитывать на честь быть вашим партнером в двух танцах на сегодняшнем балу? Возможно, это будут первые два контрданса?

Решив немедленно начать претворение в жизнь своего плана более дружелюбно относиться к Фрэнку Черчиллю, Джейн приняла его предложение. И молодые люди на время расстались.

К немалому волнению и раздражению Рейчел, которой хотелось многое обсудить с Джейн, Шарлотта и леди Селси во второй половине дня явились с визитом в «Йорк-Плейс», где провели за беседой около часа.

Леди Селси много надо было рассказать сестре об обществе, собравшемся у лорда Форчунсуэлла, о беседах, прогулках, музыке, картах, яростной неприязни между супругой лорда и его сестрой, старомодных идеях его матери, предосудительном поведении сына:

— Он попросту щенок, сестра, уверяю тебя: моя дорогая Шарлотта сразу увидела, что скрывается под лживостью его претенциозных манер и томных взглядов — а также под утомительной манерностью и высокомерием его дочерей. Только потому, что их дед был герцогом, они считают себя вправе относиться к моей дорогой Шарлотте, будто она никто.

— Да? — удивилась миссис Кэмпбелл. — Зачем же ты посещаешь дом, где, судя по всему, тебе не рады и ничто не доставляет удовольствие?

— Как! Но, сестра, это же самый изысканный дом в южной части страны! У них собирается половина общества, и было бы странно, если бы мы проигнорировали такое мероприятие.

А тем временем Шарлотта, маленькие глазки которой не упустили ни одной детали скромного туалета кузины, оживленно болтала, тогда как Рейчел сидела и слушала ее с выражением отвращения и непонимания на лице.

Обе леди, конечно, полностью игнорировали Джейн. Та же сидела в углу и всем сердцем желала оказаться в другой комнате и подобрать на фортепиано «Робина Адэра» — любимую песню Мэтта.

Когда визит наконец завершился, леди Селси сказала:

— И мы будем с нетерпением ждать встречи сегодня вечером на балу, сестра.

— Ни при каких обстоятельствах я туда не поеду, — ответила леди Кэмпбелл. — Уверяю тебя, мне есть на что потратить свое время с гораздо большей пользой. Но, полагаю, там будет Джеймс. Он считает своим долгом сопровождать девочек и, конечно, нашу мать и миссис Консетт.

— Ах да, мама!.. Как она? — любопытствовала леди Селси, до сих пор не выказывавшая интереса к здоровью или местопребыванию собственной матери.

— Она подружилась с миссис Черчилль, и теперь они пробуют на себе новую процедуру — горячий душ из морской воды. Она, несомненно, все тебе подробно расскажет сегодня вечером.

Нежно распрощавшись с сестрой и кузиной и слегка кивнув Джейн, гости ушли.

— Шарлотта — отвратительная особа! — в сердцах воскликнула Рейчел, оставшись наедине с Джейн. — Ты знаешь, она коллекционирует предложения! Она говорит, что ей сделали уже пятнадцать предложений, но в ней нет и намека на истинные чувства, она как будто собирает открытки или фантики!

— Пятнадцать предложений руки и сердца? — изумленно воскликнула Джейн. — Я этому не верю. Или же их сделали несерьезные поклонники. Не думаю, что разумный мужчина захочет на ней жениться.

— Нет. Она эгоистичная и бессердечная особа. Знаешь, она похвалила мою прическу (о моем платье она говорить не стала, посчитав его недостойным ее высочайшего внимания). А

когда я сказала, что прическу сделала ты, похоже, сначала она была ошеломлена, а потом скривила губы и заявила: «Что ж, тогда Джейн всегда может рассчитывать на место горничной. Если, конечно, мой дядя не захочет дать ей приданое». После этого она уставилась на меня горящими от любопытства глазами.

— А что ты ей сказала?

— К счастью, в этот момент тетя встала и начала прощаться, так что я только с ненавистью взглянула на нее.

Тяжело вздохнув, Джейн сказала:

— Знаешь, жаль, что я не могу получить место горничной. Мне кажется, это все же лучше, чем учить испорченных недорослей. Большинство леди хорошо обращаются со своими горничными — иначе им приходится постоянно страдать от уколов и щипков и ходить взлохмаченными. Мне бы понравилось элегантно одевать леди, красиво причесывать. К прическам, я думаю, ты согласишься, у меня определенно талант.

Разговаривая, она причесывала Рейчел, укладывая завитые локоны, как грозди винограда, на висках, чтобы сделать узкое лицо подруги чуть шире. Сзади волосы были закреплены гребнем. Рейчел нравилась именно такая прическа, очень модная в этом сезоне, но Джейн все же считала, что она ей не очень идет.

— Больше ни у кого не будет такой умопомрачительной прически, — сказала Рейчел, удовлетворенно рассматривая завитки в зеркале. — Она придаст мне уверенности в себе.

— Рейчел! Было бы лучше, чтобы миссис Консетт не слышала от тебя подобных выражений. Ты слишком много общаешься с Диксонами.

Рейчел от души рассмеялась.

— Ты права. Знаешь, по-моему, Шарлотта отчаянно завидует тому, что у нас такие хорошие друзья. П-поэтому она так старательно приглашала нас на бал.

— Она желала убедиться, что Мэтт, Сэм и Фрэнк тоже будут там? Ох, Рейчел, неужели она хочет добавить наших друзей к своему списку поклонников?

Подруги встревоженно уставились друг на друга.

— Какая отвратительная идея! — воскликнула Рейчел, но тут же рассмеялась. — В-все же я п-полагаю, что у наших друзей достаточно з-здорового смысла.

— Может, нам лучше их предупредить? Пусть уж признаются ей в любви сразу, без задержки, чтобы она потеряла к ним интерес, — сказала Джейн. — Какое платье ты наденешь, это с вышивкой или то батистовое?

— Вышитое — зеленое с серебристой нитью. Подойдет?

— Твое любимое? Конечно, оно очень элегантное, — заверила подругу Джейн. — Что-то говорит мне, что твоя кузина Шарлотта сегодня постарается одеться слишком шикарно, чтобы показать нам, бедным замарашкам, как наряжаются леди, которые запросто общаются с дочками герцога.

— Боюсь, ты не склонна к проявлению милосердия.

Леди Селси и ее дочь оставались в гостях так долго, что Рейчел и Джейн пришлось одеваться в большой спешке, но все равно ужин был подан позже, что привело полковника, имевшего военную страсть к пунктуальности, в дурное расположение духа, да и нога после поездки нещадно разболелась.

— Говори громче! — неожиданно рявкнул он на Рейчел, не услышав какую-то из ее фраз. При этом он так сильно испугал дочь, что та уронила стакан, который слуга только что наполнил лимонадом, и все содержимое выплеснулось на ее платье. — Посмотри, что ты

наделала! Безрукое неуклюжее создание!

— Боже! Мне очень жаль! — чуть не плача, пролепетала Рейчел, а миссис Кэмпбелл спокойно заметила:

— Тебе придется сменить платье, детка; ты же не пойдешь на бал мокрая, как русалка.

— Я... мне все равно, я т-так и п-пойду, — сказала Рейчел, но все присутствующие за столом дамы в один голос запротестовали.

— Идти в мокром платье! Что за дикая идея! Это непристойно! Что подумают о твоём воспитании?

— Делай то, что тебе сказала мать! — взревел полковник, и на тарелку Рейчел упали две капли темной крови.

Джейн вскочила.

— Пойдем, Рейчел, я помогу тебе переодеться. Мы вернемся раньше, чем вы допьете чай, — поспешно сказала она, покосившись на полковника.

Как только они вышли из комнаты, он бросил хмурый взгляд на часы и нервно забарабанил пальцами по столу.

— Принесите лед. Быстро, — сказала Джейн и повязала Рейчел на шею салфетку, чтобы не испачкать кровью платье. Потом она усадила подругу в кресло и положила ей лед на лоб и переносицу.

— Ну вот и все. Кровотечение остановилось. Хорошо, что ты не испачкала платье. А лимонад отстирается. Я где-то читала, что пролить воду — это к счастью. Возможно, пролив лимонад, ты станешь еще счастливее и получишь пятнадцать предложений руки и сердца, как твоя кузина Шарлотта.

Джейн болтала без умолку, чтобы успокоить Рейчел, которая была ошарашена и обижена неожиданным взрывом отца. Ведь ничего подобного уже давно не было. У нее в глазах стояли слезы, руки дрожали.

— Что ты наденешь вместо зеленого платья?

— Не знаю. Мне все равно, — пробормотала Рейчел.

— Может, из розового муслина? В этом платье у тебя сразу улучшается цвет лица. — Сама Джейн считала, что оно идет подруге намного больше ее любимого зеленого, поэтому помогла ей надеть его и сразу начала застегивать маленькие пуговицы, пока не последовало никаких возражений.

— Какая неприятность! Твоя прическа испорчена. И боюсь, уже нет времени снова завить все пряди...

— Не важно, — снова без всякого выражения проговорила Рейчел. — Никакой разницы.

— Разница, безусловно, есть. Это же твой первый бал! Но раздражать полковника и дальше нет смысла. Знаю! Я причешу тебя а-ля соваж — видела картинку в журнале, когда мы вчера ждали твою бабушку в библиотеке Харви, и я знаю, как сделать такую прическу. Ты будешь выглядеть словно парижанка.

И ловкие пальчики Джейн довольно быстро соорудили на голове подруги впечатляющую башенку из каштановых волос, украшенную перьями и блестками.

— Вот так! Нет, не надо себя разглядывать. Ты выглядишь очень элегантно, и, поверь, волосы держатся вполне надежно. Прическа переживет даже контрданс. Шарлотта позеленеет от зависти. Ну а теперь коралловый веер и перчатки — превосходно. Пошли.

Сжав руку подруги, Джейн буквально потащила ее за собой, и Рейчел вбежала в холл покрасневшая, что, конечно, было нежелательно.

Полковник, уже в шляпе и перчатках, ожидал в холле, нетерпеливо прохаживаясь взад-вперед. Но пока Джейн и Рейчел отсутствовали, он успел получить выговор от жены, указавшей ему на непристойное поведение: нельзя же расстраивать дочь перед ее первым балом.

— Причем именно тогда, когда мы все хотели, чтобы она выглядела достойно. Это было крайне неосмотрительно с твоей стороны, Джеймс.

И миссис Фицрой обрушила на него настоящий дождь словесных стрел. Так что, когда подруги Джейн и Рейчел появились, полковник только сказал:

— Вот и хорошо. Пора идти.

Он ни словом не обмолвился относительно изменившейся внешности дочери (которую всегда был склонен критиковать) или не обратил на перемены внимания.

Зал приемов, расположенный на первом этаже «Ройял-отеля», уже начал заполняться, когда там появилось семейство Кэмпбеллов, и было слышно разноголосое пиликанье — музыканты настраивали инструменты. Играть должен был военный оркестр из полка, расквартированного в казармах Редипола.

В большом бальном зале, сиявшем огнями, людей было еще немного, и леди старшего возраста в атласных платьях спешили занять самые удобные места у камина. Офицеры в красных мундирах входили в комнату для игры в карты или вышагивали возле нее, и по лестнице постоянно поднимались новые гости — компаньонки со своими принаряженными и тщательно причесанными подопечными. К большой радости Джейн и Рейчел, вскоре появилось семейство Диксонов, сразу присоединившееся к Кэмпбеллам. Их сопровождал Фрэнк Черчилль, который многозначительно улыбнулся Джейн, словно намекая на свое право продолжить их общение с того места, где оно накануне прервалось.

— Тетя недостаточно хорошо себя чувствует, чтобы подвергнуть себя такой перегрузке, а дядя решил составить ей компанию. Но они отправили меня развлекаться. — И он улыбнулся, немного иронично, но явно в ожидании вечерних удовольствий. — Позвольте сказать вам, мисс Фэрфакс, что вы всегда обворожительны, но в белом — само воплощение элегантности.

— Спасибо, — слегка улыбнулась Джейн, почти не обратив внимания на комплимент. — Послушайте, мистер Черчилль, могу я попросить вас оказать мне услугу? — тихо, предварительно удостоверившись, что ее не могут слышать ни Рейчел, ни ее отец, которые в это время находились довольно далеко и были заняты разговором с миссис Диксон, спросила она.

— Все, что угодно! Для вас я сделаю все, что в моих силах. — В его словах была настоящая доброта, которую нельзя было не заметить.

— Тогда я вас очень прошу, пожалуйста, уделите сегодня как можно больше внимания Рейчел. Она сегодня получила резкий нагоняй от своего отца. А ее душевное равновесие так легко нарушить! — В нескольких словах она поведала Фрэнку о происшедшем. — Полковник ужасный человек, он не понимает, как сильно ранит дочь, лишает ее уверенности. Прошу вас, мистер Черчилль, сделайте так, чтобы она получила удовольствие от сегодняшнего вечера.

— Доверьтесь мне, мисс Фэрфакс! И Мэтту я передам то же самое; мы позаботимся, чтобы у нее всегда был партнер. Вы настоящий друг, мисс Фэрфакс.

Фрэнк поклонился, поцеловал руку Джейн и подмигнул с видом заговорщика. Потом он направился через толпу к Рейчел. Она, одетая в розовое платье, с высокой элегантной

прической, даже не подозревала о том, что привлекает к себе заинтересованные взгляды не только друзей, но и незнакомцев. Фрэнк сказал ей несколько слов, и Джейн увидела, как подруга, улыбнувшись, кивнула. Оркестр занял свои места, и Фрэнк повел Рейчел в середину зала. В этот же момент к Джейн подошел Мэтт Диксон и пригласил на танец.

— Спасибо, я счастлива принять ваше приглашение. Как чувствует себя сегодня ваш брат?

— Как видите, достаточно сносно, чтобы прийти сюда, но все же не достаточно хорошо, чтобы танцевать. Он составит компанию маме. Кстати, он просил вам передать, что вы похожи на Финуалу, дочь Лира, но вы скорее всего и сами об этом знаете.

— Понятия не имею, кто такая Финуала^[1]?

— Она была морской нимфой, дочерью морского бога, и ее превратили в лебедя.

Джейн рассеянно поблагодарила за комплимент, и они заняли места среди танцующих; от страстного желания танцевать она чувствовала странное покалывание в ногах. Но как раз в тот момент, когда они собирались начать танец, рядом послышался возмущенный голос мистера Джиллендера:

— Как же так, мисс? А я считал, что мы условились танцевать вместе. Вот он я, твердо верящий в нашу договоренность, а вы собираетесь танцевать с кем-то другим. Разве я не приглашал вас на танец, когда мы были на том проклятом скучнейшем озере?

— Да, сэр, вы меня приглашали, — холодно ответствовала Джейн, — но в тот момент мы не собирались на бал, и, если припомните, я не принимала вашего любезного приглашения.

— Клянусь честью, вот это спокойствие! Но теперь я, брошенный вами, остался без партнерши! Мисс Селси танцует с Далримплом...

— Уверена, сэр, распорядитель немедленно представит вас благопристойным молодым леди.

— Здесь нет леди, которых я посчитал бы сносными.

К счастью, фигуры танца вскоре развеяли Джейн с партнером и мистера Джиллендера, но он еще долго время от времени появлялся рядом с ней, перебивал Мэтта, вмешивался в беседу. В конце концов, даже обычно добродушный, обладавший чувством юмора Мэтт, когда мистер Джиллендер наконец убрался в комнату для игры в карты, раздраженно воскликнул:

— Какой отвратительный малый! В Кембридже его считали умным, но я никогда не мог понять почему. Мне он всегда казался смертельно скучным.

— Вы знали его по Кембриджу?

— Совсем немного. — По лицу Мэтта промелькнула тень — вроде бы он почувствовал какую-то неловкость, но тень исчезла очень быстро, и Джейн решила, что ей показалось.

— Расскажите мне еще об Ирландии, — попросила она.

Уговаривать Мэтта не пришлось. Джейн слушала его вдохновенное повествование и с интересом посматривала по сторонам. Она заметила Шарлотту: выражение лица у нее было очень недовольное. На Джейн она упорно не обращала внимания, зато бросала призывные взгляды на ее партнера, когда в танце они оказывались напротив друг друга.

— Шарлотта нами недовольна, — тихо заметила Рейчел, как только они остановились, чтобы перевести дух после первых двух танцев.

— Не наша вина, что она прибыла поздно и не смогла открыть бал. А на партнера ей грех жаловаться. Разве это не лорд Феликс Далримпл?

— Да, но тебе не кажется, что он выглядит каким-то маленьким и неприятным? Он пригласил меня на танец, но я была счастлива ответить, что уже приглашена на все танцы до конца бала.

И действительно, Рейчел, к ее великому удивлению, обнаружила, что стала королевой бала, ее приглашали наперебой, за право потанцевать с ней велись споры; она танцевала без усталости — щеки розовые, глаза сияют; а Фрэнк и Мэтт бдительно, хотя и ненавязчиво, следили, чтобы она не скучала и не оставалась без партнера.

Джейн тоже имела успех, о каком и не мечтала, танцуя почти каждый танец и получая комплименты, большинство которых, если честно, сочла глупыми.

— Шарлотте не повезло, — сказала она Рейчел за ужином, когда они сидели вместе с Диксонами. — Твое платье намного красивее, чем ее, а ведь они одного цвета. Но ее платье какое-то аляповатое.

— Ты была права, предсказав, что у нее будет всего в избытке. Я слышала, как бабушка сказала, что ей следует убрать весь этот пух, перья и блески, иначе она похожа на участницу представления «Панч и Джуди». Бедная Шарлотта!

Не приходилось сомневаться, что Шарлотта получила новый и чрезвычайно неприятный урок: ее безвкусную красоту по непонятной причине затмила простушка-кузина; пережить такой удар было непросто.

— Кто, скажи на милость, сделал тебе эту прическу, Рейчел? — раздраженно спросила Шарлотта, когда они пили оршад в чайной комнате. — Она напоминает гнездо цапли. Ах, я поняла, ее придумала мисс Как-ее-там...

— Этот стиль называется а-ля соваж, и сейчас он самый модный в Париже, — сухо сообщила внучке миссис Фицрой. — Джеймс! Этот так называемый оршад — не что иное, как слабая ячменная вода. Ты не мог бы принести нам чаю?

Полковник угрюмо повиновался и снова ретировался в комнату для игры в карты, где и провел весь оставшийся вечер.

После перерыва на чай было еще два танца. Фрэнк Черчилль танцевал с Рейчел, а Мэтт пригласил Джейн. Она с радостью согласилась.

К счастью, чрезвычайно недовольный мистер Джиллендер уже ушел, направившись, как он грозил раньше, «в игорный ад», а Роберт Селси отправился поиграть в карты. После двух танцев с Джейн он объявил о своем намерении танцевать с ней позже, но, к ее большому облегчению, потом уже не появился. Его разговоры, касающиеся только терьеров и ловли крыс, были невыносимо скучными, а иногда и вовсе не понятными.

— Итак, девочки, как вам понравился бал? — спросила миссис Кэмпбелл, которая оторвалась-таки от парламентских отчетов и подошла взять стакан негуса^[2]. На оживленно порозовевшее лицо Рейчел она взглянула с явным недоумением.

— О да, мама! Все было п-прекрасно, не так ли, Джейн?

— Рейчел имела большой успех, — сказала Джейн миссис Кэмпбелл. — Она весь вечер была в центре внимания, правда, полковник Кэмпбелл?

— Э... да, думаю, что да... во всяком случае, недостатка в партнерах у нее вроде бы не было.

Полковник, как и его теща, сильно устал — у него болели ноги и суставы; он не мог дождаться момента, когда вернется домой и ляжет наконец в постель. Миссис Фицрой, находившаяся в таком же состоянии, просто сказала, что Шарлотта Селси представляла то еще зрелище, у девочки чувство стиля, как у готтентота.

— Я все выслушаю завтра, — пообещала миссис Кэмпбелл.

Но утром она получила по почте такой мрачный отчет об условиях работы швей, что у нее не осталось времени для дочери.

Сразу после завтрака появились Шарлотта и ее брат.

— Мы собираемся в Корф. Поехали с нами. Такие прогулки интересны, если в них участвует много людей — количество решает все. С нами ваши друзья Диксоны, мистер Черчилль и еще несколько человек. Собирайтесь!

Рейчел и Джейн присоединились к экскурсии с большой неохотой. Да и вообще всю следующую неделю они провели в компании Шарлотты Селси и ее брата, и вовсе не потому, что хотели этого; просто у них не было никакой возможности отвязаться от этих неприятных незваных гостей. Шарлотта, ее брат и друг неустанно устраивали пикники, прогулки, экскурсии и купания; представлялось очевидным, что мужчины следовали этой программе, потому что избрали такой образ жизни — непрекращающиеся развлечения. А Шарлотта, это было совершенно ясно, вела совсем другую игру. Во время всех прогулок она была рядом с Мэттом Диксоном: скакала на лошади рядом с ним, сидела с ним на камне или на поваленном дереве, смотрела в телескоп, который он для нее держал, искала с ним ракушки, собирала цветы. И все время рассказывала ему сказки о своих успехах в высшем обществе; очень скучные и глупые сказки, поняла Джейн, ненароком подслушав несколько фраз, но Мэтта она, похоже, очаровала.

Она околдовала его, думала Джейн, навела порчу.

Рейчел казалась настолько потрясенной отступничеством своего друга, что Джейн даже не решалась поговорить с ней об этом, боялась причинить боль. А подруге действительно было очень больно: она побледнела и похудела, перестала есть и снова стала сильно заикаться.

— Поторопитесь! — закричала Шарлотта, ворвавшись как-то утром в комнату, где семья завтракала. — Нет времени. Мы все едем в Эбботсбери и Чезил-Бэнк. Роберт заказал для вас экипаж в отеле, он вас и повезет. Надеюсь, ваша компаньонка не откажется сидеть втиснутой между вами? Или, возможно, мисс Фэрфакс предпочтет остаться?

— Ехать в Эбботсбери? Интересно, кого ты имеешь в виду, говоря «мы все»? — спросила миссис Кэмпбелл.

Племянница беспечно ответила:

— Роберт и я, Том Джиллендер, ваши друзья Диксоны и их мать, и мистер Черчилль. Мэтт, Том и мистер Черчилль верхом, а Сэм везет свою мать.

— Я бы тоже предпочла поехать верхом, — сказала Рейчел со слабым намеком на воодушевление, но отец велел ей выбросить подобные глупости из головы.

— Всю дорогу до Эбботсбери? Это же больше пяти миль, пожалуй, даже все шесть. Да и погода сегодня не обещает ничего хорошего. А я сегодня определенно не в том состоянии, чтобы тебя сопровождать: нога адски болит.

Было ясно, что он готов вообще запретить эту прогулку, и Джейн, которой было любопытно увидеть Эбботсбери и Чезил-Бэнк, быстро вмешалась:

— Возможно, миссис Кэмпбелл захочет сама принять участие в поездке? Я слышала, она интересовалась старыми монастырскими укладами.

Но миссис Кэмпбелл не выразила такого желания.

— Если с молодыми людьми едут миссис Диксон и миссис Консетт, я не вижу никаких оснований для моего присутствия, — сообщила она и вернулась к чтению.

Джейн с интересом отметила, что на Шарлотте сегодня был новый костюм для верховой езды из синего бархата, явно сшитый с большим вкусом, чем ее обычные платья; а волосы под высоким головным убором с перьями были уложены в таком же стиле, как у Рейчел на балу.

— М-мама, ч-что скажешь? М-мы должны ехать? — без всякого энтузиазма спросила Рейчел.

— О, конечно, детка, если хочешь. Но не гуляйте слишком долго. Сегодня у нас, если помнишь, ужинают Гранты; будет невежливо, если вы опоздаете на ужин. Кроме того, вам с Джейн лучше надеть платья потеплее. На улице довольно свежо.

— Ой, только не заставляйте их переодеваться, — заныл Роберт, — а то нам придется ждать несколько часов. Теплового плаща или шали будет вполне достаточно. В экипаже наверняка будут одеяла.

В этот раз Рейчел ехала с кузенами, а Джейн и миссис Консетт теснились с миссис Диксон и ее младшим сыном. Остальные джентльмены ехали верхом.

Джейн с радостью заметила, что Сэм Диксон выглядит намного лучше, и поздравила его с тем, что он чувствует себя достаточно хорошо для длительной прогулки после недели, проведенной взаперти. Она чувствовала себя свободно с Сэмом Диксоном, унаследовавшим от матери легкость в общении и простую естественную доброту. И путешествие было восхитительным: довольно долго они ехали по гребню горы высоко над морем, имея возможность любоваться великолепным видом на Чезил-Бич, удивительную галечную банку длиной шестнадцать миль, которая тянулась от Эбботсбери до Портленда, с лагуной внутри.

— Кажется, погода портится, — сказала миссис Диксон, и ее тон был уже не таким беззаботным, как раньше. — Посмотрите, какие белые барашки на волнах. Нам нельзя долго оставаться в Эбботсбери. Не доверяю я этим перьевым облакам, что идут с запада.

— Мама известный предсказатель погоды, — усмехнулся Сэм. — Старики в Бейли-Крейг всегда обращаются к ней, если не сходятся во мнениях. Но будем надеяться, что на этот раз ее тревоги не оправдаются.

Эбботсбери, с его широкой главной улицей, приподнятыми пешеходными дорожками и симпатичными бунгало, был признан совершенно очаровательным; вся компания перекусила в местной гостинице, а потом долго гуляла, осматривая лебединое озеро, древние руины аббатства, огромный десятичный амбар^[3] и часовню Святого Николая.

Пока миссис Диксон осматривала цветное стекло в часовне, Сэм сказал Джейн:

— Какой удивительный контраст между Рейчел и ее кухней. Они совершенно разные. Рейчел такая чистая и искренняя, а мисс Селси, хотя, конечно, она легка в общении и ее рассказы иногда бывают забавными, не кажется прямой и честной. Ей не хватает естественности.

— Да, — согласилась Джейн, — я понимаю, что вы имеете в виду. Думаю, это результат воспитания. Пока отец Рейчел был на военной службе, она росла в самых разных, зачастую диких местах и не имела возможности встречаться с людьми из общества. Она сохранила простоту, которая очень редко встречается у взрослых людей. А ее кухня с раннего детства жила в Лондоне.

— Вы правы, и результат очевиден.

Джейн почувствовала к Сэму еще большую симпатию, когда он, не говоря ничего плохого о Шарлотте Селси, принялся хвалить Рейчел, говоря о ней с такой теплотой, что Джейн ощутила странный укол и поняла: Сэм влюблен в Рейчел. Он любит ее глубоко и

преданно. Боже правый! Интересно, она знает об этом? Бедняга! Он такой хороший и добрый! Джейн в душе понимала, что Рейчел относится к нему с большой теплотой, но все же не видела благоприятных перспектив для этой любви. Она не сомневалась, что подруга испытывает к Сэму только дружеские чувства.

«Кстати, — подумала она, — а что я вообще знаю о нем? Или о Рейчел? Они сами разберутся в своих чувствах».

И она сосредоточила свое внимание на миссис Диксон, которая, внимательно осмотрев запрестольную перегородку и свод, вышла из часовни и прямо спросила:

— Мисс Фэрфакс, вы не знаете, сколько еще эти Селси будут оставаться в Уэймуте? Боюсь, я не испытываю теплых чувств к мисс Селси. Мне она кажется тщеславной бессердечной девчонкой, пустой кокеткой. Насколько она отличается от дорогой Рейчел!

— Не думаю, что они задержатся здесь надолго, — ответила Джейн. Им скоро надоест Уэймут.

— Мой сын Мэтт увлекся мисс Шарлоттой.

— Он находит ее разговоры занимательными. Она знает многих интересных людей в лондонском обществе.

— Знает? Ха! Она слышала о них от других светских сплетниц! Все ее новости она узнала из вторых рук!

Подумав, Джейн решила, что скорее всего это правда.

— Но она рассказывает с такой непоколебимой уверенностью. Нельзя не увлечься.

— Можно! — возмущенно фыркнула миссис Диксон. — Так что говорите о себе, мисс Фэрфакс. Хотя, насколько я заметила, к вам она никогда не обращается.

— О нет, — улыбнулась Джейн. — Я недостойна ее внимания.

— Во всяком случае, — сказала миссис Диксон, и ее красивый лоб перерезала глубокая морщинка — знак неприязни и неодобрения, — я искренне надеюсь, что она вскоре найдет себе другую жертву вместо моего сына. Ну почему она не нацелилась на Фрэнка Черчилля? Ведь он в будущем унаследует немалое состояние.

— Видите ли, мадам, мисс Селси привыкла встречаться именно с такими людьми, как мистер Черчилль, — молодыми джентльменами из общества, вежливыми, жизнерадостными, общительными. Но мистер Мэтт Диксон намного выше. Возможно, мисс Селси в жизни не сталкивалась с таким умным, энергичным, талантливым человеком.

— Мисс Фэрфакс, а вы, оказывается, проницательны! — воскликнула миссис Диксон и взглянула на Джейн с искренним дружелюбием. — О нем очень высокого мнения в Кембридже. Так что вы понимаете причину моей тревоги.

— Конечно, понимаю, мэм. Но я уверена, что, поскольку мистер Диксон намного выше этой леди во всех отношениях, он недолго останется под властью ее навязчивых чар.

Их беседу прервал начавшийся дождь, а вскоре он и вообще перешел в ливень.

— Боже мой, какая неприятность! Что же нам делать? Мисс Фэрфакс, вы и Сэм должны вернуться в гостиницу; я знаю, что вы тоже подвержены простудам. Промокнуть — это последнее, что нужно моему бедному мальчику! — воскликнула миссис Диксон и начала оглядываться в поисках Мэтта и мисс Селси, которых в последний раз видели поднимающимися по ступенькам через ограждение между двумя бунгало. — Ну где же они? О, мистер Черчилль! — Она бросилась к Фрэнку, который, галантно раскрыв зонтик, вел Рейчел к гостинице. — Прошу вас, найдите моего сына и мисс Шарлотту. Мы должны немедленно отправиться в Уэймут, пока непогода не разыгралась еще сильнее. Дождь

начался намного раньше, чем я ожидала, — сказала она и устремила тревожный неодобрительный взгляд на небеса, которые действительно были черными и угрожающими.

Фрэнк услужливо отдал свой зонтик Сэму.

— Кажется, я знаю, где искать остальных. На той возвышенности есть развалины маленькой часовни; они пошли в том направлении. Мисс Селси изъявила желание увидеть руины. Я их позову.

Дамы вернулись вместе с Сэмом в гостиницу, которая, к счастью, находилась в двух шагах. Там они обнаружили мисс Консетт, которая лениво попивала чай. Она сообщила, что мистер Джиллендер и мистер Селси уехали (причем Роберт Селси забрал для этой цели верховую лошадь Фрэнка Черчилля), чтобы успеть на петушиные бои в деревне Шертон-Аббас.

— Не может быть! — возмутилась миссис Диксон. — Бедный мистер Черчилль! Как же он доберется до Уэймута?

— Мистер Селси сказал, что он может вместо него повезти дам.

Оба джентльмена уехали уже минут двадцать назад, так что с этим ничего нельзя было поделать. Оставалось только ждать в вестибюле гостиницы, пока не появятся остальные. Рейчел была бледна и молчалива. Она сидела, уставившись на сползающие по оконному стеклу капли дождя. А миссис Диксон суежилась вокруг Сэма.

— Ехать в такой ливень! Боже! Ну почему все складывается так неудачно! Я бы предложила тебе переночевать здесь, мой мальчик, но комнаты насквозь сырые, и еще неизвестно, что причинит тебе больше вреда — непогода или влажная постель.

— Я и сам не намерен задерживаться в этой дыре, — сказал Сэм и тепло улыбнулся встревоженной матери. — Да и не забывай, что вам потребуется извозчик.

— Но куда же запропастились остальные? — раздраженно воскликнула миссис Диксон.

Прошло не менее двадцати минут, прежде чем троица появилась; судя по всему, Шарлотта, которой все время хотелось увидеть лучший вид, увлекала Мэтта все дальше и дальше по хребту, и Фрэнку пришлось пройти целую милю, прежде чем он их догнал. Юная леди под защитой зонтика была почти сухой и очень оживленной, но оба джентльмена довольно сильно промокли. Мэтт был явно в плохом настроении, а Фрэнк Черчилль, веселый и разговорчивый, как обычно, совершенно спокойно отнесся к известию о том, что остался без лошади и что ему придется везти дам в Уэймут.

Поскольку непогода, похоже, разыгралась не на шутку, тучи затянули небо и никакого просвета видно не было, решили ехать. Сэму предстояло везти Шарлотту и Рейчел в коляске со складным верхом, а Фрэнку — Джейн и остальных дам. Сэм и дамы были защищены всеми зонтиками, одеялами и покрывалами, которые смогла предоставить гостиница.

Обратное путешествие было грустным. Хлеставший дождь не позволил путешественникам насладиться видами, так восхитившими их по пути в Эбботсбери. Настроение у всех было испорчено внезапной переменой погоды и сильным похолоданием, а миссис Диксон не уставала казнить себя за то, что согласилась отправиться на эту прогулку.

На следующее утро Шарлотта ворвалась к Кэмпбеллам, можно сказать, ни свет ни заря. Непогода бушевала всю ночь, но к утру стихла, и хотя по бухте все еще катились высокие волны, увенчанные белой пеной, яркое солнце весело освещало мокрые тротуары и песчаный пляж с грудями прибитых к берегу бревен и водорослей.

— Что ты все киснешь в помещении? — воскликнула Шарлотта, обращаясь к Рейчел. Она явно находилась в приподнятом настроении. — Том, Роберт и я уже давно на свежем воздухе! Они ждут нас на улице. Пол города уже на эспланаде. Разве ты и твои друзья не пойдете с нами?

Миссис Кэмпбелл, с большим неодобрением выслушав рассказ о том, как Шарлотта, не думая о других, подвергла остальных участников поездки риску простудиться, заставив их долго находиться под дождем и ветром, поприветствовала племянницу весьма прохладно и выразила надежду, что на сегодняшний день не планируется никаких далеких и продолжительных поездок.

— Нет, мэм, — ответила Шарлотта, не обратив ни малейшего внимания на неприязненный тон тети. — Том, Роберт и я просто вышли погулять, полюбоваться морем и солнцем в такой прекрасный день. Мы надеялись, что кухня присоединится к нам, и мистер Черчилль, и братья Диксоны тоже, если они здесь.

Узнав, что никого из упомянутых ею джентльменов под крышей Кэмпбеллов нет, она явно приуныла, впрочем, ненадолго, и воскликнула:

— Ну и ладно! А я считала, что они здесь, поскольку их нигде не видно. Впрочем, это не важно. Ну надевай же шляпку, Рейчел! Уверена, они очень скоро присоединятся к нам, если мы будем вместе.

Миссис Кэмпбелл не возражала, если только миссис Консетт будет сопровождать девушек (Шарлотта, конечно, не приглашала Джейн, но, к ее изрядному недовольству, Рейчел сказала: «Ты ведь пойдешь с нами, не правда ли, Джейн?»). И юные леди отправились надевать шляпки и плащи, поскольку ветер все еще был довольно прохладным.

Девушки присоединились к джентльменам (которые, ожидая их, бросали камушки, не давая покоя стайке чаек, кружившей над скелетом выброшенной на берег большой рыбы), и вся компания направилась в южном направлении к старой части города. Кузины и Роберт шли впереди (однако Шарлотта все время отставала, поскольку непрерывно крутила головой, выискивая глазами пропавших джентльменов), а Джейн оказалась в компании мистера Джиллендера и миссис Консетт. Компаньонка шла очень медленно, потому что ее элегантные кожаные полуботинки были на размер меньше, чем ей надо, и доставляли ей слишком большой дискомфорт. Она еле-еле плелась далеко позади. А Джейн не спешила начать беседу, поскольку была невысокого мнения о вкусах и знаниях мистера Джиллендера; но она с удовольствием вдыхала свежий морской воздух и наслаждалась морским видом. Она думала о братьях Диксон, и в первую очередь о Сэме, и искренне надеялась, что их отсутствие на прогулке не вызвано вчерашними приключениями. Рейчел с негодованием поведала Джейн о том, что, когда они накануне ехали домой, Шарлотта на обратном пути своими постоянными жалобами и капризами вынудила Сэма отдать ей почти все одеяла. Он отдал ей даже зонтик, бывший его единственной защитой от дождя, хотя, с отвращением добавила Рейчел, «у нее было достаточно своих одеял, и в любом случае она здоровая, как

лошадь. Я только надеюсь, что бедный Сэм не слег с тяжелейшей простудой».

— Взгляните, мисс Фэрфакс, — обратился мистер Джиллендер к Джейн после десятиминутного молчания, — какое прекрасное утро. Кто бы мог вчера вечером подумать, что сегодня будет так ясно. Мы с Селси под проливным дождем возвращались с петушиных боев, которые, кстати, оказались жалким зрелищем, крайне неприятным действием, которое не стоит даже пяти минут времени и шести пенсов; в общем, сущее надувательство.

Вежливость требовала, чтобы Джейн сказала несколько слов сочувствия разочарованному молодому человеку, хотя в действительности она испытывала лишь раздражение, понимая, насколько было бы лучше, если бы он и Роберт остались вместе со всеми, вернулись домой вовремя и не лишили Фрэнка Черчилля его лошади.

Между тем ее ответ, похоже, вдохновил мистера Джиллендера, на красном лице которого появилась довольная улыбка. Он воскликнул:

— Клянусь честью, мисс Джейн, вы и я, похоже, имеем одинаковые мнения обо всем на свете! Разве не так? Но вы наверняка тоже это заметили. Нет? Как же, только на днях, когда вы сделали чертовски умное замечание о Франции, я сказал себе: «Эта молодая леди говорит теми же словами, которые употребил бы я сам». Все так и было! Никогда в жизни я не встречал женщины, которая обладала бы способностью так быстро предугадать мою мысль и произнести ее первой. Просто удивительно. Ей-богу, я начинаю верить, что мы созданы друг для друга. — И прежде чем Джейн сумела остановить его, он произнес страстное предложение руки и сердца, причем в самых несдержанных выражениях. Он мог бы побиться об заклад, что она самое потрясающее создание в Дорсете. Да черт с ним, с Дорсетом, — во всем мире! Ее красота, ум, манеры и любезность ему вполне подходят; равной ей нет во всем королевстве, во всяком случае, ему пока не попадались подобные леди. Он много раз говорил об этом Роберту и намерен сегодня же, как только они вернутся с прогулки, поговорить с полковником, этим добродушным старым симпатягой. Да, еще до конца дня он намерен получить согласие полковника, и об этом сразу узнает весь город — солдаты, моряки, рыбаки — словом, все.

— Остановитесь на мгновение, прошу вас, мистер Джиллендер! — в ужасе вскричала Джейн, не в силах иным способом прервать этот поток красноречия. — Для заключения такой сделки необходимо согласие двух человек. Я же своего не давала и не собираюсь этого делать.

— Тьфу, пропасть, мисс Джейн! Я, конечно, знал, что некоторые юные леди начинают жеманничать и кривляться, получив предложение, но думал, что вы не такая. Шарлотта Селси все равно меня не захочет — она нацелилась на титул (хотя лично я думаю, что имя Джиллендер хорошо для кого угодно; и весь свет знает, что сэр Адам взял имя Селси, когда стал баронетом, а до того был просто Джонсом, и что леди Селси старается держать его взаперти потому что он слишком непрезентабелен для публичного показа). Как бы то ни было, мисс Джейн, я простой и прямой человек, это вы, безусловно, видите, и не умею ходить вокруг да около. И я думал, что такая здравомыслящая девица, как вы, никогда не опустится до таких ничтожных глупостей. Давайте считать, что с мелкими дрызгами покончено, и поговорим серьезно. Что мешает нам как можно быстрее стать мужем и женой? Абсолютно ничего...

— В этом, сэр, вы глубоко заблуждаетесь, — перебила его Джейн. — Начать с того, что я вообще не собираюсь выходить замуж сейчас и у меня уж точно никогда не возникало мысли выйти замуж за вас. Вы окажете мне большую любезность, если оставите эту тему и

никогда больше не станете к ней возвращаться.

— Черт возьми, мисс Джейн, как вы можете давать от ворот поворот такому мужчине, как я? Послушайте, я уверен, что девушка с такой внешностью и умом не станет очень уж долго морочить мне голову. Вы не можете быть настолько жестокосердной.

— Могу, мистер Джиллендер! У меня нет ни малейшего желания выходить за вас замуж, и я очень прошу, выбросьте эту идею из головы, немедленно и навсегда. И вообще, с чего вы взяли, что мы мыслим одинаково? Насколько я успела заметить, наши вкусы совершенно несхожи.

Решив, что таким образом она дала решительный и окончательный отпор, Джейн поспешила к Рейчел и ее кузенам; но мистер Джиллендер устремился за ней, очевидно, несколько не обескураженный. Более того, он бодро пообещал, что «еще до конца дня переговорит со стариком».

Не делая больше попыток переубедить его, поскольку поняла, что мистер Джиллендер упрям, как мул, Джейн с радостью присоединилась к Рейчел и ее кузенам, которые остановились, чтобы понаблюдать за группой рыболовных судов, выходящих из бухты.

— Вы только посмотрите, как их бросает! — закричал Роберт. — Эти моряки — смелые парни, если выходят в море на таких утлых посудинах в такую штормовую погоду. Послушайте, вот было бы здорово нанять одно из судов и провести целый день на воде! Можно поплыть в Лайм или в Пул — как вы на это смотрите, леди? Не откажетесь от такого веселья?

Шарлотта отмахнулась от брата, сказав, что море слишком беспокойно, они утонут или простудятся.

— Ну я же не говорю, что это надо сделать сегодня! Возможно, на днях — завтра или в четверг; ветер скоро стихнет. Надо же чем-то заниматься в этой Богом забытой дыре! Ты как, Том?

Мистер Джиллендер с энтузиазмом согласился, и Шарлотта, вспомнив, что братья Диксон считаются отличными моряками, имея множество возможностей практиковаться в Корке, с его многочисленными заливами и эстуариями, проявила больше интереса к этому предложению.

— Но только через несколько дней, когда погода окончательно установится.

Рейчел и Джейн обменялись тревожными взглядами; они обе надеялись, что семейство Селси через день-другой покинет Уэймут. Но эти слова предполагали более длительный период их нахождения в городе. Ни Рейчел, ни Джейн, у которых были еще свежие воспоминания о долгом и изнурительном морском путешествии из Вест-Индии, не имели ни малейшего желания совершать прогулки по воде без острой на то необходимости. Но остальные в течение нескольких минут активно обсуждали предложение, и в конце концов Роберт обещал разыскать старого моряка, морского волка, которого он встретил вчера на пляже; этот моряк поможет найти подходящее судно, когда надо, и очень быстро.

В этот момент их догнала миссис Консетт, у которой оказалось полно новостей; она как раз встретила знакомую из библиотеки Харви, и та рассказала, что мистер Диксон-младший тяжело заболел, сильно простудившись во время вчерашних злоключений.

— Его бедная мать очень тревожится, но надеется, что скоро все пройдет.

— М-мы должны немедленно пойти к ним домой и узнать, как он, — решительно объявила взволнованная Рейчел. — Бедная миссис Диксон! Как она, наверное, жалеет, что согласилась принять участие во вчерашней поездке. Пойдем скорее, Джейн!

Джейн немедленно согласилась, и Шарлотта тоже увязалась за ними. Но у джентльменов оказались другие планы: Роберт вспомнил, что у него назначена встреча, он договорился осмотреть симпатичную маленькую двуколку, которую намеревался купить.

— Так ужасно, застрять здесь, не имея ничего, кроме наемных колясок. Нельзя же считать полноценным экипажем тарантас моей матери. А это — симпатичная маленькая шгучка, в которой есть все необходимое: багажный отсек, грязевые щитки, фонари, и хозяин просит только шестьдесят гиней, причем, я уверен, мне удастся сбить цену до пятидесяти. Пойдешь со мной, Том?

Мистер Джиллендер немедленно согласился, причем все мысли о предложении, сделанном им Джейн, вероятно, уже вылетели у него из головы. Джейн почувствовала облегчение и понадеялась, что больше он о своих планах никогда не вспомнит.

Леди пошли в сторону старого города. Но Шарлотта и миссис Консетт двигались очень медленно, останавливаясь на каждом углу, чтобы поговорить со знакомыми или рассмотреть новые модели одежды, выставленные в витринах. Рейчел, которая шла вместе с Джейн далеко впереди, с негодованием сказала подруге:

— Джейн, з-знаешь, почему Шарлотта в-вчера убедила Мэтта уйти с ней так д-далеко? Она хотела з-заставить его с-сделать ей предложение! Отвратительно! — Ее голос дрожал от гнева, в глазах стояли слезы.

Джейн тоже охватило какое-то странное чувство — причудливая смесь гнева и печали. Мэтт — такой хороший и умный, искренний и прямой человек, смелый и поэтичный, — как и самый обыкновенный мужчина, не устоял перед уловками маленькой интриганки. Жаль!

— Неужели он действительно сделал ей предложение? Что сказала Шарлотта? — Голос Джейн чуть дрогнул.

— Нет, слава Богу, нет! Шарлотта была очень зла — это было бы смешно, если бы не было так серьезно. Оказывается, не вовремя явился Фрэнк Черчилль — как раз тогда, когда она почти уже довела Мэтта до нужного состояния.

— Но, — уныло заметила Джейн, — ничто не мешает ей повторить попытку в будущем.

— Шарлотта, вне всяких сомнений, не откажется от в-возможности записать в свой актив шестнадцатое предложение руки и сердца. И сделает все в-возможное, чтобы это произошло как можно быстрее. Но что за странное с-создание — эта Шарлотта! Понимаешь, Джейн, я ей сказала: «Шарлотта, неужели ты п-получаешь удовольствие, заставляя мужчину делать тебе предложение, которое ты не намерена принять?» Знаешь, что она мне ответила? «Какая же ты п-простушка, моя м-милая. О чем еще м-можно говорить с м-мужчинами, если они не п-признаются тебе в любви? Все остальное в них так д-дьявольски скучно». Потом она подумала и добавила: «Но что касается этого случая, я п-подумываю о том, чтобы принять предложение Мэтта Диксона. В конце концов он когда-нибудь станет лордом К-Килфинаном. Леди К-Килфинан — звучит неплохо». Джейн, она в-всерьез собралась за него замуж! О, Джейн, ч-что я б-буду делать, если они п-поженятся?!

Боль в голосе Рейчел сжала сердце Джейн холодной безжалостной рукой. Она остановилась и посмотрела на подругу. Слезы, стоявшие в глазах Рейчел, медленно покатались по ее бледным щекам.

— Рейчел! Моя дорогая!

— Я люблю его, — сквозь слезы прошептала Рейчел. — Мне кажется, всегда любила. И всегда буду любить.

— Тогда, — с деланной веселостью, совершенно не соответствовавшей ее истинным

чувствам, сказала Джейн, — мы должны надеяться, что Мэтт достаточно умный человек для того, чтобы всерьез не увлечься Шарлоттой. Скорее всего он просто ненадолго ею ослеплен.

— Пусть так, — уныло проговорила Рейчел, — но если он сделает ей предложение, все еще пребывая в ослеплении, а она его примет, все будет кончено. Она ни за что не отпустит его по собственной воле, а Мэтт — слишком честный человек, чтобы нарушать данные обязательства.

Молчание Джейн означало, что она вполне допускает вероятность такого развития событий. Подруги долго стояли у воды, не слыша громких голосов сборщиц устриц и стука уключин, наблюдая за приближающимся паромом, и Джейн была вынуждена в глубине души признать, что впервые в жизни ее интересы вошли в конфликт с интересами Рейчел.

Ведь она тоже полюбила Мэтта Диксона, но поняла это только сегодня утром. Сначала она с гневом, которого сама от себя не ожидала, отвергла предложение нелепого мистера Джиллендера, потом ощутила боль, услышав о том, что Мэтт едва не сделал предложение Шарлотте, и особенно когда увидела, как сильно из-за этого страдает Рейчел. И все сразу стало ясно.

«Итак, — гневно сказала себе Джейн, — ты попала в переделку и должна выбираться, пока не поздно. Представляется отвратительно вероятным, что Мэтт все же падет жертвой чар Шарлотты; ну а если ему повезет их избежать — если каким-то чудом он избежит этой ловушки и обратит внимание на тебя, неужели у тебя хватит совести погубить все надежды Рейчел?»

Не было ни одного шанса на то, что откуда ни возьмись появится новый ухажер, который вытеснит Мэтта из сердца Рейчел, на это Джейн даже не надеялась. Рейчел была очень преданным человеком: полюбив однажды, она будет любить всю жизнь. Поэтому тайные надежды, которые Джейн возложила на развитие отношений между Рейчел и Фрэнком Черчиллем, в одночасье сгорели дотла. И Джейн не могла не признаться самой себе, что из Рейчел и Мэтта получится прекрасная пара. Если только...

Как раз в этот момент к пристани подошел паром, подбежали Шарлотта и миссис Консетт, и все четверо были перевезены на другую сторону бухты — на Тринити-роуд. Миссис Диксон приняла Рейчел и Джейн с большой сердечностью, но ее поведение по отношению к Шарлотте было лишено всякой теплоты; или материнский инстинкт подсказал ей, насколько эгоистична Шарлотта, или Мэтт сам поведал ей о происшедших накануне событиях. Ничего хорошего она сообщить гостям не смогла: врач приходил дважды — ночью и утром, это очень хороший доктор, он пользовал его величество, когда тот жил в Уэймуте; но доктору нечем было утешить несчастную мать. Сэм был беспокоен и охвачен лихорадкой, его пульс был слабым и частым; временами он начинал метаться и бредить, а потом впадал в тяжелое забытие. Нет, навестить его нельзя, с холодностью ответила миссис Диксон на вопрос Шарлотты, с ним неотлучно находится его брат, поэтому он не сможет спуститься вниз. Мэтт единственный в состоянии был удержать пациента на месте, когда тот начинал проявлять беспокойство.

— О, м-мэм, мне ужасно жаль, — чуть не плача, пробормотала Рейчел. — Ах, если бы мы не поехали на эту злосчастную экскурсию! Я уже тысячу раз пожалела, что согласилась.

— Не вините себя слишком строго, дорогая; большая часть вины лежит на мне, — с грустью вздохнула хозяйка дома. — Я ведь тоже была с вами и, как и вы, молодые, получала удовольствие от поездки. Будем надеяться, что мой дорогой мальчик справится с недугом.

— Мы можем чем-то помочь? Не принести ли чего-нибудь? — спросила Джейн.

Нет, все соседи были к ней очень добры, исключительно добры; сейчас у нее есть все необходимое. Но если что-нибудь понадобится, она обязательно даст знать. И в заключение она попросила передать ее наилучшие пожелания полковнику и миссис Кэмпбелл.

Они оба будут очень огорчены, услышав о состоянии бедного мистера Сэма, сказала миссис Консетт, и дамы собрались восвояси, потому что беспокойный взгляд миссис Диксон то и дело устремлялся в сторону лестницы — больше всего на свете ей хотелось быть рядом с сыном.

— Подумаешь! — капризно воскликнула Шарлотта, когда дамы снова вышли на набережную. — Братская любовь — это, конечно, хорошо, но Мэтт Диксон все равно должен был спуститься вниз, чтобы повидаться с нами. Уверена, Роберт так бы и поступил, если бы я лежала в постели.

С ней никто не спорил.

— Все это очень досадно, — продолжила Шарлотта, — ведь теперь Мэтт, повинувшись преувеличенным понятиям о семейном долге, будет считать себя обязанным находиться у постели больного, где для нас он совершенно бесполезен, и именно тогда, когда нам так нужна мужская компания для морской прогулки и для сотни других дел. Как же это неприятно! Меня всегда выводит из себя такой эгоизм.

Она продолжала изливать свою досаду, пока они пересекали бухту в обратном направлении, не обратив никакого внимания на возражение миссис Консетт, сказавшей, что такая братская любовь — истинное христианское чувство, и никто не может ожидать, что Мэтт Диксон станет развлекаться, когда его брат так серьезно болен. После этого она осведомилась, о какой морской прогулке идет речь и уверена ли Шарлотта, что леди Селси знает о ней и одобряет.

— Что за ерунда! — воскликнула Шарлотта. — С какой стати мама станет возражать? Мы всего лишь собираемся выйти в море на пару часов на одном из рыбацких судов. Никакой опасности! Вот мой брат Роберт и мистер Джиллендер скажут вам то же самое.

Два молодых джентльмена действительно снова появились в компании, хотя ждали они дам или просто прогуливались среди других бездельников по набережной, определить было невозможно.

Похоже, симпатичная маленькая двуколка оказалась сплошным разочарованием.

— Внешний вид иначе как жалким не назовешь — ни надежных металлических листов, ни деревянной обшивки, вся расшатанная, как корзинка сборщицы устриц, ездить на ней может разве что глубокий старик. И что хуже всего, мерзкий скряга не пожелал сбросить цену ни на пенни. Вы можете себе представить? Ни на одно единственное пенни, хотя я сказал ему, что его древняя колымага развалится, если ехать на ней со скоростью пять миль в час. Это и дураку понятно.

Поэтому молодые люди, которые собирались отправиться к Корф-Касл в новом экипаже, остались ни с чем и были рады присоединиться к дамам, предложив им прогуляться до колодца желаний. Фрэнк Черчилль, появившийся как раз в этот момент (он уже успел проводить тетю на горячие ванны и обратно домой), с энтузиазмом поддержал этот план. Он много слышал об этом колодце, и у него накопилось так много неотложных желаний, что ему не терпится проверить, работает ли на самом деле этот колодец. Бедную миссис Консетт намного меньше радовала перспектива двухмильной прогулки, но, к счастью для нее, подъехала миссис Селси, совершавшая прогулку в коляске, запряженной осликами. Она согласилась присоединиться к молодым людям и предложила миссис

Консетт место в коляске, чем заслужила ее большую признательность. Молодые люди шли рядом.

Мистер Джиллендер снова воспользовался случаем занять место рядом с Джейн, которая, чтобы отвлечь его внимание от предложения руки и сердца, стала рассказывать о плачевном состоянии бедного Сэма Диксона.

Он, похоже, вовсе не был тронут ее историей, но все же торжественно покачал головой и изрек, что Сэм Диксон — несчастный болезненный малый, и теперешняя болезнь уж точно положит конец его земному существованию.

— Что вы говорите?! — воскликнула Джейн, в ужасе от такой черствости. — Надеюсь, что все будет хорошо!

— А вот его старший брат мне не нравится. В Кембридже считают, что у него блестящий ум, но я никакого блеска не заметил. Его никогда не видно на петушиных боях или любом другом по-настоящему мужском соревновании. Правда, говорят, он много проиграл на скачках — я слышал, он совсем погряз в долгах...

— Что? — воскликнула Джейн, не в силах поверить своим ушам.

— Да, определенно. Кажется, он все еще должен Бобу Селси несколько сотен. А это не по-джентльменски, вы же понимаете; джентльмен должен платить свои долги, даже если для этого придется влезать в новые.

Джейн, чтобы избежать дальнейшего продолжения этого неприятного разговора, отошла от мистера Джиллендера. Рейчел шла с Шарлоттой и Фрэнком Черчиллем и, судя по ее внешнему виду, была всем довольна. Желая держать мистера Джиллендера на расстоянии, Джейн заняла место рядом с двумя дамами в коляске, где она могла прислушиваться к их бессвязному разговору или нет — по желанию; они обращали на нее не больше внимания, чем на парящую над морем чайку.

А ей было о чем подумать. Ее терзала тревога о Сэме Диксоне и о Рейчел, а теперь еще и о Мэтте.

Несколько раз Джейн разговаривала с миссис Диксон и понимала вполне обоснованные опасения этой леди относительно хрупкого здоровья ее младшего сына; теперешний кризис определенно станет для него суровым испытанием. А тут еще Рейчел. Какое-то время Джейн казалось, что дружба между Сэмом и Рейчел, их братские, сестринские отношения могут перерасти в нечто большее и прочное. Но услышав признание Рейчел о Мэтте, она поняла, что должна распрощаться с этой надеждой.

Джейн не могла не думать и о собственных рухнувших мечтах. Еще ребенком, да и подростком тоже, она лелеяла романтические несбыточные надежды о том, что мистер Найтли поведет ее к алтарю. Она отлично знала, что это невозможно, поскольку имела трезвый рациональный ум, и все же фантазии жили сами по себе. Она иногда представляла себе, как мистер Найтли спасает ее из некоего затруднительного положения: находит ее на Донуэлл-Коммон с растяжением лодыжки, защищает от враждебных цыган, выдергивает из-под копыт несущейся лошади, а потом рассказывает о своей тайной, но непреодолимой страсти — коротко, искренне, от всего сердца...

Она сама нередко смеялась над собственными глупыми мыслями, но продолжала придумывать все новые истории. В конце концов, став взрослой и умной, она почти избавилась от этой привычки. Но этот успех был достигнут лишь потому, что в последнее время она стала считать, что ею интересуется Мэтт Диксон, что ему отнюдь не безразличны ее внешность, привычки, образ мыслей и достижения. Он беседовал с ней так свободно и

живо, с легкостью и дружелюбием, его теплый ирландский акцент был таким приятным, а их умы, казалось, парили рядом, как птицы в полете. Они пели и играли вместе, их музыкальные вкусы были похожими! Нет, Мэтт был исключительным созданием! Она вспомнила нелепое предложение мистера Джиллендера, сказавшего, что она самое потрясающее создание в Дорсете, да черт с ним, с Дорсетом, — во всем мире. Их можно было отнести и к Мэтту Диксону. Новость о его долгах, безусловно, была шокирующей, но их можно было объяснить юношеской порывистостью, максимализмом; скоро Мэтт остепенится... Узнав Мэтта, как можно заинтересоваться другим мужчиной, который заведомо не может быть таким же дружелюбным и благожелательным? Интересы других мужчин так тривиальны, их идеи мелки. И снова мысли Джейн обратились к мистеру Джиллендеру: интересно, что могло подвигнуть его на такое объяснение? Все происходило утром, так что он не мог быть пьяным, но тогда что подтолкнуло его к этому? Леди Селси и ее дети не скрывали своего пренебрежительного отношения к подруге Рейчел, для них она была лишь немногим выше, чем обычная служанка. И до сих пор мистер Джиллендер следовал их примеру. Что же заставило его изменить свое отношение к ней?

В этот момент Джейн поймала хмурый взгляд леди Селси и заметила неприязненный жест.

— Мисс Фэрфакс, ради Бога, отойдите немного в сторону! Вы нервируете осликов. Лучше пойдите и скажите моей дочери, если вам не трудно, конечно, чтобы она раскрыла зонтик, иначе вся покроется веснушками; да и Рейчел стоило бы сделать то же самое, хотя ее, судя по всему, веснушки не беспокоят. — Последние слова леди Селси обратила к миссис Консетт, которая, согласившись с ней, кивнула.

Джейн, которую таким образом совершенно недвусмысленно отослали, ускорила шаг и передала Шарлотте слова ее матери. Недовольная не столько посланием, сколько посланницей, Шарлотта все же раскрыла зонтик.

К группе молодых людей присоединились еще два юноши, друзья Роберта Селси; произошла перестановка, и Джейн оказалась рядом с Фрэнком Черчиллем, что ее полностью устраивало. Дело в том, что, хотя между ними не было особой дружбы, юноша всегда был весел, обладал хорошими манерами, и его общество не могло не доставить удовольствия, если, конечно, не чувствуешь себя совсем уж плохо. В общем, его общество вовсе не было Джейн в тягость, скорее наоборот.

Она вежливо поинтересовалась, не получал ли он в последнее время писем от своего отца, мистера Уэстона, и есть ли новости из Хайбери.

Его лицо сразу осветила довольная улыбка.

— Да, мисс Фэрфакс! Только сегодня утром я получил известия, имеющие для меня большой интерес, а поскольку они относятся также и к Хайбери, думаю, скоро вы узнаете их от своих родственников; но я имею удовольствие сообщить их первым.

Джейн не могла не заинтересоваться.

— Все, что касается Хайбери, для меня очень близко и важно, вы это знаете, мистер Черчилль. Прошу вас, скажите скорее, что случилось?

— Мой отец женится! Вы, должно быть, знаете, мисс Фэрфакс, что год или два назад он купил поместье Рэндалла, расположенное сразу за деревней, построил там дом и обзавелся некоторой собственностью; сделав это, он, не теряя времени, нашел для этого поместья хозяйку; как вы думаете, кого он выбрал?

Джейн быстро перебрала в уме подходящих представительниц женского населения

Хайбери: мисс Кокс, мисс Отуэй — мисс Кэрролайн Отуэй, мисс Бикертон — ей пришла в голову еще одна странная идея, но она отмахнулась от нее.

— Ей-богу, мистер Черчилль, ваша загадка для меня слишком сложна. Я не могу представить, о ком идет речь, и только прошу, не томите, расскажите мне все.

— Это мисс Тейлор! — с триумфом воскликнул он. — Вы знакомы с мисс Тейлор?

— Мисс Тейлор? Боже правый! Вы имеете в виду, — проговорила Джейн, сомневаясь в собственных словах, — что это мисс Тейлор, которая много лет была гувернанткой и компаньонкой мисс Эммы Вудхаус?

— Да, мне сказали, что речь идет именно об этой леди. Я, конечно, не имел удовольствия встречаться с ней лично, потому что, к моему превеликому сожалению и стыду, никогда не был в Хайбери. Но отец написал мне, что мисс Тейлор само совершенство — добрая, умная, образованная, с чувством юмора, терпением Гризельды^[4] и, что самое главное, искренне преданная моему отцу, который, я должен сказать, достоин всего этого, потому что он самый добрый и благожелательный человек из всех живущих. Ну, что вы скажете, разве это не прекрасная новость?

— Вы правы, — тепло улыбнулась Джейн, — я очень рада за мистера Уэстона и искренне желаю ему всего самого хорошего. Если и есть человек, достойный такого подарка, это именно ваш отец. И я могу подтвердить все хорошее, сказанное о мисс Тейлор, — ведь я знала ее с тех пор, как мне исполнилось шесть лет. Но, боюсь, эта новость будет воспринята с куда меньшей радостью в семействе Вудхаус; подозреваю, что старому мистеру Вудхаусу и его дочери Эмме будет не хватать компании мисс Тейлор.

— Возможно, — с легким безразличием сказал Фрэнк, — но ведь гувернанткам свойственно временами переселяться из одной семьи в другую, разве нет?

Джейн согласилась, ощутив слабый холодок в сердце.

— А в данном случае, — продолжил Фрэнк, — они не лишатся ее насовсем. Она останется соседкой и добрым другом Вудхаусов. Да, к тому же им должно быть приятно, что она не просто перешла на работу в другую семью, а приобрела собственный дом, очень хороший дом, и любящего мужа. Вудхаусы были бы бессердечными людьми, если бы воспрепятствовали такому будущему. Но я не знаком с этим семейством и не могу знать, как они отнесутся к предстоящему событию.

Джейн заверила его, что мистер Вудхаус — великодушный старый джентльмен, а мисс Вудхаус всегда ведет себя с достоинством, на это можно рассчитывать.

— Сколько ей лет?

— Она моего возраста. Значит, ей скоро исполнится двадцать один год.

— Прекрасно. Значит, ей больше не нужна гувернантка. Скажу вам больше, мисс Фэрфакс, эта новость стала для меня решающей. По неизвестным причинам мне всегда было очень трудно получить разрешение опекунов на визит в Хайбери; всегда выдвигались те или иные возражения. И в результате получилось так, что я никогда в жизни не был в Хайбери, но теперь настала пора нарушить запрет. Вы со мной согласны? Мне уже давно пора побывать там, и предсвадебный визит — отличный повод. Вряд ли мои опекуны смогут что-то возразить.

Джейн очень тепло ответила, что не видит причин, по которым Черчилли могут запретить столь естественный визит. Но почему не поехать на свадьбу?

Однако на это Фрэнк с большим сомнением покачал головой:

— Моя тетя, мисс Фэрфакс, очень гордая. Мне же эта черта несвойственна. Почему?

Это для меня загадка. Я унаследовал от отца республиканские черты и отсутствие настоящей аристократической гордости, что нередко не нравилось моим друзьям. Мне все равно, с кем разговаривать — с загонщиком скота или с герцогом. Но когда моя мать вышла замуж за моего отца, Черчилли решили, что это ужасный мезальянс, и отвергли ее. Возникший тогда разрыв так никогда и не был ликвидирован. Боюсь, когда они услышат о повторной женитьбе отца и что он женился на мисс Тейлор, гувернантке, он упадет в их глазах еще ниже.

Джейн могла только пожалеть Фрэнка, который вырос в столь сложных и неблагоприятных условиях.

— Странно, — продолжил он, — но, насколько я понял, мисс Тейлор очень дальняя родственница мужа леди Селси сэра Адама, которого до его возведения в дворянский титул звали просто Джонс. — Джейн покачала головой, тем самым давая понять, что не знала этого. — Но, полагаю, это не сделает ее более привлекательной для моей тети.

Джейн не знала, что сказать, и некоторое время они молчали — однако молчание было не напряженным, а уютным, дружеским. Дорога шла по песчаной насыпи, и впереди между деревьями уже показалась деревушка Апуэлл.

Мистер Черчилль оглянулся, очевидно, желая убедиться, что его никто не услышит, а так оно и было, потому что они находились в нескольких сотнях ярдов от своих спутников, и сказал:

— Мисс Фэрфакс, меня немного тревожит одно дело, касающееся вашей подруги мисс Кэмпбелл. Вы позволите, я вам расскажу? Полагаю, ваш здравый ум поможет решить, следует ли предпринимать какие-то действия, и если да, то какие.

— Конечно, — удивленно ответила Джейн, — прошу вас, доверьтесь мне, мистер Черчилль. Все, что касается мисс Кэмпбелл, для меня чрезвычайно важно, хотя я даже предположить не могу, в чем проблема.

— Проблема в слухах, которые ходят в кругу таких пустых людей, как Джиллендер, Уисбич и Фром. Об этом говорят в кофейнях и на набережной... Да, вы имеете все основания выглядеть потрясенной, но, успокойтесь, разговоры вызвало вовсе не сомнительное поведение вашей подруги, а слух, возникший непонятно откуда. В общем, говорят, что миссис Фицрой обладает сказочной коллекцией бриллиантов, которые она должна, согласно акту о порядке наследования, передать той внучке, которая первой выйдет замуж.

— Боже! — вскричала Джейн. — Какая нелепость! Миссис Фицрой (как вы, безусловно, знаете) меня не жалует и потому никогда не вела со мной бесед о своей собственности, но в семье все знают, что она стеснена в средствах и поэтому была вынуждена переехать к полковнику Кэмпбеллу. Мне представляется чрезвычайно сомнительным, что у нее есть бриллианты. Может, и есть какие-то драгоценности, но не больше чем на несколько сотен фунтов; то, что она носит, безусловно, элегантно, но не имеет особой ценности. Интересно, кто пустил такой слух?

— Относительно его источника можно сомневаться, но в том, что он широко распространился, никаких сомнений нет. Я слышал об этом в клубах и игорных домах, словом, в самых разных местах. Боюсь, некоторые джентльмены даже заключают пари на шансы внучек, мисс Кэмпбелл и ее кузины. Считалось, что мисс Кэмпбелл может выйти замуж за мистера Диксона. Но теперь мисс Селси...

— Господи, что за ситуация! — в сердцах проговорила Джейн.

К ним уже приближалась другая группа молодых людей, и разговор прервался. Джейн смогла лишь поспешно спросить:

— Вы думаете, мисс Селси слышала об этом? Возможно, от своего брата?

В ответ Фрэнк Черчилль выразительно кивнул.

Колодец желаний в Апуэлле представлял собой источник чистой воды, которая хлестала наподобие фонтана из отверстия в поросшей папоротником скале и падала с высоты в три или четыре фута в резервуар, песчаное дно которого было щедро усыпано приношениями — от пуговиц, заколок и бантов до медных колец и монет. Местный приходской священник время от времени клеймил в проповедях идолопоклонничество и язычество, но это никак не влияло на веру людей в то, что эта вода эффективна от любого зла и имеет силу исполнять желания. Колодец располагался неподалеку от Уэймута, и сюда было приятно прогуляться, совершая, к примеру, послеобеденный моцион; редко бывали дни, когда сюда не приходили люди, желавшие испытать магическую силу местной воды.

Сегодня у колодца собралась группа моряков с девушками, слышался визг, всплески, смех и шумная возня. Когда же веселой компании надоело это место и она удалилась в сторону деревенской пивной, подошли Джейн, Рейчел и их спутники.

— Идите же сюда, мисс Селси, — позвал лорд Осберт Уинчем, один из друзей Роберта, присоединившийся к группе. — Насколько я понял, необходимо выпить воду из сложенных горстью ладоней, и не зачерпнуть ее из резервуара, а поймать, когда она падает сверху. Поднести вас ближе? Ваши туфельки слишком изящны, боюсь, вы поскользнетесь на мокрых камнях. — Рядом с резервуаром было поставлено три больших плоских камня, на которые наступали желающие набрать воды, но из-за недавних дождей они едва были видны над водой...

Шарлотта кокетливо вскрикнула:

— О, лорд Осберт, я вам не доверяю! Вы меня уроните. Но что же делать? Как подойти ближе?

Фрэнк Черчилль подошел к резервуару, сложил ладони горстью, наполнил водой и протянул руки Шарлотте.

— Вот, мисс Селси. Можете окунуть в воду пальчики или губки — как пожелаете.

Шарлотта с благодарностью улыбнулась, но так долго возилась, закрывая зонтик и доставая из ридикюля платочек, что вода утекла между пальцами Фрэнка раньше, чем она была готова.

— Ну вот... что же теперь?

Рейчел устремила изумленный взгляд на Джейн, а лорд Осберт в это время подхватил на руки мисс Селси и поднес ее к краю резервуара так, чтобы она могла сама набрать в ладонь немного воды.

— Загадывайте желание, мисс Селси.

— О, спасибо вам! Но чего же мне пожелать? — Она с очаровательным почтением подняла глаза на джентльмена, который как раз в это время поставил ее на ноги.

— Это должно остаться тайной, иначе желание не сбудется, — сказал лорд Осберт, высокий молодой человек с внешностью истинного патриция, иными словами, к тридцати годам он уже лишился изрядной части волос и приобрел второй подбородок. Но эти недостатки компенсировались красивым прямым носом и уверенным видом, вряд ли оправданным, считала Джейн, интеллектуальными успехами этого джентльмена.

Шарлотта зажмурилась и улыбнулась.

Тем временем друг лорда Осберта мистер Карлайл помог Рейчел пройти по скользким

камням, при этом сам провалился в воду по колени; она выпила немного воды, улыбнулась, закашлялась и с его помощью снова вернулась на твердую землю.

— А теперь вы, мисс Фэрфакс! — воскликнул мистер Джиллендер, протискиваясь к ней. — Прошу, позвольте мне перенести вас! Мне очень хочется быть вам полезным.

— В этом нет ни малейшей необходимости, благодарю вас, — сказала Джейн, легко перебежала по камням и вернулась обратно раньше, чем он успел вмешаться. Глотнув холодной родниковой воды из ладони, она закрыла глаза и подумала: «Рейчел. Мое желание для Рейчел. Не дай мне Бог оказаться на пути ее счастья».

— Мисс Фэрфакс, — раздался возмущенный голос миссис Консетт; обе дамы в коляске прибыли в самый разгар церемонии загадывания желаний, — посмотрите, вы намочили нижнюю юбку!

Мистер Джиллендер встrepенулся и предложил сбегать в гостиницу, чтобы принести плащ или одеяло, а может быть, и то и другое. Очень уж ему хотелось оказаться полезным.

Джейн спокойно заверила его, что ничего не требуется, погода теплая и ветреная, поэтому юбка быстро высохнет на ходу. Она видела, с каким явным неодобрением сидящие в коляске дамы наблюдают за ее беседой с мистером Джиллендером, и потому отошла от него и остановилась рядом с Рейчел, ожидавшей в нескольких шагах от группы.

— Ты загадала желание?

Добрая улыбка Рейчел уже сама по себе была ответом.

— Лучшее в мире. Для друга.

— Я тоже.

— Думаю, мое желание уже начало исполняться, — сказала Рейчел, покосившись на Шарлотту, которая в этот момент милостиво позволила лорду Осберту вытереть ее мокрые пальчики своим носовым платком. — Думаю, хвала небесам, звезда Мэтта уже клонится к закату.

— Ее закату здорово способствует годовой доход в тридцать тысяч.

— Кажется, ты злорадуешь, Джейн.

— Вовсе нет. Я просто реально смотрю на жизнь.

Джейн думала, что как бы мисс Селси ни была заморожена чарами Мэтта Диксона, она должна понимать, что не может окончательно привязать его к себе, пока он безотлучно сидит у постели больного брата. Если она поверила в абсурдные слухи о драгоценностях или просто хотела быть победителем в матримониальном состязании, скорость являлась более важным фактором, чем удовлетворение от того, что увела жениха у подруги, и лорд Осберт являлся более надежным кандидатом.

На обратном пути Фрэнк Черчилль снова оказался рядом с Джейн.

Она обрадовалась: во-первых, его присутствие держало на расстоянии мистера Джиллендера, во-вторых, у нее было время подумать над его словами.

— Мистер Черчилль, я много думала о том, что вы сказали.

— О драгоценностях? — спросил он.

— Да. И хотя я почти убеждена, что в этой истории нет ни слова правды и слух пустил какой-то изнывающий от безделья интриган, все же я думаю, будет лучше не сообщать об этом моей доброй подруге. — Он кивнул и посмотрел на Джейн с пониманием. — Она только смутится и расстроится. Получилось так, что она и без того не испытывает уверенности в себе, а если вдруг узнает, что на нее заключаются пари... Мне даже думать не хочется, что с ней будет. И зачем все это? Даже если бы эта история была правдой, Рейчел

все равно не проявила бы заинтересованности к такому наследству. Я часто слышала от нее, что ее несколько не привлекают украшения и одежда ее бабушки. Пусть уж лучше она живет спокойно.

— Я рад, что вы так решили, — сказал Фрэнк Черчилль, — и согласен с вами. Вы хороший друг, мисс Фэрфакс.

— Надеюсь, я стараюсь им быть, — сказала Джейн, вспомнив о желании, загаданном у колодца. — Но я думаю, что об этом следует рассказать полковнику Кэмпбеллу. Пожалуй, я так и сделаю. Он должен знать. И он скажет, какие шаги можно предпринять.

— А вы уверены, что это никак не скажется на мисс Кэмпбелл? Вдруг он решит, что в этом есть ее вина, и будет ругать ее? Мне кажется, он не слишком ясно мыслит, когда речь заходит о его дочери.

— Нет, — согласилась Джейн, проникнувшись еще более теплыми чувствами к Фрэнку за его наблюдательность и деликатность. — Но он временами прислушивается ко мне. Надеюсь, я сумею заставить его внять голосу рассудка.

Джейн не успела попросить полковника о встрече — в тот вечер он сам послал за ней; она обнаружила его сидящим в маленькой комнатке, которую он освободил и сделал своим кабинетом.

— Мисс Фэрфакс, Джейн, я должен кое-что сказать тебе... — Полковник выглядел одновременно раздраженным и позабавленным. — Я надеюсь, что мои слова не смутят тебя, дитя мое, и не расстроят.

— То, что вы хотите сказать, имеет отношение к мистеру Джиллендеру, сэр?

Он кивнул.

— Я подумала, — ответила Джейн, — что дала ему достаточно решительный отпор и он не станет беспокоить вас. Но вероятно, он не слишком разумный молодой человек. Мне очень жаль. Приношу свои извинения, сэр.

— Он больше тебя не потревожит, детка. Но мне очень жаль, что все так сложилось, Джейн. — Она видела, что полковник действительно расстроен. — Причина того, что к тебе пристал этот индивид, в первую очередь заключается в том, что по городу прошел слух о том, что я намерен выделить тебе приданое такое же, как Рейчел. Якобы у меня есть еще двенадцать тысяч фунтов, которые я дам тебе в случае замужества. Поверь, детка, я бы всем сердцем хотел, чтобы так оно и было. Но никто не сожалеет больше, чем я сам, о том, что таких денег у меня нет. И тебе это известно. Но когда об этом услышал мистер Джиллендер... Ох, это было просто смешно. Он понял, что поставил себя в глупейшее положение, и, вероятно, уже покинул Уэймут, чтобы ненароком не столкнуться с тобой или с друзьями, перед которыми уже похвастался своей победой.

— Понимаю, — сказала Джейн. Она не могла не чувствовать себя уязвленной и униженной, хотя и сама предполагала, что за навязчивым вниманием мистера Джиллендера кроется нечто подобное.

— Не позволяй этой чепухе беспокоить тебя, дорогая, — приветливо сказал полковник. — Не сомневаюсь, что у тебя будут другие поклонники, более достойные, и если тебе сделает предложение тот, кто оценит тебя по достоинству, надеюсь, у тебя хватит здравомыслия принять его.

— Конечно, сэр. Я хотела сказать, если я полюблю его. — Полковник нахмурился, а Джейн продолжила: — И если Рейчел тоже счастливо устроит свою жизнь. Я не стану обузой для вас. Я уже предлагала поискать место...

— Нет, нет и еще раз нет, пока еще не время, — быстро ответил полковник. — Пусть Рейчел сначала найдет жениха... когда это еще будет...

— Но, сэр, вы должны знать кое-что еще. — И она рассказала ему слух о богатом наследстве миссис Фицрой.

Как она и предполагала, полковник был возмущен и расстроен.

— Это так похоже на мою тещу — пустить такой слух, и главное, в нем ни слова правды! — сказал он. — Интересно, слух о приданом тоже исходит от нее?

— К счастью, сама Рейчел ничего не знает; и, я думаю, лучше ей и дальше оставаться в неведении; это разрушит ее уверенность, которую она только начала приобретать, — сказала Джейн, используя всю свою силу убеждения. Она видела, что первым побуждением полковника было призвать всех женщин к себе и устроить им грандиозный разнос.

— Очень хорошо, нет, то есть ничего хорошего в этом нет, я хотел сказать, что ты права, — мрачно сообщил он. — Возможно, нам следует покинуть Уэймут...

— О, сэр, но здесь Рейчел так хорошо, и потом мы вряд ли можем покинуть миссис Диксон именно сейчас, когда бедному мистеру Сэму так плохо.

— Ах, эта коварная Шарлотта, — пробормотал полковник, — все неприятности от нее. И я слышал от капитана Кертиса историю о том, что Шарлотта и ее брат якобы замешаны в контрабанде французских кружев.

А почему бы и нет, подумала Джейн. В этом нет ничего невероятного. Но если Шарлотте удастся поймать в свои сети лорда Осберта, возможно, у нее больше не будет необходимости в контрабандных кружевах?

Полковник Кэмпбелл продолжал высказывать недовольство:

— А что это за планы, о которых я слышал от Роберта? Об аренде судна и прогулке по морю в Лайм? Мне это не нравится.

С этим Джейн не могла не согласиться. Она заверила полковника, что ни она, ни Рейчел не заинтересовались этой поездкой и вовсе не собираются в ней участвовать. Полковник, не столкнувшись с сопротивлением, похоже, слегка растерялся и неожиданно решил, что, возможно, ничего плохого в этом нет, конечно, если с молодыми людьми на борту будут умудренные опытом старшие.

— Миссис Консетт сильно страдает от морской болезни, а миссис Диксон, естественно, не оставит больного сына. Миссис Селси и слышать не хочет о морских прогулках, так что только если вы или миссис Кэмпбелл...

— Посмотрим... посмотрим...

В течение следующей недели никакие развлекательные мероприятия друзьями Диксонов даже не рассматривались; Сэм находился в тяжелом состоянии, и никто из тех, кому он был дорог, не желал принимать участия в подобных затеях. Но наконец появилось сообщение о том, что он в безопасности, и если некоторые симптомы, оставшиеся после прекращения лихорадки, вселяли в доктора глубокие опасения относительно исхода, он не считал необходимым немедленно сообщить о них матери и брату.

— Он может сидеть; он съел немного жидкой овсяной каши, — со слезами на глазах рассказывала миссис Диксон Рейчел. — Я счастливейшая женщина в Дорсете! Конечно, Мэтт должен отправиться с вами на морскую прогулку — она, безусловно, пойдет ему на пользу. Он был такой чудесной, такой терпеливой сиделкой для брата. Ни одна женщина не могла проявить больше любви и терпения. Он заслуживает небольшого отдыха и веселой

компании. Кто, если не он? Но, Рейчел, моя дорогая девочка, я хочу попросить тебя об одолжении. — Рейчел, Джейн и миссис Кэмпбелл приехали на Тринити-роуд, и миссис Диксон ненадолго покинула комнату больного, чтобы принять их. — Сэм все время думал о тебе, постоянно говорил о тебе во время болезни. Твое имя постоянно было у него на устах. Не согласишься ли ты сделать ему — и мне — величайшее одолжение и подняться к нему на несколько минут? Он будет очень этому рад. Доктор сказал, что опасности заражения нет никакой.

— Конечно, мэм! Я буду счастлива! Дорогой Сэм! Не верю, что он думал обо мне больше, чем мы все думали о нем, беспокоились, желали скорейшего выздоровления.

Она удалилась вместе с миссис Диксон, довольно долго отсутствовала и вернулась с глазами, полными слез.

— О, Джейн! О, мама! — расплакалась она, когда они отошли от дома Диксонов. — Он такой худой — почти прозрачный! И совершенно ужасно бледный! О, когда я думаю о Шарлотте, я желаю ей как можно скорее оказаться на морском дне.

Миссис Кэмпбелл вздохнула, но не стала говорить, что бездумное поведение и эгоизм Шарлотты почти наверняка лишь ускорили процессы, которые и без ее вмешательства рано или поздно произошли бы.

— Моя дорогая, ты должна находить утешение в том, что твой визит, безусловно, доставил Сэму удовольствие. Миссис Диксон сказала мне, что у него даже румянец появился. Думаю, тебе стоит зайти к нему опять, раз это так благотворно на него действует.

— Конечно! Я буду ходить к нему каждый день, если только его мама позволит.

Но полковник Кэмпбелл не очень благосклонно отнесся к перспективе таких визитов.

— Какой в них смысл? — спросил он, оставшись наедине с женой. — Врач сказал Кертису, что бедный малый медленно, но верно угасает. Представляешь, каким страшным ударом для Рейчел станет его уход.

— Джеймс, ты не можешь быть настолько бессердечным! Рейчел с детства любит этих мальчиков.

Леди Селси высказала неодобрение поведением Рейчел в беседе с матерью.

— Надо же! Сидеть у постели больного молодого человека! Вот уж странное желание. Слава Богу, что у моей дорогой Шарлотты не возникает мысли совершать такие неподобающие леди поступки.

На что миссис Фицрой ответила:

— Твоей Шарлотте, моя дорогая Софи, лучше проявлять больше осмотрительности, если она хочет заарканить Уинчема. Эти Уинчемы и Помфреты слишком уж чопорны, нетерпимы в вопросах морали; если появится слух о... перевозке грузов или о страсти Роберта к игре, этого малого как ветром сдует, помани мое слово.

— Ерунда, мама! Он, считай, у нее в кармане; вчера весь день он прогуливался с ней и три раза приглашал танцевать в зале приемов.

— Надеюсь, она не приняла приглашения? — Это было сказано с блеском в глазах.

— Боже мой, конечно, нет! Шарлотта знает правила игры, — спокойно ответила леди Селси.

Полковник Кэмпбелл в конце концов дал согласие на водную прогулку и даже объявил о своем намерении лично в ней участвовать, «чтобы молодые люди вели себя разумно и не совершали никаких глупостей». Как бы племянник полковника и его друзья ни относились к

этому, они выказали должное послушание и втайне были польщены, потому что именно его опыт обеспечил успех предприятия и без него они вообще вряд ли сумели бы справиться.

Мэтт, все еще не желавший покинуть брата, был буквально выставлен матерью, которая заявила, что он обязан отвлечься, насладиться морем, солнцем и веселой компанией.

— Я отлично справлюсь с миссис Кэмпбелл и соседями — не знаю, сколько из них придут навестить меня. Девочки будут очень рады, если ты пойдешь на прогулку, да и мистер Роберт Селси уже несколько дней подряд осаждает дом — спрашивает тебя.

При последних словах Мэтт скривился, но все же поддался уговорам и отправился на прогулку, взяв с матери слово: если что-то случится и ей понадобится его присутствие, она пошлет верхового гонца в Лайм. Из-за многочисленных случайностей, связанных с ветром и течением, всегда существовала вероятность, что путешествие по суше будет быстрее, чем по морю.

Рейчел, ни разу не проявившая интереса к морской прогулке, в конце концов решительно заявила, что не станет принимать в ней участие: у нее предчувствие, что вот-вот пойдет кровь из носа, ей нездоровится, поэтому она предпочитает остаться дома и немного посидеть с Сэмом. Никакие доводы не смогли заставить ее изменить решение.

Джейн сразу же объявила, что тоже никуда не поедет и останется с Рейчел; ей никогда не хотелось участвовать в морской прогулке, и она могла согласиться на нее только ради Рейчел, а без нее ей там совершенно нечего делать.

— Нет, дорогая Дженни, прошу тебя, не отказывайся, сделай это ради меня! — воскликнула Рейчел. — Мэтт и Фрэнк будут очень разочарованы, если тебя не будет, и папа тоже. Мне кажется, он очень ждет этой прогулки и будет недоволен, если пропустит ее.

Поэтому с большой неохотой Джейн поддалась уговорам.

Прогулка оправдала ее худшие ожидания, и она втайне радовалась за Рейчел, оставшуюся дома.

— Это был самый отвратительный день за последние годы, — сказала она, смеясь и морщась, когда снова оказалась в комнате, которую делила с Рейчел. — Солнце было ужасно жарким, а на суденышке имелся только крошечный тенистый участок, где, конечно, расположились Шарлотта со своим зонтиком и леди Десима Уинчем.

— Какая она, эта леди Десима?

— Глупа как пробка. Двух слов связать не может. Впрочем, со мной она так ни разу и не заговорила — не снизошла. Все утро ветра не было вообще, так что судно болталось у берега часа четыре, не меньше; а ведь оно такое маленькое! На Фессалии, когда мы возвращались из Вест-Индии, у нас по крайней мере была своя каюта, да и на палубе было где посидеть. А на этой посудине палубы не было вообще; там не было ничего, кроме канатов и больших бочек, от которых воняло рыбой. Шарлотта испачкала юбку в смоле и устроила ужасный шум, а когда мы в конце концов добрались до Лайма, было уже слишком поздно, чтобы сходить на берег, и по настоянию полковника сразу повернули обратно. Разумеется, твои кузены были в высшей степени недовольны этим обстоятельством, и на обратном пути все были не в духе, кроме Мэтта и Фрэнка Черчилля, которые вели себя безупречно. Так что мы втроем пели и развлекались, а Шарлотта и ее компания злились и жаловались.

— А что там случилось? Папа рассказал, что Мэтт спас тебе жизнь? — с тревожным интересом спросила Рейчел.

Джейн засмеялась и слегка покраснела.

— Ничего страшного! Твой отец все слегка преувеличил. На обратном пути — к тому

времени уже поднялся ветер и судно двигалось довольно быстро — Шарлотта неожиданно закричала, что вода заливается через вентиляционное отверстие и портит ей платье, поэтому она потребовала, чтобы я подвинулась и освободила ей больше места. Я встала, а в это время судно резко накренилось, и я чуть не выпала за борт...

— Ах, как жаль, что меня там не было! — вскричала Рейчел. — Хотя я, наверное, умерла бы от страха, увидев, что ты едва не оказалась за бортом.

— Ерунда. Ты бы, несомненно, сделала то же самое, что Мэтт, а он бросился вперед и схватил меня за рукав моего старого голубого платья, который, спасибо дорогой тете Хетти, пришит так крепко, что не оторвется, должно быть, до Судного дня. Так что не было никакого романтического спасения, и леди Десима в этот самый момент, должно быть, докладывает своей матери герцогине о возмутительнейшем факте — отсутствии кружев на моих нижних юбках.

Но Рейчел не могла относиться к происшествию с такой легкостью.

— Слава Богу, что Мэтт был там, — сказала она и порывисто сжала руку Джейн.

— О, если бы его там не было, думаю, Фрэнк Черчилль оказал бы мне ту же услугу, — сказала Джейн с едва заметной неловкостью.

После чая к Кэмпбеллам пришли Фрэнк Черчилль и Мэтт Диксон, чтобы справиться о недомогании Рейчел и убедиться, что с Джейн после неприятного происшествия все в порядке. Обе юные леди заявили, что чувствуют себя нормально и даже пребывают в хорошем настроении, поэтому с удовольствием согласились прогуляться по берегу — вечер, наступивший после столь жаркого дня, был удивительно приятным. Полковники миссис Кэмпбелл изъявили желание сопровождать молодых людей, и вся группа медленно пошла по эспланаде, иногда останавливаясь, чтобы переброситься несколькими словами со знакомыми.

Через полчаса Джейн обнаружила, что оказалась — специально или случайно, она не могла решить — вместе с Мэттом Диксоном на некотором расстоянии от других членов группы.

— Мисс Фэрфакс — Джейн! Правда ли, что сегодняшний прискорбный инцидент прошел для вас без последствий? — возбужденно заговорил он.

— Ей-богу, мистер Диксон, все в полном порядке. Только благодаря вам. Так что спасибо за своевременные действия. Всю оставшуюся жизнь я буду помнить, что ваше присутствие духа, вероятнее всего, спасло мне жизнь. Я понимаю, что в долгу перед вами...

Она собиралась продолжить изъявления благодарности и необычайно встревожилась, когда Мэтт ее перебил.

— Это такая чепуха, — поморщился Мэтт. — Мне бы хотелось иметь возможность сделать для вас в будущем много больше. Мисс Фэрфакс — Джейн! Этот случай открыл мне глаза! Думаю, вы не могли не заметить, что мои чувства к вам далеко не праздный интерес.

Он бережно взял ее за руку и повернул лицом к себе, так чтобы в сгущающихся сумерках лучше видеть выражение ее лица. Но Джейн прервала его чувственную речь почти произвольным возгласом — предостерегающим и грустным:

— Мэтт! Мистер Диксон! Прошу, умоляю вас, не говорите мне ничего, о чем вы впоследствии будете горько сожалеть, не делайте этого!

Мэтт застыл в изумлении.

— Что выимеете в виду? Как я могу пожалеть о своих словах любви и восхищения,

уважения и преданности? Все, что я прошу, — это...

— Нет! Не надо! — настойчиво повторила Джейн. — Считайте, что вы ничего не говорили, а я забуду о ваших словах. Нет, — поправилась она, — забыть я их не смогу, да и не захочу, но я никогда в жизни вам о них не напомню.

— Но, мисс Фэрфакс, моя дорогая Джейн, я действительно вас искренне люблю! — Мэтт находился под властью сильных эмоций, и ирландские интонации в его голосе стали заметнее.

«Я запомню этот момент, — подумала Джейн, — до конца своих дней — то, как он говорил, как держал меня за руку».

Она непроизвольно на мгновение закрыла глаза.

— Я ничего на свете не желаю так сильно, как сделать вас своей...

— Послушайте меня, Мэтт... мистер Диксон. Пожалуйста, послушайте меня. Я всегда очень высоко ценила нашу дружбу, настолько высоко, что, полагаю, у меня есть право сестры говорить с вами с абсолютной честностью. Прежде чем вы продолжите свою страстную речь и сделаете мне предложение, скажите, это правда, что вы должны Роберту Селси крупную сумму?

— Да, это так, — ответил Мэтт. Он был явно сбит с толку. — Но Роберт сказал, что ему не к спеху, да и какое это имеет отношение к...

— Самое прямое, дорогой Мэтт. Я чувствую к вам такую теплоту... — ее голос заметно дрогнул, — и не хочу, чтобы вы ставили себя в неловкое положение. Все равно это ни к чему не приведет. Скажите, может быть, случайно, до вас тоже дошел слух о том, что полковник Кэмпбелл намерен дать мне приданое в случае замужества?

Последовало длительное болезненное молчание. Джейн сделала глубокий вдох и продолжила говорить со всей решимостью, на какую была способна:

— Полагаю, ваше молчание можно считать согласием. Вы тоже об этом слышали. Я не знаю, кто пустил этот слух, хотя и догадываюсь; но могу заверить вас, что он абсолютно ни на чем не основан. Полковник Кэмпбелл действительно испытывает ко мне отцовские чувства, но он сам мне сказал, что не в его силах помочь мне таким образом. Когда я выйду замуж, мистер Диксон, я не принесу своему мужу ни единого пенни. Состояние полковника должно перейти — и перейдет — его собственной дочери, и я рада, что это так, потому что люблю Рейчел, как сестру. Теперь вы меня понимаете?

Опять последовала длительная неловкая пауза. Тронув Мэтта за руку, Джейн заставила его повернуться, и они продолжили прогулку.

— На самом деле, дражайший Мэтт, я люблю вас, как сестра, — снова заговорила она, — я очень тронута вашими словами и благодарна за те чувства, которые вы ко мне испытываете; вот почему я взяла на себя смелость сказать вам все это. Простите меня, если можете.

— О, Джейн! — По лицу Мэтта струились слезы.

Джейн быстро потянула его за руку в узкий переулок, где их никто не мог видеть. Мэтт остановился, привалившись к стене.

— Вы, наверное, считаете меня негодяем, — пробормотал он, — презренным трусом, который волочится за женщиной только ради денег.

— Нет, — коротко ответила Джейн, думая о Шарлотте.

— Этот ужасный долг! Он висит на мне уже больше двух лет. Скачки... Ньюмаркет... каким же я был идиотом! Никогда в жизни я больше не повторю подобной ошибки.

— Надеюсь, — тихо сказала Джейн.

— Но сейчас я отчаянно нуждаюсь в деньгах. Если мой дядя когда-нибудь узнает об этом долге, я могу попроситься с надеждами...

— Не отчаивайтесь! Пожалуйста, не надо! Наверняка есть какие-нибудь другие способы раздобыть деньги — ссуды, закладные...

— Мой дядя наверняка услышит об этом. Он ярый противник всех видов азартных игр, а расстраивать мать именно сейчас я просто не могу.

— Может быть, вам что-нибудь продать? Или обратиться к кому-нибудь за помощью? К полковнику Кэмпбеллу, например.

— Полковник Кэмпбелл! — простонал Мэтт, после чего взял себя в руки и проговорил: — Мисс Фэрфакс... Джейн... прошу вас, не думайте обо мне слишком плохо. Понимаю, что я кажусь вам жалким негодяем, но уверяю вас, чувства, о которых я говорил, они настоящие. Они живут в моем сердце. Только теперь я вижу, что они бесполезны, напрасны и ни к чему не приведут.

— Вы не должны так говорить, — уверенно сказала Джейн. — Истинные чувства не могут быть напрасными. Они помогут вам, направят по правильной дороге. Поверьте, иначе быть не может. — Она говорила, давась слезами.

Однако Мэтт ее не дослушал. Крикнув что-то невнятное, он неожиданно сорвался с места и скрылся в лабиринтах старого города.

Потрясенная и взволнованная, Джейн вернулась на эспланаду, где, к счастью, почти сразу увидела полковника и миссис Кэмпбелл, которые прогуливались в кругу друзей. Она присоединилась к группе, в которой никто не заметил ни ее долгого отсутствия, ни расстроенного лица.

Идя рядом с оживленно беседующими людьми, она обдумала свой разговор с Мэттом со всей рассудительностью и уравновешенностью, на которую в тот момент была способна, и пришла к выводу, что, в общем, справилась хорошо.

У нее имелись все основания поздравить себя с успехом, но это, однако, не помешало ей провести бессонную ночь, промочив подушку тихими горькими слезами.

Тремя днями позже Рейчел пришла к Джейн очень встревоженной.

— Дженни, я хочу с тобой поговорить. Мне нужен твой совет. Куда бы мы могли пойти, чтобы нам никто не мешал?

— Давай переедем на пароме на ту сторону бухты и поднимемся на холм. А на обратном пути зайдем на Тринити-роуд и справимся о здоровье Сэма.

При упоминании о Тринити-роуд по лицу Рейчел пробежала легкая тень, но она сказала:

— Хорошо, я предупрежу маму.

Через несколько минут юные леди уже были в пути. Идя по берегу, обе хранили молчание, изредка прерываемое лишь приветствиями друзьям и знакомым, и только когда они поднялись на холм и сели на скамейку у его вершины, Рейчел наконец заговорила. За их спинами узкие бойницы крепости, словно бдительные глаза, взирали в сторону Франции, перед ними раскинулась бухта, полная мачт и парусов. Просторный залив и холмистая береговая линия тянулись на восток к Пулу.

Рейчел сказала:

— Мэтт попросил меня выйти за него замуж.

— О, Рейчел, дорогая! Я так рада! На это я и надеялась.

Джейн сумела ответить энергично и с большим чувством, потому что говорила правду.

Рейчел повернулась и внимательно уставилась на подругу.

— Ты действительно на это надеялась? Это правда?

— Всем сердцем! Вы и Мэтт будете идеальной парой.

— А как же Шарлотта?

Джейн и думать забыла о Шарлотте.

— О ней и говорить не стоит! Так... мимолетная фантазия. Через год вы будете вспоминать ее со смехом. Она сама преследовала его, вешалась ему на шею. Полезный урок, и ничего больше.

— Но, Дженни, послушай, все не так просто. Вот как было дело. Ты знаешь, что вчера я ходила к Сэму. Его мама отвела меня к нему. Он сидел у окна. Понимаешь, Джейн, я вижу... я понимаю, что ему уже недолго быть с нами. Он такой худой — мне даже показалось, что сквозь него проникает свет. — Голос Рейчел дрогнул. — Он сказал мне: «Рейчел, дорогая, я так люблю вас. Когда-то я надеялся, что вы станете моей женой. Но поскольку это невозможно, я буду счастлив, если вы и Мэтт поженитесь. Я знаю, что Мэтт вас очень любит. Моя мама тоже. Я уйду из этого мира мирно и спокойно, если буду знать, что вы двое проведете жизнь вместе. Вы подумаете об этом, дорогая Рейчел?»

— О Боже, — пробормотала Джейн. Хотя день был теплым, она почувствовала озноб. — И что ты ему ответила?

— Я спросила: «Мэтт знает о нашем разговоре?» Он сказал: «Нет, я говорю не по его поручению. Но я знаю, что Мэтт вас любит. Я подумал, что лучше сначала выясню, что вы чувствуете. Вы выйдете за него замуж, Рейчел?» Я сказала: «Не знаю, Сэм, это очень странно. Я должна подумать». А миссис Диксон, которая тоже находилась в комнате, сказала: «О, дорогая Рейчел, подумайте. Помогите моим мальчикам, если сможете». Так что я сказала им, что буду думать, и ушла. О, Дженни, что мне делать? Я думала об этом всю

ночь. Почему Мэтт сам не поговорил со мной?

— Он застенчив... ему не хватает уверенности в себе... — Тут Джейн замолчала.

Рейчел повторила:

— Дженни, что же мне делать?

«Да поможет мне Бог», — подумала Джейн и уверенно заговорила:

— Что делать? Но здесь двух мнений быть не может! Выходи замуж за Мэтта. Он славный добрый парень и когда-нибудь станет великим. Ты выйдешь за него замуж и будешь очень счастлива. Его мама тебя любит, Сэм тебя любит, ты уже являешься частью их семьи. Уверена, твои родители будут вне себя от радости, когда ты сообщишь им эту новость.

— Но Мэтт говорил, что у него долги, — грустно сказала Рейчел.

— Ну и что? Он заплатит их из твоего приданого и больше не станет играть.

Так ли это, подумала Джейн. Говорил ли он правду, утверждая, что больше никогда не будет играть и делать долги? Возможно. Юноши в молодости должны «перебеситься». Все так говорят.

— А если он начнет флиртовать с кем-то еще? Ну как с Шарлоттой?

— Он не флиртовал с Шарлоттой. Это она вешалась ему на шею. Не сомневаюсь, он всегда будет любить тебя больше всех на свете, — уверенно сказала Джейн. — Что же касается его долгов, знаешь, мне кажется, Мэтт усвоил урок. В конце концов, он играл и влез в долги несколько лет назад, когда был моложе и только начал познавать жизнь. Искренне надеюсь, что я права. Тебе придется подождать и посмотреть. Пойми, Мэтт, как и любой человек, несовершенен. Но он милый и добрый, и я не сомневаюсь, что вы будете очень счастливы вместе.

— В Бейли-Крейг? — с сомнением протянула Рейчел. — Это очень далеко. А как же моя карьера политического карикатуриста?

— Тебе придется подождать, пока вырастут дети. Тогда ты сможешь вернуться в Лондон. Но к этому времени Мэтт уже станет великим поэтом, и ты будешь иллюстрировать его произведения. А пока будешь рисовать горы и ирландских крестьян.

— О, Джейн, ты уверена? Одно время — не так давно — я думала, что Мэтт любит тебя. Вы всегда с удовольствием находились в обществе друг друга.

— Конечно. Он мне очень нравится. А теперь станет моим братом. Не знаю, как бы я смогла пережить, если бы ты вышла замуж за мужчину, который мне не нравится. Кстати, — сказала Джейн, задумчиво глядя на тропинку, — вот он идет. Должно быть, он видел, как мы прошли мимо его дома. Он хочет сам сделать тебе предложение. А я уйду. Надеюсь, ты дашь ему правильный ответ.

Она поцеловала Рейчел и быстро пошла вниз по тропинке. Встретив Мэтта, она сказала:

— Идите к ней. Она ждет вашего предложения. — И Джейн поспешила дальше, сосредоточившись на красоте окружающей природы, с восторгом глядя на величественные скалы и песчаные пляжи, протянувшиеся к востоку и северу от города Уэймут.

Когда Рейчел Кэмпбелл и Мэтт Диксон объявили о своей помолвке, в обеих семьях воцарилось радостное, хотя и немного сдержанное, ликование. Полковник и миссис Кэмпбелл были счастливы, зная, что их дочь выходит замуж за молодого человека, которого они давно знают и любят. Хотя, имея двенадцать тысяч фунтов приданого, она могла найти более выгодную партию в лондонском обществе, все же, учитывая ее робость, сдержанность и заикание, они предпочли довольствоваться тем, что есть, и радовались тому, что ее

будущее связано с семьей Диксонов, в которой ей наверняка будет хорошо. Двоюродный дедушка Мэтта лорд Килфинан довольно быстро сообщил по почте о своем одобрении предстоящего брака, и осторожно пообещал поддержку молодой семье еще до того, как Мэтт унаследует титул и поместья.

Миссис Диксон давно смотрела на Рейчел как на дочь и приняла ее соответственно; а Сэм был исполнен молчаливого удовлетворения.

Единственное условие, которое он поставил, услышав о том, что предложение брата принято, — чтобы свадьба состоялась в ближайшее время.

— Иначе, вы же понимаете, если меня не станет внезапно, вам придется отложить свадьбу на время траура, а это было бы глупо, — сказал он. — Ради меня, Мэтт, Рейчел, почему бы вам не связать свои судьбы здесь, в Уэймуте? Что вам мешает?

Принимая во внимание эти соображения, а также отвращение Рейчел к Лондону и очевидный ужас, охватывавший ее при одной только мысли о роскошной свадьбе с множеством гостей (да и миссис Кэмпбелл не хотела суеты и ненужных расходов на показуху), было решено, что церемония будет скромной и пройдет в самое ближайшее время. Была назначена дата в начале октября (к изрядному возмущению миссис Фицрой, которая была уверена, что гардероб невесты не может быть подготовлен за такое короткое время).

— А как насчет экипажа? Дома? Белья? Домашней утвари? Мебели?

— Но, мама, они же сразу после венчания уедут в Ирландию, в Бейли-Крейг. Поэтому было решено, что экипаж они купят уже там, да и дом, в котором есть все необходимое, уже ждет их.

— Позор! О таком жалком событии даже говорить никто не будет!

Голоса леди Селси и ее дочери не были слышны в общем хоре поздравлений. Для Шарлотты виноград оказался зеленым и кислым: лорд Осберт, когда до него дошли слухи об истории с французскими кружевами, как и предсказывала миссис Фицрой, предпочел обратиться подальше от молодой леди, которая позволяет себе впутываться в столь сомнительные мероприятия. А Шарлотта была слишком горда, чтобы вернуться к своему прежнему другу мистеру Карлайлу, у которого к тому же было всего четыре тысячи годового дохода. Поэтому леди Селси придумала срочное дело в Шотландии, и когда Рейчел вежливо пригласила кузину стать ее подружкой на свадьбе, та коротко ответила, что это не в ее силах, потому что в этот день они уже будут у леди Кланредсдейл. Так что на скромной и непритязательной церемонии в церкви Святой Девы Марии у Рейчел была только одна подружка — Джейн.

Единственной чертой мероприятия, не отвечавшей требованию невесты о простоте и скромности, была договоренность друга полковника Кэмпбелла — капитана Кертиса — о том, что к церкви будет доставлен оркестр драгунского полка, который будет играть для счастливой четы и их друзей до самого прибытия в «Ройял-отель», где будет устроен свадебный завтрак.

Этот сюрприз и стал причиной катастрофы.

Полковник Кэмпбелл с дочерью ехал в церковь в одном экипаже, Джейн, миссис Кэмпбелл и миссис Фицрой — в другом, Диксоны — в третьем. На обратном пути Рейчел, конечно, ехала со своим мужем, Джейн — с миссис Диксон (Сэм чувствовал себя недостаточно хорошо, чтобы присутствовать на церемонии), а полковник Кэмпбелл — с женой и тещей. Но как раз когда он посадил в экипаж миссис Фицрой и поднялся в него сам, полковой оркестр так оглушительно грянул бравурную мелодию, что лошадь, впряженная в

экипаж полковника, молодое нервное животное, в испуге сорвалась с места и понесла. Экипаж, домчавшись до набережной, опрокинулся, и все пассажиры были выброшены на дорогу. Полковник и его супруга отделались ушибами, но миссис Фицрой, которую перебросило через балюстраду на галечный берег, была обнаружена без признаков жизни.

Это несчастье, естественно, положило конец всем мыслям о праздновании. Бедная Рейчел уже прибыла в отель вместе со своим молодым супругом, когда ей сообщили о случившемся. Полковника Кэмпбелла с женой доставили в снятый семейством дом, где им была оказана медицинская помощь. Выяснилось, что миссис Кэмпбелл действительно отделалась синяками и ссадинами, а полковник сломал шейку бедра и получил сильное сотрясение мозга.

Так что день, начавшийся с великой радости, завершился беспокойством и всеобщим смятением. Рейчел и слышать не хотела о том, чтобы оставить родителей, и вернулась к ним, а Мэтт и его мать, исполненные сочувствия, — в свой дом на Тринити-роуд. Планы о путешествии в Ирландию были на время забыты.

Планы Джейн тоже изменились.

До венчания Рейчел ей неоднократно говорила:

— Джейн, ты ведь поедешь с нами в Бейли-Крейг? Скажи, что поедешь! Мэтт хочет этого, и я тоже. Ты знаешь, что папа и мама после свадьбы собираются к нам с долгим, очень долгим визитом, а миссис Диксон и Сэм приедут, когда Сэм достаточно поправится, чтобы перенести путешествие. Ты поедешь с нами? Только не говори, что нет! Я вообще не знаю, как смогу жить без тебя!

Но Джейн твердо отказалась и, несмотря на неоднократные приглашения Рейчел, ее родителей и Диксонов, продолжала стоять на своем. Ничто не могло поколебать ее решимость. С самого начала было согласовано, что по достижении ею двадцати одного года или после замужества Рейчел она начнет собственную жизнь и будет преподавать. Теперь время пришло. Дальше тянуть не было смысла.

Несчастный случай отложил решающий шаг, но только временно.

— Как только твои родители поправятся, — сказала она Рейчел, — я вернусь в Лондон и начну искать место через одно из агентств.

— О, Дженни!

— Да, Рейчел, мы обе знали, что когда-нибудь в будущем нам предстоит расстаться. Я и так откладывала слишком долго. И вот этот день настал.

Но день расставания, как показали события, все еще оставался в будущем. Раны полковника затягивались необычайно медленно. Странно, но пока ему было так плохо, для него не было никого ближе, роднее и нужнее дочери. Казалось, что ее неизбежный отъезд неожиданно заставил его понять, как много для него значит эта робкая заикающаяся девочка. Он приходил в недовольство всякий раз, когда она покидала комнату, и казалось, каким-то образом чувствовал, когда она выходила из дома, чтобы прогуляться с мужем. Полковник томился, раздражался, становился придирчивым и неразумным, если дочь не находилась с ним постоянно. За это время отношения между ними стали ближе, чем когда-либо раньше. Рейчел сначала выполняла каждый каприз отца; когда ему стало немного лучше, она беспрерывно читала ему вслух; истинное чудо заключалось в том, что, пока она читала, заикание ее практически полностью покидало, но впоследствии все же возвращалось.

Никто не любил миссис Фицрой, никто сильно не горевал о ее уходе; на самом деле

Рейчел, Джейн и полковник считали ее отсутствие в семейном кругу благом. Она никогда не пыталась скрыть своего низкого мнения о полковнике и недоверия к Джейн, и с годами ее характер стал только хуже, а предубеждений — больше. Хотя Рейчел она отдавала своего рода язвительное и вздорное, но все же предпочтение, оно никоим образом не было взаимным, и из троих именно Рейчел выказала самое большое облегчение, избавившись от бабушки.

— Если бы это случилось раньше, не возникло бы и мысли о моем представлении ко двору и прочей чепухе, — говорила она.

— Но тогда мы не приехали бы в Уэймут, — не соглашалась Джейн. — А ведь именно здесь ты нашла свое счастье.

— Да, но, узнав, что Диксоны здесь, я бы нашла способ убедить папу, — сказала Рейчел, которая после замужества, несмотря на то что была разлучена с мужем, приобрела удивительную уверенность в себе.

Улучив момент, чтобы выскользнуть из дома и погулять часок с Мэттом, она всегда возвращалась с порозовевшими щеками и блестящими глазами. Джейн, тщетно старавшаяся справиться с хитросплетением собственных эмоций, могла только задаваться вопросом, все ли мужчины столь непостоянны. Мэтт, обладавший неистовой страстью к правде и красоте, четким пониманием добра и зла, казался ей последним человеком, который с такой быстротой и готовностью перевернется от одного объекта обожания к другому. Она не могла не вспоминать его слез, его очевидной и глубочайшей грусти. Впрочем, какой смысл снова и снова думать об этом? Когда подобные мысли слишком уж одолевали ее, она усилием воли старалась отвлечься и помочь миссис Кэмпбелл, единственному члену семьи, который был по-настоящему огорчен внезапной и нелепой смертью миссис Фицрой. Хотя в зрелом возрасте между этими двумя дамами симпатии не было, узы крови разорвать трудно, и потеря родителя, как бы сильно ни отличались его вкусы и привычки, — это всегда больно. Миссис Кэмпбелл была настолько потрясена случившимся, что несколько недель не могла вернуться к своей обычной деятельности. Все это время Джейн неустанно помогала с перепиской, делала вырезки и выписки, читала вслух памфлеты и, главное, никогда не отказывалась поговорить, иными словами, давала утешение и скрашивала одиночество.

Так прошло три месяца — октябрь, ноябрь и декабрь. И в один печальный декабрьский день останки Сэма Диксона навсегда упокоились на кладбище церкви Святой Девы Марии — той самой, на которой прошла свадебная церемония. На этот раз военный оркестр не играл, но звонкие голоса певчих возносились к небесам — их пение всегда любил при жизни Сэм Диксон.

Фрэнк Черчилль вернулся в Уэймут на похороны; его тетя и дядя, естественно, уже давно уехали в Лондон, где собирались оставаться до февраля. Миссис Черчилль посетила церемонию погребения миссис Фицрой (что многие сочли удивительным и выдающимся знаком глубочайшего уважения, поскольку миссис Черчилль никогда не удостоивала своим присутствием подобные мероприятия). Джейн долго и с интересом рассматривала эту великую даму, поскольку сидела в ее экипаже, но не нашла ничего достойного восхищения или удивления. Женщина была небольшого роста, имела очень горделивое и чрезвычайно неприветливое выражение лица, куталась в меха и ни с кем не разговаривала. Джейн искренне посочувствовала Фрэнку, который был вынужден подчиняться такой родственнице. Но приехав в Уэймут на похороны Сэма, он говорил о тетке с незлобивой легкостью.

— Ее мучат постоянные боли, и, мне кажется, она искренне ко мне привязана; поэтому я стараюсь не обращать внимания на ее вздорный нрав. Вам и мне, мисс Фэрфакс, пришлось научиться мириться с резкостью; мы оба сироты и должны быть кроткими, тем более когда обстоятельства против нас.

На следующий день после похорон Сэма Фрэнк пришел вместе с Мэттом Диксоном справиться о здоровье полковника и, если возможно, пригласить юных леди на прогулку — день был теплым, больше похожим на весну, чем на зиму. Полковник неохотно согласился расстаться с дочерью на час, и Рейчел получила возможность побыть с мужем, пока Фрэнк и Джейн шли за ними на довольно-таки большом расстоянии, чтобы не мешать их общению.

— Итак, каковы теперь ваши планы, мисс Фэрфакс? — спросил Фрэнк.

Джейн чихнула; день похорон был влажным, и она сильно замерзла на кладбище.

— Когда все уедут в Ирландию, я начну искать себе место и, полагаю, как только найду, начну работать.

В ее голосе не слышалось энтузиазма. Она снова чихнула и добавила:

— Но сначала я вернусь в Хайбери, чтобы навестить тетю, бабушку и всех друзей, которых я люблю и высоко ценю. Я не была в родных местах уже так давно! Ну а как ваши дела, мистер Черчилль? Вы уже съездили в Хайбери? Повидали отца и его невесту?

Фрэнк засмеялся, хотя и немного смущенно.

— Сказать по правде, мисс Фэрфакс, я точно не знаю, как это получается, но, хотите верьте, хотите нет, постоянно возникает то одно, то другое препятствие, не позволяющее мне посетить это заколдованное место. Я, наверное, самый бессовестный бесчестный индивид на свете. Боюсь, с глаз долой — из сердца вон, это обо мне. Я не знаю никого из жителей Хайбери, и поэтому мне трудно туда стремиться. Уверю вас, все изменится, когда я наконец окажусь там. Вы должны показать мне дорогу, мисс Фэрфакс.

Фрэнк казался искренним, ругая себя, и все же Джейн не могла поверить в то, что он и в самом деле такой мелкий и легкомысленный человек. Разве он не побеспокоился приехать в Уэймут на похороны Сэма? И он был искренне опечален его смертью; днем раньше он провел несколько часов с миссис Диксон и Мэттом, утешая их и помогая укладывать вещи для возвращения в Бейли-Крейг. Неискренние и ветреные люди так себя не ведут.

— Вы вернетесь в дом Кэмпбеллов на Манчестер-сквер? — спросил он. — Ну когда все остальные отправятся в Ирландию?

Было решено, что морское путешествие будет менее утомительным для больной ноги полковника Кэмпбелла, чем сухопутное, и новобрачные вместе с миссис Диксон и родителями Рейчел планировали отплыть из Уэймута через две недели.

— Нет, отсюда я поеду прямо в Хайбери. — Джейн вздохнула, припомнив, как по дороге в Уэймут лелеяла надежду на обратном пути заехать вместе с Рейчел в Хайбери, познакомить ее со своими любимыми родственниками и друзьями. — Полковник Кэмпбелл очень добр ко мне, он сказал, что я могу ехать почтовым экипажем, и обещал оплатить эту поездку.

— Как бы мне хотелось сопровождать вас! — вздохнул Фрэнк. — Но увы, тетя вбила себе в голову, что должна поехать в Харрогит на воды, и мне велено вернуться уже завтра, чтобы ее сопровождать. Бедная, она никак не поймет, что воды и воздух одного места принесут ей не больше пользы, чем воды и воздух другого.

— Она действительно серьезно больна?

— Да, — хмуро сказал Фрэнк. — Ревматические изменения имеют поверхностный

характер, хотя и доставляют ей немало неприятностей. Но лондонский доктор недавно сказал дяде и мне, что у нее есть еще и болезнь сердца, которая в любой момент может свести ее в могилу, и что даже при самом лучшем в мире уходе она останется с нами еще максимум на год или два. Так что мы стараемся потакать ее капризам — кстати, дяде достается больше, чем мне. Я по крайней мере могу ее ненадолго покинуть, хотя, — добавил он с улыбкой, — стараюсь, чтобы эти отлучки не были слишком уж частыми или продолжительными, чтобы по возвращении не оказаться в немилости.

«Как мне повезло, — подумала Джейн, — что тетя Хетти и бабушка любят меня преданно и без всяких условий, что они неизменно добры и чутки. Кажется, за всю жизнь я не слышала от них ни одного резкого слова. Насколько сильно отличается моя судьба от участи Фрэнка Черчилля и Рейчел. Если мне когда-нибудь придет в голову пожаловаться на судьбу, надо будет вспомнить об этом».

Она не чувствовала такой же сильной уверенности в своем везении две недели спустя, когда проводила Диксонов и Кэмпбеллов на пароход в гавани Веймута. Она долго махала платочком — до тех пор, пока могла различить лица, и вернулась в дом, где повсюду были разбросаны веревки, куски мешковины и прочий мусор, всегда сопутствующий отъезду. Надо было расплатиться с последними слугами и дожидаться своего транспорта.

Прощание с Рейчел оказалось очень болезненным. Они снова и снова обнимали друг друга и никак не могли расстаться.

— О, Дженни, моя милая, дорогая Дженни, — рыдала Рейчел. — Я не вынесу расставания. Ты же приедешь к нам — как только сможешь? Скажи, что обязательно приедешь!

— Конечно, она приедет, дорогая, — угрюмо сказал полковник, — и привезет показать нам красивого мужа. Будет это очень скоро, да, Дженни, детка? Скажи ей, Мэтт, мальчик мой.

Мэтт был очень молчалив при расставании. В присутствии Джейн он вообще по большей части хранил молчание и обращался к ней, только когда без этого нельзя было обойтись, — после своего объяснения в любви. Но вечером накануне отъезда он подстерег ее на улице и, ни слова не говоря, вложил в руку маленький сверток.

Вечером, улучив момент, она развернула его. Это оказалось стихотворение, написанное рукой Мэтта.

С этого дня
Моей подругой станет луна,
Которая много раз дарила нам свой свет.

Ее величавый путь
По небесным полям
Пройдет и над тобой, там, где ты будешь.

Поскольку я потерял
Ту, кого любил больше всех,
И заплатил за свой хлеб горькую цену,

О, тогда, дорогая Артемида,

Даруй мне лишь это,
Коснись моей потерянной подруги своим вечным поцелуем.

И, пока ты плывешь по небу,
Донеси мои мысли до
Нее, где бы она ни была.

Прочитав это произведение, Джейн почувствовала негодование. «Он не должен был давать мне это, — думала она, — нет, не должен! Теперь он принадлежит Рейчел». Но потом она ощутила глубокую печаль и в сотый раз усомнилась, правильно ли поступила, подтолкнув эту пару к браку. Будут ли они счастливы там — в Бейли-Крейг? Что же касается этого стихотворения... этой бумаги... Она улучила момент, когда никого не было рядом, разорвала бумагу на мелкие кусочки и выбросила в декабрьское море. У нее не было права хранить это произведение. Джейн чувствовала, что оно принесет ей несчастье.

— Ты должен поцеловать Джейн на прощание, — сказала Рейчел при расставании. — Она теперь твоя сестра. — Но Мэтт не сделал этого и даже не прикоснулся к ее руке.

Полковник и миссис Кэмпбелл простились с Джейн тепло, как любящие родители.

— Пиши нам каждую неделю, — сказала миссис Кэмпбелл. — Я действительно не представляю, как мы будем обходиться без тебя, Джейн. Мы будем очень скучать.

— Оставайся в Хайбери сколько захочешь, — решительно сказал полковник. — Отдохни, пообщайся с родными и друзьями и вылечи наконец простуду, которая изводила тебя в последнее время. Не спеши и не соглашайся на первое же место, которое тебе подвернется. Будь разборчивой! Сделай выбор с особой тщательностью! Возьми! — И он тоже вложил ей в руку маленький пакетик.

— О, сэр, не надо! Вы не должны! — воскликнула она, думая о Мэтте. Но в этом пакетике стихов не было. Только банкноты — пятьдесят фунтов.

— Чепуха! Ты хорошая девочка! — резко ответил полковник и пошел вслед за остальными по сходням. — Очень жаль, что я не могу сделать для тебя большего, — добавил он, уже стоя на палубе.

Вспоминая об этом прощании позднее, в пыльном холле дома, где еще совсем недавно звучали оживленные голоса, чувствуя вокруг лишь пустоту и одиночество и слыша только шум дождя за окном, Джейн совсем пала духом. Впрочем, стоит ли этому удивляться? Зная, что в дом не войдет ни одна живая душа, она села на свой сундук и в отчаянии зарыдала.

Она еще никогда в жизни не чувствовала себя такой одинокой.

— Мисс Фэрфакс! — воскликнул знакомый голос. — Моя дорогая мисс Фэрфакс! Боже правый! Вы не должны так расстраиваться! Одна, в пустом доме. Почему вы дрожите, словно осиновый лист? Вы замерзли! Позвольте, я наброшу вам на плечи свое пальто!

Рыдающая Джейн не сопротивлялась. Она почувствовала на своих плечах толстую теплую ткань и пару нежных успокаивающих рук Фрэнка Черчилля.

— Прижмитесь ко мне, положите мне голову на плечо. Если вам надо выплакаться, плачьте с удобствами. Позвольте предложить вам мой носовой платок — ваш, боюсь, уже совсем промок.

Джейн еще немного поплакала, но, как это часто бывает, разрешение выплакаться

быстро осушило слезы. Она несколько минут сидела не шевелясь, потом решительно высморкалась и, подняв глаза, всмотрелась в заботливое лицо Фрэнка Черчилля.

— Вы, должно быть, считаете меня жалкой плаксой?

— Вовсе нет. Я думаю... Не важно, что я думаю... Почему Кэмпбеллы и Диксоны уехали и бросили вас одну?

— Они предлагали мне поехать с ними. Много раз. Но я отказалась.

— И кто бы стал вас за это винить? Я видел, в каком вы положении; я видел это лучше, чем кто-нибудь другой.

Решив проигнорировать подтекст этого заявления, Джейн спросила:

— Но что вы здесь делаете, мистер Черчилль? Я думала, вы везете свою тетушку в Харрогит?

— Я и должен был этим заниматься, но она, как это часто бывает, передумала. Вместо этого мой дядя повез ее в Бат. А я воспользовался шансом поехать обходным путем — я должен встретиться с ними там — и заехал сначала в Уэймут. И очень рад этому. Потому что теперь я могу стать вашим компаньоном в путешествии. Спутником, помощником, другом, в общем, тем, кто вам больше всего нужен, до самого вашего отъезда. Когда придет экипаж?

— Не раньше полудня.

— Тогда, — сказал он, — я предлагаю отправиться в библиотеку Харви. Взгляните, облака рассеиваются, вот-вот выглянет солнце. Я куплю вам чашку кофе, шокировав всех местных сплетниц, если таковые здесь еще остались, и чудесный роман, который развлечет вас в дороге. Помните, как мы вместе смеялись, читая «Таинственные предостережения»? Я найду вам что-нибудь такое же таинственное, обещаю!

Джейн поняла, что ничего не имеет против предложенной программы, правда, оговорила для себя возможность прежде всего умыться и причесаться.

После того как они выпили кофе и Фрэнк купил ей роман, пакет бисквитных пирожных в дорогу в магазине Риалла и красивую перламутровую раковину, «чтобы иногда, глядя на нее, вы вспоминали Уэймут и вашего друга Фрэнка», он предложил прогуляться по эспланаде. В конце декабря отдыхающие уже разъехались из Уэймута, и на эспланаде почти никого не было.

— Знаете, у меня уже давно появилась великолепная, можно сказать, блестящая идея, — сказал Фрэнк, — и я бы хотел, чтобы вы ее как следует обдумали.

Джейн, пока он оказывал ей все эти маленькие знаки внимания, почти ничего не говорила, хотя чувствовала благодарность за понимание и утешение; в горле сильно першило; вот и теперь она промолчала и лишь пассивно шла за Фрэнком. А когда они дошли до южного края набережной, остановилась рядом с ним и облокотилась о балюстраду. Море было беспокойным, увенчанные белыми шапками волны катились к берегу и с грохотом разбивались о прибрежные камни, но небо очистилось и стало светло-голубым.

— Вот, что я хотел бы вам сказать, — начал Фрэнк. — Вы вполне могли этого и не заметить, дорогая мисс Фэрфакс, но за эти месяцы, проведенные в Уэймуте, я влюбился в вас и испытываю к вам самые теплые чувства — привязанность и восхищение. Волею обстоятельств я постоянно находился на краю или даже чуть в стороне от вашей счастливой компании и потому мог наблюдать и понять, возможно, яснее, чем те, кто был ближе к вам, эмоции, а также хорошие и правильные мотивы, которые руководили вашими поступками в последнее время.

Джейн открыла рот, чтобы заговорить, но Фрэнк ее остановил:

— Мисс Фэрфакс, я не задаю никаких вопросов и не имею ни малейшего желания вмешиваться в чужие дела или показаться дерзким. Я глубоко уважаю вас. На самом деле для меня вы как ангел. Можно сказать, я вас боготворю.

Она снова попыталась заговорить, но Фрэнк перебил:

— Я знаю, что у вас нет приданого, что полковник Кэмпбелл в этом помочь вам не смог. Мне это отлично известно, так же как и то, что вы самая красивая молодая леди, которую я когда-либо видел, и достойны герцогского титула, даже без бриллиантов миссис Фицрой. Кстати, мисс Кэмпбелл получила их после свадьбы?

— Да, — засмеялась Джейн, — но коллекция оказалась более чем скромной. — В ее собеседнике так органично сочетались веселье и степенность, что Джейн не знала, насколько можно принимать его всерьез.

— Прекрасно, рад, что вы наконец засмеялись. Слишком уж большая часть этой комедии в Уэймуте разыгрывалась как высокая трагедия, а мне никогда не нравились трагедии. Я люблю танцевать (а вы великолепная партнерша, мисс Фэрфакс, танцевать с вами — наслаждение), петь, играть на фортепиано. Я обожаю приятные компании, беседы, шутки и красивые сады. Как вы считаете, мы подойдем друг другу? Молю вас, скажите «да». По правде говоря, я не переставал думать о вас после первого бала в Уэймуте, когда вы так здорово причесали мисс Кэмпбелл.

— Но, мистер Черчилль...

— Не надо! Только не надо сейчас выдвигать тьму неразумных возражений. Прошу вас, обдумайте как следует мое предложение. Насколько мне известно, после приезда в Уэймут вы получали и другие предложения, но ни одно из них не является таким приемлемым, как мое. У меня хороший характер, когда-нибудь я стану наследником неплохого состояния, и я вас преданно люблю. Что вам нужно еще?

— Я...

— Да, есть еще одно обстоятельство, — сказал он, не дожидаясь ее слов. — Вы в настоящий момент меня не любите. Этот прискорбный факт мне хорошо известен. Но, дорогая мисс Фэрфакс, я исполнен самых благих намерений. И я, со своей стороны, люблю вас преданно и искренне. Возможно, со временем ваше доброе сердце отзовется на мои чувства. И забудет о другом образе, который, возможно, живет в нем.

— Возможно. Возможно, но... суть не в этом. — Теперь Джейн говорила твердо и уверенно: — Мы оба знаем, мистер Черчилль, что ваша тетя никогда в жизни не согласится на союз между вами и таким жалким, нищим и не имеющим никаких связей созданием, как я. Вы это сами знаете. Я тоже. Как же можно об этом забывать?

— Боюсь, вы правы, — вздохнул Фрэнк. — Вы добры, красивы, талантливы, но моя тетя увидит лишь то, что у вас нет влиятельных и богатых родственников. Поэтому, если вы примете мое предложение — на что я всем сердцем надеюсь, — нам придется держать наше счастье в тайне.

— Вы имеете в виду тайную помолвку? — с отвращением скривилась Джейн.

— Именно это я в вас так люблю! — воскликнул Фрэнк. — Вы всякий раз выражаетесь точно и по существу. Никаких уверток и околичностей. Да, дражайшая мисс Фэрфакс, это будет означать тайную помолвку. Уверяю вас, мне эта идея нравится не больше, чем вам. Тем не менее я пойду на этот шаг с радостью, потому что не буду волноваться за вас. Меня не будет постоянно мучить страх потерять вас, который гнал меня в Уэймут при всяком

удобном случае. Я всегда боялся, что какой-нибудь другой приткий поклонник опередит меня, уведет вас, можно сказать, из-под носа.

Джейн вздохнула и посмотрела на кипящий прибор. Ее лицо было тревожным.

— Вам не нравится эта идея, — заметил Фрэнк. — Не могу вас за это винить. Но посмотрите на ситуацию с другой стороны, дорогая. Я точно знаю, что сейчас вы одиноки и удручены, что вы лишились семьи, которую искренне любили (и кое-кого еще); перед вами мрачное безрадостное будущее: без друзей, без денег, без перспектив. Разве вам не станет легче, если вы будете знать, что у вас есть тайный друг, что ваше будущее вовсе не опасно, а наоборот, со временем вы очень неплохо устроитесь и с вами рядом будет любящий преданный мужчина? Надо только подождать и проявить терпение.

— Я ненавижу ждать чужих несчастий, чужой смерти, — прямо сказала Джейн.

— Совершенно с вами согласен, — пожал плечами Фрэнк. — Мне это тоже крайне неприятно. Но ведь у нас тоже есть права, разве нет? Послушайте, если хотите, давайте сделаем так. Я буду считать себя связанным с вами узами чести, любви и преданности. А вы можете считать себя свободной как птица, так что никакие угрызения совести из-за ожидания чьей-то смерти вас не будут тревожить.

— Но это несправедливо, — живо отозвалась Джейн. — Если один человек считает себя связанным, второго это должно касаться тоже.

— Значит, вы согласны! — в полном восторге закричал Фрэнк. — Вы согласны! Вы — ангел и обладаете великодушием королевы. А я стану бывать в Хайбери так часто, как смогу, пока вы будете жить там, среди хороших простых людей, друзей, которых вы любите. В этом сельском окружении я буду ухаживать за вами, добиваться вашего расположения, как Коридон ухаживал за своей Филлидой. Вы скоро увидите, какой настойчивой, какой постоянной будет моя преданность вам. А в качестве залога прошу вас, моя дорогая мисс Фэрфакс, принять это. — И он вытащил из кармана маленькую коробочку.

В ней было колечко — мерцание серебра, слеза опала.

— Оно принадлежало моей матери. Когда юный капитан Уэстон посватался к ней, это было все, что он мог себе позволить. Вы сохраните его? Будете носить на шее — на ленточке?

Он вложил коробочку в руку Джейн.

— Оно очень красивое, — вздохнула она и опустила глаза на кольцо. — У меня никогда не было ничего подобного.

Неожиданно на глаза набежали слезы. И одна слеза упала прямо в коробочку.

— Я слишком наседаю на вас, — с ноткой раскаяния в голосе сказал Фрэнк. — Я не должен был так набрасываться на вас в столь тяжелый для вас момент. Но поймите меня, мисс Фэрфакс, я должен был рискнуть — не мог упустить такую блестящую возможность. И я не вынесу мысли, что покинул вас в таком состоянии. Скажите мне по крайней мере, что чувствуете себя чуть-чуть лучше, что я сумел отвлечь вас от грустных мыслей, — добавил он и просительно улыбнулся.

Джейн не могла не улыбнуться в ответ:

— Вы же знаете, что так оно и есть.

— Тогда вся моя жизнь, вплоть до этого момента, прожита не зря.

— Скоро прибудет мой экипаж, — заметила Джейн, — кажется, я его даже уже вижу. — И она заторопилась к дому.

Фрэнк Черчилль помог ей расположиться в экипаже.

— Я буду считать дни до нашей встречи в Хайбери. Я буду считать часы.

И он осторожно сжал ее руку.

— Прощайте, мистер Черчилль, — пробормотала Джейн, недоумевая, как она позволила вовлечь себя в такую предосудительную авантюру, противоречащую всему, что она считала достойным и правильным. Она боялась, что ради временного облегчения навлекла на себя тревоги и суровые испытания в будущем.

И все же на сердце стало легче. Фрэнк сказал правду.

— Нет, нет, не «прощайте». Никогда так не говорите. — Он закрыл дверь экипажа, но окно осталось открытым. — До встречи в Хайбери. Прошу вас, позвольте мне услышать из ваших уст эти слова.

— Хорошо. До встречи в Хайбери.

Удовлетворенный Фрэнк сделал шаг назад, кучер щелкнул кнутом, и по мостовой застучали колеса.

После двухдневного путешествия с ночевкой в Саутгемптоне Джейн добралась до Хайбери в состоянии такого уныния и изнеможения, да еще и с решительно ухудшившейся простудой, что любящие родственники, попытавшись накормить ее сэндвичами и горячим негусом, в конце концов уложили ее в постель, стелая и жалуясь на ее бледность и худобу.

— Хетти, — сказала миссис Бейтс, — девочка сильно устала. Обойдемся сегодня без разговоров.

В этот раз старой леди удалось настоять на своем, и Джейн позволили ощутить комфорт собственного продавленного матраса и роскошь деревенской тишины. Но увы, сон все не шел. Будущее, наполненное постоянной тревогой и беспокойной совестью, которое она себе предсказала, перестало быть будущим и в одночасье стало настоящим. Вернувшись домой к людям, любившим ее больше жизни, она неожиданно обнаружила, что связана тайной, которая обвилась вокруг ее шеи вместе с кольцом Фрэнка Черчилля так же надежно, как кандалами. Открытость и прямота, всегда бывшие для нее такими же естественными, как дыхание, теперь стали недоступными.

На следующий день Джейн сказала, что достаточно хорошо себя чувствует, чтобы присоединиться к тете и бабушке за завтраком, но лишь огорчила их полным отсутствием аппетита.

— Только половину кусочка хлеба с маслом! А ведь наш деревенский хлеб и деревенское масло намного лучше, чем в Лондоне или Уэймуте; но ничего, скоро ты у нас поправишься. Иначе и быть не может. Не меньше трех месяцев в Хайбери! Мы так долго жили без тебя, но три месяца компенсируют нам это. Хотя и этого нам будет мало. Все друзья так за нас рады, скоро они сами придут...

Обещанные друзья начали прибывать довольно скоро — они поднимались по неудобной узкой лесенке, проходившей по краю цирюльни, в крошечную гостиную дам Бейтс с неказистым камином, сиденьем у окна и четырьмя выдавшими виды виндзорскими стульями. Что подумает Фрэнк Черчилль, увидев это, мысленно поежилась Джейн, глядя, как толстуха миссис Коул и еще более полная миссис Годдард протискиваются по лестнице с подарками — медом и свежими яйцами.

— Вы идете к нам, мистер Найтли? — крикнула из окна мисс Бейтс, увидев его на лошади у дома. — Здесь у нас такое приятное общество. Пришли миссис Коул и миссис Годдард, чтобы поздравить нас с возвращением нашей дорогой Джейн.

— Тогда для меня у вас не хватит места, — ответил он, сняв шляпу и поклонившись. — Однако прошу вас, передайте мисс Джейн Фэрфакс мои наилучшие пожелания и скажите, что я с нетерпением жду встречи в любое время, когда у вас наверху будет больше места.

Джейн услышала его голос, и на сердце потеплело, но одновременно она почувствовала боль и сожаление. Вот еще один друг, дорогой и любимый, для которого ее сердце уже не может быть таким же открытым, как прежде. Да и ее чувства к нему теперь будут другими. В прошлом, призналась себе Джейн, в ней всегда жила детская надежда на то, что однажды настанет день, когда он поймет, что всегда — еще с того далекого времени, когда учил ее ездить верхом — любил только ее, и откроет ей свое сердце. Но теперь, даже если он это сделает — а надежда на такой исход с возрастом и приобретением здравого смысла померкла, — она будет вынуждена ответить отказом. Теперь она связана другим, и этот

другой, она не могла в душе этого не признать, не дотягивает до мистера Найтли. Разве мистер Найтли мог когда-нибудь предложить тайную помолвку? Джейн была уверена, что нет. Но как бы он повел себя в подобных обстоятельствах? Этого она сказать не могла. В конце концов, возможно, сравнение и несправедливо. Мистер Найтли имел состояние, ни от кого не зависел, и так было всегда; он никому не должен был угодить. Нет, сравнивать этих двоих, значит...

— Джейн, ты витаешь в облаках! — воскликнула тетя Хетти. — А добрейшая миссис Коул только что сделала тебе такое щедрое предложение...

— Только на днях я говорила мистеру Коулу, что мне стыдно смотреть на наше новое фортепиано, которое стоит у нас в гостиной, потому что я не знаю ни одной ноты, а наши две малышки, которые только начинают учиться, возможно, никогда и не освоят эту премудрость. Так что ты можешь приходить, моя дорогая, в любое время дня и практиковаться, сколько твоей душеньке будет угодно. Вообще-то стыдно, что у тебя дома нет инструмента...

— Ты можешь приходить и в школу в любое время после трех, когда девочки заканчивают уроки, — зашебетала миссис Годдард, — но я должна сказать, что наш инструмент из-за того, что им пользуются все, не такого качества, как хотелось бы...

— Я только вчера говорила мистеру Годдарду, как плохо, что бедняжка Джейн, такая хорошая музыкантша, не имеет дома даже самого завалящего инструмента, и он согласился...

Следующей прибыла миссис Уэстон — в подарок она привезла сливочный сыр, — и Джейн с живым интересом встретила эту привлекательную леди, которая раньше была гувернанткой Эммы Вудхаус, а теперь стала мачехой Фрэнка Черчилля. И она еще ни разу не видела Фрэнка! Как странно! Джейн и боялась, и хотела, чтобы беседа зашла о нем, его прибытии или неприбытии, но вместо этого разговор коснулся Эммы Вудхаус и ее необъяснимой дружбы с маленькой Харриет Смит.

— Должна сказать, я была удивлена, когда все это началось, — сказала миссис Уэстон. — Вы же понимаете, такая разница в их обстоятельствах и умственном развитии, но, конечно, я порадовалась за Эмму; женщина всегда чувствует себя лучше, когда рядом есть представительница ее пола. А бедная Эмма, вы же знаете... Однако мистер Найтли со мной не согласен; он считает, что общество такой покладистой малышки, как Харриет, лишь усилит тягу дорогой Эммы к лидерству...

Джейн слушала рассказ с искренним интересом, но его прервала миссис Коул.

— Мистер Элтон очень часто заезжает в Хартфилд, разве нет? Перед Рождеством моя Люси — она племянница Сэрлы, что служит у мистера Вудхауса, — так вот, она сказала, что мистер Элтон бывает там почти каждый день.

— О! — воскликнула мисс Бейтс. — Я не сильна в таких делах. Я вижу то, что передо мной, но не строю предположений. А Джейн никогда не встречала мистера Элтона. Это наш новый викарий, Джейн, дорогая; он был назначен после смерти нашего добрейшего мистера Прайора — достойнейший, превосходный молодой человек. Я уверена, любая юная леди... Сейчас он в Бате, но скоро ты с ним встретишься. Он так внимателен к твоей бабушке и ко мне, всегда сажает нас на свою скамью в церкви, потому что твоя бабушка стала немного плохо слышать...

— Здесь мисс Вудхаус, мэм, — объявила Патти, и уже в следующее мгновение среди них оказалась Эмма Вудхаус, выглядевшая, как призналась себе Джейн, удивительно

элегантно в отделанной мехом шляпке и теплом плаще — совсем как леди из общества в Уэймуте. Она принесла красивое растение в горшке.

Миссис Коул слегка покраснела и заторопилась, вспомнив о неотложных делах; вместе с миссис Годдард они едва не скатились по ступенькам, но миссис Уэстон поприветствовала Эмму с большой сердечностью, и Эмма поздравила Джейн с возвращением в Хайбери с вежливым дружелюбием. Внешность Эммы Вудхаус, по мнению Джейн, могла бы удовлетворить любого, даже самого сурового критика: хороший рост — она была довольно высокой, но не слишком высокой, формы, может быть, чуть более пышные, чем надо, что, впрочем, не лишило ее грациозности; а судя по цвету лица, она обладала хорошим здоровьем и спокойной совестью. Ее манеры были открытыми, дружелюбными и располагающими; как ни ищи, не найдешь к чему придрататься, решила Джейн. Она вела себя именно так, как следовало, по отношению к тете Хетти и старой миссис Бейтс; задавала уместные вопросы относительно Уэймута, полковника и миссис Кэмпбелл, планах Джейн на будущее, ее чувствах, вызванных возвращением в родные края. Короче говоря, она вела себя как хорошая добрая соседка, и когда визит завершился, Джейн даже почувствовала вину и раскаяние.

«Она действительно дружелюбна, проста и непритязательна! Не понимаю, почему все эти годы я делала из нее монстра! Сейчас ее нельзя винить за поведение в шестилетнем возрасте, тем более что тогда она только что лишилась горячо любимой матери. И, бедняга, как она, должно быть, одинока, если дружит с таким скучным и пресным созданием, каким, мне помнится, была Харриет Смит. Мистер Найтли всегда хотел, чтобы мы с Эммой подружились. Что ж, отныне я буду думать о ней иначе!»

Но вечер, проведенный в Хартфилде двумя днями позже, убил эти добрые чувства.

— Почему мисс Вудхаус не пригласила нас на обед? Почему мы собираемся туда после обеда? — спросила Джейн тетю, пока они ждали экипаж, который должен был отвезти их в Хартфилд.

— О, моя дорогая, Вудхаусы теперь редко приглашают гостей к обеду. Знаешь, мистер Вудхаус такой...

— Но они приглашают Уэстонов. И мистера Найтли. И, как мне сказали, мистера Элтона.

— Ну они же джентльмены. А мисс Вудхаус знает, что мы — леди, живущие самостоятельно. Такие, знаешь ли...

Иными словами, подумала Джейн, леди, живущие самостоятельно, могут ожидать меньшего уважения и вежливости к себе. Эта идея до недавнего времени не приходила ей в голову, но теперь, когда она покинула семью Кэмпбелл и столкнулась с собственными весьма сомнительными перспективами, ее следовало обдумать.

Вечер в Хартфилде, к сожалению, вернул всю прежнюю антипатию Джейн к Эмме Вудхаус. Прежние причины для недовольства проявились вновь. Добрая внимательность Эммы к дамам старшего возраста не могла затмить других ее недостатков. Да, чай и кофе предлагались неоднократно, да и кексы подавались дважды. Но Эмма делала это лишь потому, что таковы были обязанности хозяйки дома, а не от желания сделать кому-то приятное.

В гостях у Вудхаусов был мистер Найтли (он там обедал) и попросил, чтобы юные леди сели за фортепиано. И снова поведение Эммы было безупречным: она хвалила исполнение Джейн со вкусом и знанием дела, просила поиграть еще. Но это все лицемерие, думала Джейн. И своего рода намеренная клевета на самое себя. Она отлично знает, что уровень ее

исполнения ниже, и она могла бы играть лучше, если бы практиковалась. Она сыграла несколько легких шотландских и ирландских песенок и увертюру Чимарозы. А Джейн исполнила по-настоящему сложные вариации на увертюру Плейеля, что вызвало энергичные аплодисменты аудитории, хотя она втайне подозревала, что ее никто не слушал.

Интересно, почему Эмма не практикуется? Джейн задавала себе это вопрос снова и снова. Времени у нее полно. Как она проводит свои дни? Чем занимается? И тут неожиданно, словно листок, поплывший против течения, пришло чувство жалости к Эмме. Но оно очень быстро исчезло, когда разговор зашел об Уэймуте. Эмма проявила, думала Джейн, очень много, даже слишком много любопытства к Фрэнку Черчиллю.

Он красив? Приятен? Хорошо ли его знает мисс Фэрфакс? Насколько он восприимчив? Образован? Станет ли он приятным дополнением к их кругу общения, если случайно — или по собственному желанию — появится в Хайбери?

Джейн чувствовала за этим вроде бы простым соседским любопытством нечто больше. У нее создалось впечатление, что Эмма каким-то чудом — словно у нее был дар предвидения — догадалась о связи между Джейн и Фрэнком. Она обладала скорее инстинктивной пронизательностью, чем интеллектуальной силой, и наверняка будет тем самым человеком, который раскроет их тайну и доведет до всеобщего сведения.

На прощание она, смеясь, сказала:

— Вы стали такой красивой, мисс Фэрфакс, такой элегантной. Я не могу не восхищаться вами. А помните те дни, когда вы донашивали мои старые платья?

«И твоя мама оставила мне сто фунтов» — эти слова остались невысказанными. Сто фунтов, которые до сих пор были нетронуты — их хранили на черный день.

Этого Джейн простить не могла.

Привезенная на следующий день из Хартфилда четверть свиной туши в подарок лишь усугубила обиду.

— Полагаю, теперь нам придется опять идти туда, чтобы выразить свою благодарность? — не чувствуя никакой благодарности, спросила Джейн.

— Дорогая, конечно! Это же целая четверть! Какая щедрость! Теперь я могу пригласить Коулов поужинать с нами — пожалуй, я сделаю это по дороге из Хартфилда, но сначала я должна спуститься вниз и спросить Патти, взяли ли мы с собой самую большую сковороду, когда переезжали из дома викария. О, моя милая Джейн, может быть, ты сходишь одна? Это будет так мило...

Стук в дверь и принесенная записка от миссис Коул изменили направление мыслей тети Хетти.

— Боже мой! Мистер Элтон женится! Ты только послушай, что пишет миссис Коул — мистер Коул только что прочитал письмо от мистера Элтона и сообщил ей, что викарий помолвлен с мисс Хокинс из Бата. Надо же! Я никогда в жизни не была так потрясена! Мисс Хокинс из Бата!

Джейн словно услышала голос миссис Фицрой, говоривший: «Хокинс? Что это за имя?»

А тетя Хетти продолжила:

— Миссис Коул на днях что-то такое говорила, но я никогда не могла подумать... Ну, теперь вы довольны, мэм? (Это было сказано матери.) В доме викария снова появится хозяйка. И восхитительная новая соседка. Какие замечательные новости. Мы должны немедленно бежать в Хартфилд. Джейн, оденься потеплее, может пойти дождь.

В Хартфилде они застали мистера Найтли, и мисс Бейтс сразу сообщила ему о женитьбе

мистера Элтона.

— А я-то рассчитывал удивить этой новостью вас, — сказал мистер Найтли, улыбаясь Эмме, которая выглядела, как показалось Джейн, немного странно; неужели она надеялась, что мистер Элтон достанется ей?

— Но откуда вы узнали? — разочарованно воскликнула мисс Бейтс. — Ведь об этом никто не знал, абсолютно никто!

— Полтора часа назад у меня была деловая встреча с Коулом. Он как раз только что прочитал письмо Элтона.

Интересно, в этой деревне что-нибудь можно сохранить в тайне, подумала Джейн.

— У нас появится новая соседка, мисс Вудхаус, правда, здорово? — с восторженной радостью повторила мисс Бейтс. — Моя мама так довольна! Джейн никогда не видела мистера Элтона, и неудивительно, что ей так не терпится с ним познакомиться.

Джейн с трудом отвлеклась от грустных воспоминаний о последних днях в Уэймуте, о прощании с Рейчел, с Мэттом, о том, как он нервно отпрянул от ее протянутой руки...

Это утро было почти весенним: то ярко светило солнце, то принимался накрапывать дождь. Джейн ощущала странную нереальность происходящего. Почему-то ей казалось, что с детства знакомая деревня с мощенными булыжником узкими улочками, аккуратными коттеджами, новыми кирпичными домами, церковью, кузницей и конюшней была всего лишь сном, от которого она в любой момент может проснуться и окажется на эспланаде с Рейчел и Кэмпбеллами, Селси, мистером Джиллендером...

— Нет, я никогда не видела мистера Элтона, — сказала она, обращаясь к тете. — Какой он? Высокого роста?

— Ну, это смотря с кем сравнивать, — оживилась Эмма. — Мой отец сказал бы, что да, он высокий мужчина, мистер Найтли сказал бы, что он небольшого роста, а мисс Бейтс и я считаем его рост средним. Если вы поживете здесь подольше, мисс Фэрфакс, то поймете, что мистер Элтон в Хайбери считается образцом совершенства во всех отношениях. — Она бросила дерзкий дразнящий взгляд на мистера Найтли. Что-то они не договаривают, решила Джейн, относительно этого мистера Элтона.

— Если помнишь, Джейн, я тебе вчера говорила, что мистер Элтон в точности такого же роста, как мистер Перри.

— Вы молчите, мисс Фэрфакс, — сказала Эмма, — но я надеюсь, что вы проявите интерес к этой новости. Вы в последнее время видели и слышали так много об этих вещах...

Интересно, что она сейчас имеет в виду?

— Вы принимали такое деятельное участие в судьбе мисс Кэмпбелл. Мы вам не простим безразличия к мистеру Элтону и мисс Хокинс.

Ясные и блестящие карие глаза Эммы, казалось, пронзили Джейн насквозь — так игла вонзается в абсцесс — и узнали все ее тайны.

— Когда я увижу мистера Элтона, — ответила Джейн со всем спокойствием, которое сумела показать, — то непременно заинтересуюсь, но пока вряд ли можно этого от меня требовать. А поскольку свадьба мисс Кэмпбелл состоялась несколько месяцев назад, боюсь, впечатления уже немного поблекли.

К счастью для Джейн, ее тетя продолжила обсуждение животрепещущего вопроса относительно помолвки мистера Элтона, и ее задумчивое молчание осталось без внимания. От мыслей ее отвлек вопрос мисс Бейтс, обращенный к Эмме:

— Что слышно от мистера Джона Найтли, мисс Вудхаус? О, милые детки! Знаешь,

Джейн, я всегда представляла себе, что мистер Диксон похож на мистера Джона Найтли.

Джейн трудно было удивить сильнее.

— Ты ошибаешься, дорогая тетушка, — ответствовала она.

— Я имею в виду внешнее сходство: высокий, привлекательный, неразговорчивый.

— Между ними нет никакого сходства, уверяю тебя. Мистер Диксон очень разговорчив, даже слишком, а его мелодичный ирландский говор многие находят чрезвычайно привлекательным.

— Ты хочешь сказать, что мистера Диксона, строго говоря, нельзя назвать красивым?

— Красивым? О нет, конечно же, нет. Я писала тебе, тетя Хетти, что он имеет совершенно обыкновенную внешность: черные взъерошенные волосы, продолговатое лицо... — Ее голос слегка дрогнул.

— Моя дорогая Джейн, ты писала, что мисс Кэмпбелл не позволит ему остаться обыкновенным — я это отлично помню, и еще ты писала, что сама...

— Что касается меня, — быстро перебила ее Джейн, видя, что Эмма не сводит с нее возбужденных глаз и вообще проявляет глубокий интерес к разговору, — мое мнение ничего не стоит. Я всегда считаю человека привлекательным. Так что, говоря о простой внешности мистера Диксона, я излагала общее мнение.

Джейн и сама не ожидала, что ей будет так трудно произносить эти два слова — мистер Диксон. «Я больше никогда его не увижу, — подумала она, — и поэтому вполне могу позволить себе роскошь поговорить о нем, если люди спрашивают».

— Ну что же, моя дорогая Джейн, полагаю, нам пора идти. Погода портится, и бабушка будет тревожиться. Джейн, тебе лучше поспешить прямо домой — мне бы не хотелось, чтобы ты промокла. Ах, мистер Найтли тоже уходит. Это хорошо. Не сомневаюсь, что если Джейн почувствует усталость, вы любезно предложите ей руку...

И через несколько минут Джейн обнаружила, что идет домой под руку с мистером Найтли.

— Если вы сумеете сохранить этот темп, мисс Фэрфакс, то, безусловно, окажетесь дома раньше, чем пойдет дождь. Зря тетя позволила вам выйти на улицу в такую пасмурную погоду. Но я знаю ее любовь к новостям. Когда дни станут длиннее, надеюсь, вы не откажетесь от верховой прогулки со мной? Судя по вашему внешнему виду — полагаю, вы позволите мне говорить прямо, как доброму старому другу, — вам необходим свежий воздух. И еще вам бы не мешало немного поправиться.

Джейн покраснела — таково было дружеское участие его тона и смятение ее собственных чувств, — и глаза ее заблестели от слез.

— Что вы, — всполошился мистер Найтли, — у меня и в мыслях не было вас обидеть. Вероятно, вы еще чувствуете усталость после долгого путешествия. Заходите скорее в дом. Через несколько дней свежий воздух и любовь близких вам помогут.

И он, с улыбкой попрощавшись, быстро зашагал по улице. Дождь с каждой минутой усиливался.

Прошло десять дней, и Джейн начала получать письма от своих друзей из Ирландии. Они были очень добрыми и внимательными, эти письма; редко проходило два или три дня без короткой записки от полковника Кэмпбелла, небольшого послания от его супруги, которая и в Бейли-Крейг занималась общественной деятельностью и вела обширную переписку, или длинного подробного письма от Рейчел или миссис Диксон, в конце которого нередко была строчка: «Мэтт передает привет».

«Мы очень счастливы, — писала Рейчел. — Думаю, в будущем нам будет хорошо. И мне все больше нравится мать Мэтта. Мы предложили ей постоянно жить вместе с нами, ведь Бейли-Крейг огромен — наполовину ферма, наполовину замок. Думаю, я еще не была во всех комнатах. Я постоянно рисую: холмы, маленькие домики, рыбаков. Они любят Мэтта, и он любит их. Я не понимаю их языка. Мэтт очень рад вернуться в родные места. Грусть и одиночество, вполне естественные, если учесть, что он никогда не бывал здесь без Сэма, постепенно оставляют его».

«И он забывает меня, — подумала Джейн. — И это хорошо. Интересно, у всех мужчин такая короткая память?»

Но она была удивлена и обрадована частотой писем Фрэнка и искренней приязнью, которой они были проникнуты.

— Скажу вам честно, мисс Фэрфакс, вам пишет много людей, — часто повторяла старая почтмейстерша миссис Стэнден, глядя на нее поверх очков и передавая очередное письмо. — Почти каждое утро для вас есть послание. У молодых людей есть много времени для писем.

И Джейн, идя домой кружным путем, мимо гостиницы «Георгий и дракон» и платной конюшни мистера Коула, читала и перечитывала добрые слова Фрэнка, а на подходе к дому прятала его письма на дно сумочки. Его послания были еще и забавными — полными веселости, дружеских чувств и тепла. Он описывал свои занятия, упоминал о надежде уговорить тетю и дядю переехать в Лондон — возможно, в следующем месяце. Он с искренней заботой интересовался делами Джейн: как ее здоровье, удалось ли ей избавиться от простуды, часто ли плохое самочувствие вынуждает ее ложиться в постель? Много ли она гуляет? Имеет ли время работать, читать, играть на фортепиано? Есть ли в Хайбери приятная компания? Он уже получил восторженные сведения о ней от отца и мачехи. Он думает о ней, скучает и с нетерпением ждет встречи.

Получение таких писем существенно скрашивало жизнь Джейн — единственным неудобством была необходимость скрывать их, так же как и свои ответы. Но зато часто приходившие письма из Ирландии помогали ей хранить переписку с Френком в тайне. Поскольку каждую неделю приходило несколько писем от Диксонов или Кэмпбеллов, которые она читала своим родственникам вслух, спрятать среди них одно или два из Бата или Йоркшира было нетрудно. Постепенно Джейн полюбила ежедневные утренние походы на почту. В это время она была одна, могла подумать, быть собой, планировать, вспоминать и надеяться.

Шли дни, и она стала понимать, какую большую роль теперь играет Фрэнк Черчилль в ее жизни; насколько важным человеком он стал для нее; как отличаются его обещания и планы от ее унылого будущего.

Мистер Элтон вернулся из Бата, чтобы получить поздравления по случаю помолвки и слегка покрасоваться перед женским населением Хайбери. Джейн он не понравился — она посчитала его вульгарным. Пожалуй, не красивый, а смазливый, несколько самодовольный молодой человек, весьма общительный, у которого всегда найдется шутка или улыбка для каждого; но вместе с тем в нем было что-то неприятное. Некая искусственность, решила Джейн. «Я не верю, что он способен на глубокие мысли, сострадание и внимание, как это пристало священнослужителю. К тому же он тщеславен, выставляет напоказ себя и свою помолвку, старается привлечь к себе внимание. Интересно, чье? Возможно, Эммы Вудхаус? Если да, тогда у нее вкус хуже, чем я думаю, хотя, с другой стороны, у нее так мало опыта...»

При ближайшем знакомстве Джейн решила, что мистер Элтон достаточно вежлив, и она не могла не признать, что он проявил должное внимание к бабушке и тете, пригласив их занять его скамью в церкви — миссис Бейтс с годами слышала все хуже. Но она не могла отнестись к нему с теплотой; по сравнению с Фрэнком Черчиллем, остроумным и внимательным, он был слишком утомительным и несдержанным, и потому она не почувствовала потери, когда он вернулся в Бат, где через некоторое время должна была состояться его свадьба с мисс Хокинс.

В день после его отъезда пришли более интересные известия.

«Мои дядя и тетя, — написал Фрэнк, — ожидают неких престарелых гостей, которые прибудут на две недели в Энскомб. Как только они пожалуют и устроятся, я уеду, проведу ночь в Оксфорде и надеюсь прибыть в Хайбери в следующий вторник на две недели. Меня отпустили на столь долгий срок! Какая радость! Я снова увижу вас, дорогая мисс Фэрфакс, и так скоро! Преданный вам Ф.Ч.»

Письмо, которое Джейн прочитала по дороге домой, согрело ей сердце. Весь день она лучилась радостью. В последние недели она начала понимать, каким смертельно скучным и унылым может быть Хайбери. Ей не хватало умных разговоров, легкого общения, обмена идеями, ежедневного обсуждения книг и всевозможных общественных проблем, словом, всего, что она имела в избытке у Кэмпбеллов. В Хайбери ничего подобного не было, здесь обменивались слухами; старые дамы останавливались на улице, чтобы обсудить десять тысяч приданого мисс Августы Хокинс и вероятный цвет нового экипажа мистера Элтона, но вести умные интересные разговоры здесь было не с кем. С Фрэнком ей было интересно, хотя, конечно, не так, как с Мэттом Диксоном, с его поэтическими фантазиями и периодическими вспышками гениальности. Однако Фрэнк был разумным и хорошо образованным молодым человеком, эрудированным, начитанным и, кроме того, остроумным и веселым. Теперь, оглядываясь назад, Джейн посчитала его настоящим сокровищем. Возможно, понадеялась Джейн, миссис Элтон окажется общительной женщиной, с которой можно будет подружиться и хотя бы частично заполнить место, которое всегда занимала в ее жизни Рейчел. Теперь я могу понять, думала она, что имеет в виду бедная тетя Хетти, искренне радуясь новой соседке. В Хайбери люди слишком поглощены собственными делами, чтобы проявлять интерес к тому, что происходит за его пределами. Хотя все знали, что Джейн побывала в Вест-Индии, мало кто спрашивал ее мнения или просил рассказать о далеких островах, да и у тех, кто просил, никогда не хватало терпения дослушать до конца.

Вскоре пришел мистер Уэстон и с радостью объявил о скором прибытии своего сына. Теперь Джейн могла поговорить об этом с бабушкой и тетей.

— Бедный мистер Уэстон был так разочарован на Рождество, когда молодой человек не смог приехать. Правда, мистер Найтли сказал, что он, конечно же, мог бы приехать, если бы

действительно решил, но не так-то легко потакать желаниям богатых родственников! Мистер Найтли выразился несколько резко о молодом человеке. Мистер Найтли имеет собственные взгляды на многие вещи, такие, например, как дружба между мисс Вудхаус и мисс Смит. Стандарты мистера Найтли очень высоки.

В душе Джейн была согласна с отношением мистера Найтли к этой дружбе. Она считала, что такие отношения не делают чести Эмме Вудхаус. Она неоднократно видела подруг вместе и не могла не заметить, с каким рабским обожанием взирает мисс Смит на мисс Вудхаус, тотчас соглашаясь с любым ее словом, и как милостиво мисс Вудхаус принимает эти знаки почтения. Мистер Найтли проявил свой обычный здравый смысл, не одобряя эту дружбу, размышляла Джейн, и с невольным содроганием задалась вопросом, что мистер Найтли подумает о Фрэнке Черчилле, когда они встретятся?

Наступил день предполагаемого визита Фрэнка, и Джейн потеряла покой. Она попыталась убедить себя, что не должна так много о нем думать. В конце концов, это всего лишь Фрэнк Черчилль! В Уэймуте она часто вообще не замечала, с ними он или нет. Нов Хайбери все было по-другому. Его образ за время разлуки незаметно менялся, и она сама удивилась силе своего желания увидеть его. Он скажет отцу, что познакомился в Уэймуте с некой мисс Фэрфакс, которая, насколько ему известно, теперь живет в Хайбери. Когда же он придет? Через два дня? Или через три? Или, возможно, подстроит их случайную встречу на Хай-стрит?

Но к ее великому удивлению, в тот же день раздался стук в дверь, и Патти с округлившимися глазами сообщила, что незнакомый молодой джентльмен по имени мистер Черчилль спрашивает мисс Джейн.

— Вот как? Надо же! А я думала! — засуетилась мисс Бейтс. — Помнишь, Джейн? Хотя нет, кажется, тогда ты была внизу — в кухне, но двадцать минут назад я видела мистера Уэстона с незнакомым молодым человеком. О, сказала я твоей бабушке, возможно, это и есть сын мистера Уэстона, которого он так долго ждал. Нет, не может быть! Но если это не мистер Черчилль, то кто тогда?

К этому времени Фрэнк уже поднялся по лестнице и, улыбаясь, ожидал, пока его представят дамам.

— Бабушка, тетя Хетти, — сказала она, — позвольте вам представить мистера Фрэнка Черчилля, о котором я вам рассказывала.

Все время, пока тетя Хетти обрушивала на Фрэнка чрезмерную волну приветствий, предлагая ему кусочек сладкого пирога из буфета, или печеное яблоко — из сада мистера Найтли, у него в этом году был великолепный урожай яблок, или стакан елового пива, которое она приготовила сама, Джейн старательно отводила глаза. Она боялась посмотреть ему в лицо. «Я не должна стыдиться собственного дома, — мысленно твердила она, — не должна думать о том, что это место совершенно не похоже на дом в Уэймуте или на Манчестер-сквер. Я не должна смущаться из-за того, что наверху слышно, как цирюльник разговаривает с клиентом, что тетя Хетти так навязчива. Я не должна стыдиться! И если все же я испытываю крайне неприятные чувства, то это моя вина, а не моего дома и родных».

Джейн уныло посмотрела в окно на узкую мощеную улочку, где две собаки дрались из-за кости, а жующий соломинку конюх обменивался сплетнями с плотником на пороге гостиницы «Корона».

Она слышала, как Фрэнк сказал:

— На самом деле нет. Я очень люблю сладкий пирог, а этот выглядит просто

замечательно. Он с тмином, не так ли? Вы испекли его сами, мисс Бейтс? Я обязательно попрошу у вас рецепт для экономки моей тетушки.

Сделав над собой усилие, Джейн наконец заставила себя посмотреть ему в глаза и получила такую ласковую и дружескую улыбку, что ее настроение, до этого момента бывшее хуже некуда, неожиданно улучшилось.

Он объяснил, что приехал накануне вечером, несколько изменив свои планы.

— Ненавижу плестись, — улыбнулся он, — а когда впереди тебя ожидает встреча с друзьями, хочется добраться до места быстрее.

— Как дела у вашего отца? И у миссис Уэстон?

— Они оба посылают вам свои самые лучшие пожелания. Отец пошел с каким-то делом в конюшню мистера Коула, а потом у него поручение от мачехи к Форду, где я должен с ним вскоре встретиться. Возможно, мэм, вы объясните мне, где искать этого самого Форда?

Он немедленно получил самую подробную информацию, но, судя по всему, почти ничего не понял.

— Так куда я должен повернуть от «Георгия» — налево или направо?

— Возможно, — сказала мисс Бейтс, — Джейн вас проводит, и тогда она сможет узнать у миссис Форд относительно перчаток, которые она заказала для меня. Утро ясное, так что прогулка будет хорошей. Вы не находите мою племянницу слишком бледной, мистер Черчилль? Вы встречались с ней в Уэймуте, где много солнца и моря. Не кажется ли вам, что она очень уж побледнела? Многие знакомые об этом говорят. Только на днях миссис Годдард мне сказала: «Мы думаем, что Джейн очень бледна, возможно, ей надо чаще бывать на свежем воздухе». «О, миссис Годдард, — сказала я, — мы...»

Фрэнк заверил встревоженную тетушку, что ее племянница вовсе не бледна. Хотя в тот момент это было правдой — щеки Джейн действительно побелели. Когда же пара вышла на улицу и очень медленно пошла в сторону магазина Форда, Фрэнк с искренней тревогой спросил:

— Почему вы так бледны? Что случилось? Вы больны? Возможно, воздух родных мест вам не подходит?

— Все в порядке, — быстро ответила Джейн. — Я совершенно здорова.

— И счастливы?

— Я учусь быть счастливой. Я уже очень счастлива только по той причине, что приехала домой, к бабушке и тете Хетти. Вероятно, все дело в том, что здесь у меня очень маленькая комнатка, да и сердце никак не может смириться с потерей дорогих мне людей. — Она замолчала и прикусила губу.

Фрэнк осмелился коснуться ее руки, обводя вокруг лужи, и заботливо взглянул ей в глаза.

— Я знаю. И понимаю ваши чувства. Но... — Глаза Фрэнка заискрились смехом. — Теперь я здесь, и, значит, хотя бы малая часть друзей к вам вернулась. Надеюсь, мы будем часто встречаться.

— Но не слишком часто, — очень сдержанно проговорила Джейн. — Иначе пойдут слухи. Здесь с этим очень просто. А их-то как раз вы не можете себе позволить.

Джейн со всей остротой почувствовала неприятные аспекты своего положения.

— Но, — жизнерадостно сказал Фрэнк, — я уже придумал, как прикрыть нашу дружбу. В деревне есть еще несколько молодых леди. По крайней мере одну я уже сегодня встретил. Я познакомлюсь со всеми и стану с ними встречаться, так что никто не сможет сказать, что

я выделяю какую-то одну из них. А если в деревне меня будут считать повесой, полагаю, я это как-нибудь переживу. Ну, как вы считаете, разве не отличный план?

— План хороший, — согласилась Джейн, стараясь не обращать внимания на внезапную слабость и ощущение пустоты. Неужели ее чувства к этому молодому человеку настолько изменились? Она ревнует? Может ли быть такое? Вроде бы нет! Но почему тогда ей так отчаянно, до боли не нравится этот отвлекающий маневр?

— Какую молодую леди вы сегодня встретили?

— Некую мисс Вудхаус. Отец взял меня с собой, когда отправился к ней с визитом. Думаю, вы ее знаете. Очень самодовольная особа. Она довольна всем — своей внешностью, состоянием, умом. Думаю, она подойдет в качестве «ширмы». На самом деле я сразу понял, что отец был бы рад, если бы мы с мисс Вудхаус поженились.

— Против такой кандидатуры ваши йоркширские родственники тоже не имели бы возражений. — Джейн произнесла эти слова довольно холодно и тут же пожалела, что не придержала язык.

Взяв Джейн за руку, чтобы перевести через улицу, Фрэнк тихо сказал:

— Но вы же знаете, что мои планы и желания связаны совсем с другой особой. Я предпочитаю совершенную красоту обычной миловидности. Кроме того, мисс Эмма слишком упитанная, а ее хваленый ум таковым вовсе не является. Ваша подруга Рейчел намного более умный и понимающий человек.

Успокоившись, Джейн смогла вполне искреннее улыбнуться мистеру Уэстону, только что покинувшему магазин.

— А вот и ты! — радостно закричал мистер Уэстон. — И вместе с мисс Фэрфакс. Очень хорошо! Разве мой сын не чудесный мальчик, мисс Фэрфакс? Ах, я забыл, вы уже встречались. Как я рад вас видеть! Как поживают ваши добрейшие родственницы? Хорошо? Рад это слышать. Ну а теперь Фрэнк, мой мальчик, нам пора идти. Нам надо нанести еще несколько визитов, а потом нас будет ожидать миссис Уэстон. Увидимся, мисс Джейн. Вы и мисс Бейтс должны обязательно как-нибудь на днях заглянуть в Рэндаллс и поиграть для нас. — Мистер Уэстон, едва попрощавшись, взял Фрэнка под руку и потащил за собой, одновременно говоря: — Это хороший, добрый жест — пригласить ее поиграть. Ведь у бедных дам Бейтс нет даже пианино.

Джейн, брошенная возле магазина Форда, чувствовала себя так, словно из нее выкачали весь воздух, всю жизнь. Фрэнк и его отец казались такими веселыми, им было так хорошо вместе. Но она... как она вынесет такой обман? Как сможет увидеться с Фрэнком снова, поговорить с ним наедине? Где бы они ни встретились, это будет в присутствии посторонних людей, под строгим надзором. Нет, ничего хорошего из этого не выйдет.

А Фрэнк, казалось, наслаждался перспективой такого притворства, такой маскировки.

«Что я наделала? — снова и снова задавала себе Джейн этот вопрос. — Что я наделала?»

Наконец она вышла из ступора и медленно направилась в магазин.

На следующее утро Джейн, выглянув из окна, заметила Фрэнка в компании Эммы Вудхаус и миссис Уэстон. Компания стояла на противоположной стороне улицы перед гостиницей «Корона». Очевидно, они обсуждали ее архитектуру. Окна комнат, занимаемых клубом, были открыты, Фрэнк заглянул внутрь, потом что-то спросил у своих спутниц, те покачали головами. Похоже, между ними были самые дружеские, самые добрые отношения.

Только гордость удержала Джейн от того, чтобы не выйти на улицу. Все равно она не сможет присоединиться к группе. Они явно наслаждаются обществом друг друга.

Уже в который раз Джейн остро почувствовала, как ей не хватает фортепиано. Она уже давно привыкла в моменты одиночества и плохого настроения садиться за инструмент и выражать свои чувства в музыке, но теперь такое облегчение было ей недоступно. Конечно, она могла пойти к Коулам, но там по комнатам постоянно бегали маленькие девочки, прерывая ее, да и их разговорчивая мать не давала ни минуты покоя; о каком уединении можно говорить? Она достала набор для писем, который, если не использовался, жил под кроватью, положила в спальне на столик для умывания и продолжила незаконченное письмо к Рейчел Диксон.

На следующее утро тетя Хетти выглянула из окна, что делала по крайней мере каждые полчаса, когда была дома, и воскликнула:

— Ей-богу, сюда идут миссис и мистер Уэстон! Но где же, интересно, их симпатичный молодой человек?

Уэстоны принесли связку фазанов — мистер Уэстон и его сын накануне ходили на охоту и подстрелили много птиц.

— Кто-то говорил, я только не помню, кто именно, что старая миссис Бейтс очень любит фазанов.

— О, моя дорогая мэм! Мой дорогой сэръ! Я всегда говорила, что истинную доброту наших соседей не может превзойти никто! Но где же ваш сын? Где этот красивый молодой человек?

Уэстоны слегка смутились, но постарались скрыть это, весело рассмеявшись.

— Он уехал в Лондон, чтобы постричься. Вечером приедет.

— В Лондон? Шестнадцать миль? Стричься? А что не так с нашим Бен-Страдвиком в цирюльне на первом этаже?

— Ну, понимаете, Фрэнк так воспитали. Ему подходит только лучшее. Боюсь, он настоящий денди, — снова засмеялся его отец. — Но, в конце концов, он молод и может себе это позволить; да, мисс Джейн? Когда молодой человек начинает уделять особенное внимание своей наружности, мы же с вами знаем, что это значит? — После этого последовал смутный намек на мисс Вудхаус, который Джейн предпочла пропустить мимо ушей. Миссис Уэстон казалась более обеспокоенной этим проявлением пижонства, чем ее супруг, но сказала, что Фрэнк на самом деле очень хороший и милый мальчик.

Дамы Бейтс, оставшись в одиночестве, никак не могли успокоиться и еще долго говорили об экстравагантности и причудах современной молодежи.

— Шестнадцать миль дважды в день! Почтовый экипаж из «Короны»! Вот кто не считает расходов!

Они обсуждали это всю вторую половину дня; поскольку начался дождь, Джейн не могла выйти на улицу. Фрэнку придется изрядно помокнуть в Лондоне, подумала она и задалась вопросом: а чем еще он займется в Лондоне, кроме стрижки? Но у Черчиллей, разумеется, в Лондоне много друзей и знакомых. Несомненно, он проведет время в хорошей компании.

Об этом она предпочла не думать.

Миссис Коул заглянула к ним перед наступлением темноты, чтобы высказать свое мнение об излишествах, к которым склонна нынешняя молодежь: «Хвала Господу, что у меня девочки!» И чтобы пригласить дам Бейтс в гости в будущий вторник: «Мы с

удовольствием послушаем музыку, хорошую музыку; мисс Джейн должна принести свои лучшие ноты!»

— Да, — сказала тетя Хетти, удобно расположившись в кресле, когда гостя ушла. — Коулы — дружелюбная и общительная пара, о таких соседях можно только мечтать. Впрочем, они могут себе это позволить. Его конюшни, да и бизнес в Лондоне тоже, в последние годы приносят настолько хороший доход, что он даже смог пристроить новое крыло к дому. Увидишь, когда мы пойдем туда во вторник, Джейн.

— Я уже видела, тетя.

— Ах, ну да. С возрастом я стала забывчивой, — легко рассмеялась над собой тетя Хетти. — Бабушка очень любит посидеть с мистером Вудхаусом в таких случаях, так чтобы мисс Эмма тоже могла повеселиться. Миссис Годдард заедет за бабушкой, и они вместе поиграют в нарды, к тому же мисс Эмма всегда заботится о том, чтобы у них было хорошее угощение — вино и бисквиты им подают всегда, а иногда еще и легкий ужин — фрикасе или спаржу, до которой твоя бабушка большая охотница...

— Но почему, — спросила Джейн, тщето стараясь скрыть возмущение и обиду, — Эмму Вудхаус приглашают на ужин к Коулам, а тебя и меня только после ужина?

Тетя Хетти нервно затеребила край своей шали.

— Понимаешь ли, дорогая, мы находимся в таких обстоятельствах... незамужние женщины... дамы без джентльменов — обуза за ужином, они должны сами за собой ухаживать...

— Но Эмма Вудхаус тоже не замужем.

— Зато у нее состояние в тридцать тысяч фунтов. Она самый влиятельный человек в Хайбери. И Коулы это знают. Между прочим, они еще год назад не осмелились бы ее пригласить, до того как дела мистера Коула не пошли в гору. Кстати, со своей стороны она оказывает большое снисхождение, Коулы вовсе не были уверены, что она примет приглашение. Ну а почему бы ей не прийти, она же повидает там своих добрых друзей: мистера и миссис Уэстон, молодого мистера Черчилля — возможно, из-за него она и согласилась — и мистера Найтли, и Понсонби, и Коксов. Знаешь, дамы Кокс тоже придут позже, вместе с мисс Смит, а она близкая подруга Эммы Вудхаус; так что у тебя нет никаких оснований считать, что тобой пренебрегли, абсолютно никаких.

Но Джейн все равно чувствовала себя обиженной, и ничего не могла с этим поделать.

На следующий день в церкви Фрэнк сумел оказаться рядом с ней и, якобы выясняя, кому принадлежит забытый на скамье молитвенник, тихо спросил:

— В котором часу вы ежедневно ходите на почту?

— В половине девятого.

У Фрэнка открылся рот — это было отчетливо видно, — но он взял себя в руки и сказал:

— Тогда мы с вами встретимся там как-нибудь на днях. — После этого он предложил молитвенник другой даме.

Почта располагалась в другом конце Хай-стрит. В понедельник утром Джейн надеялась увидеть там Фрэнка, но он так и не появился.

Однако позднее в тот же день произошло такое удивительное событие, что Джейн и думать забыла о ненадежности Фрэнка и разборчивом гостеприимстве Коулов: перед их домом остановился извозчик, спросил Бейтсов или Фэрфакс и начал выгружать некую громоздкую вещь, тщательно упакованную в мешковину.

— Но что это? — вскричала тетя Хетти. — Что это такое? Наверное, здесь какая-то

ошибка!

Но нет, посылка была адресована мисс Джейн Фэрфакс, живущей у Бейтсов на Хай-стрит, Хайбери, Суррей. А когда с большим трудом посылка была внесена по узкой лестнице в маленькую гостиную дам Бейтс и избавлена от упаковки, перед изумленной Джейн оказалось очень красивое пианино от Боудвуда и объемистый пакет нот. В крошечной гостиной инструмент едва удалось установить — для этого пришлось убрать один из виндзорских стульев в спальню, которую Джейн делила с тетей, и опустить доску складного стола.

— Но от кого это? — не могла успокоиться тетя Хетти. — Неужели не было никакого письма? Карточки? Записки?

Извозчик покачал головой.

— Нет? Это величайшая тайна в мире! Я никогда в жизни не была так потрясена, — снова и снова твердила мисс Бейтс, когда извозчика отправили вниз выпить стакан пива в компании Патти.

— Наверное, это подарок полковника и миссис Кэмпбелл, — в волнении пробормотала Джейн.

— Как они добры! Как заботливы! Они знают, как тебе не хватает музыки! Но все же это очень странно. Почему полковник не упомянул об этом в последнем письме? Почему не предупредил?

— Вероятно, письмо придет позже.

— Да, наверное, так оно и будет.

Пианино, хотя и привело Джейн в смущение, оказалось для нее большим утешением. Она не видела Фрэнка после короткой встречи в церкви, и этот знак его внимания, истинной заботы о ней и ее нуждах был трогательным и волнующим. В тот день она играла очень долго и остановилась, только когда решила, что родственники и соседи не вынесут больше музыки.

Во вторник утром Фрэнк стоял у почтового прилавка и тщетно требовал у почтмейстерши посылку с шерстью, которую ожидала его мачеха. На его лице отчетливо читалась вина, но вместе с тем он едва сдерживал смех.

— Признаюсь честно, вчера утром я проспал. Грешен, люблю поспать.

Джейн со смущением стала его благодарить.

— Вы не должны были... не стоило...

— Конечно, должен был! Знать, что вы нуждаетесь в том, что вам необходимо как воздух — а я легко могу это вам дать...

Пианино, Джейн это знала точно, обошлось ему не менее чем в тридцать гиней.

— Все равно это неправильно...

— Я увижу вас сегодня вечером у Коулов? — перебил ее Фрэнк.

— Да, мы с тетей Хетти придем после ужина.

Он с недовольным видом покачал головой.

— Кокс и его сын! Толстый нотариус и неоперившийся юный клерк. Но послушайте! Я должен сказать вам кое-что очень занимательное.

— Да?

— Это касается мисс Вудхаус.

— Что же это? — спросила Джейн значительно менее заинтересованным тоном.

— Судя по всему, мисс Вудхаус взяла на себя роль свахи и предсказательницы романтических привязанностей. — «С нее станется», — подумала Джейн, вспомнив их детские игры. — Так вот, по ее словам, именно она свела мисс Тейлор и моего отца. Потом она сказала моей мачехе, что не кто иной, как она, заметила искры страсти, зарождавшейся между викарием Элтоном и ее протеже, юной мисс Смит. Но здесь что-то пошло не так. Викарий вывернулся из ее цепких рук и нашел свою любовь в Бате. А сейчас — и мне это известно из самого надежного источника, то есть от самой мисс Вудхаус — она, не теряя времени, поделилась со мной своими подозрениями, она открыла глубокие тайные романтические чувства между — догадайтесь кем?

— Откуда же мне знать? — Джейн пожала плечами, но почувствовала неприятный укол в сердце.

— Между вами и мистером Диксоном, вот так! Все это было сказано мне, незнакомцу, при второй встрече, когда мы гуляли по деревне вместе с моей мачехой. Эмма хотела знать, правда ли, что мистеру Диксону больше нравилась ваша игра на пианино, чем экзерсисы Рейчел Кэмпбелл? Возможно, он и вас предпочитал ей? И правда ли, что он умолял вас сопровождать молодоженов в Ирландию?

— Она действительно задавала вам такие вопросы? — Джейн буквально остолбенела.

— Да! Не кажется ли вам, что это слишком уж странно — наводить справки о людях, которых она никогда в жизни не видела, у людей, с которыми только что познакомилась! Она вообще странная молодая леди, эта мисс Эмма Вудхаус, и мне кажется, удивительно неделикатная. Забавно это все, правда?

— О да, — тихо проговорила Джейн.

— И очень удобно для нас! — жизнерадостно продолжил Фрэнк. — Если эта мисс Вудхаус, уж не знаю по каким причинам, будет выискивать тайную связь между вами и Диксоном, это не позволит ей задуматься о связи между вами и мной. Леди явно идет по ложному следу, ну и пусть.

Эпизод настолько явно развлек его, что Джейн поневоле задумалась: неужели дни, проведенные в Уэймуте, окончательно выветрились из его памяти и имя Диксона теперь звучит для него как ленивая шутка? Неужели она ошибочно предположила, что он знает о ее чувствах к Мэтту?

Возможно, он окажется столь же забывчивым и в других отношениях? Таким же, как Мэтт Диксон?

— Мне пора идти, — нервно сказала она. — Дома не поймут, куда я делась.

Она еще раз попыталась выразить искреннюю благодарность за пианино, сожалея о поспешности и экстравагантности подарка. Но Фрэнк отмахнулся от ее благодарности и попрощался.

— До вечера, — улыбнулся он и зашагал по направлению к Рэндаллсу. Им было не по пути.

Сделав несколько шагов, он обернулся и засмеялся.

— Кстати, интересно, что подумает мисс Эмма о пианино? Возможно, она решит, что его прислал Мэтт Диксон?

Вечеринка у Коулов была веселой и совершенно лишенной официальности.

Несмотря на то что ее отнесли к низшей, не достойной ужина части гостей, Джейн постаралась одеться как можно тщательнее. Еще больше внимания она уделила своей прическе. Занимаясь волосами, она вспомнила о Рейчел и тяжело вздохнула. Ей очень не хватало дорогой подруги.

«Люди в Ирландии необычные, — писала Рейчел в письме, полученном Джейн утром того же дня, — но мне они нравятся все больше и больше. Они просты, выразительны и забавны, совершенно не похожи на бабушку Фицрой и ее друзей. Я могу слушать их разговоры бесконечно — они так интересно выражают свои мысли. Теперь я понимаю, где истоки поэтического дара Мэтта (ты будешь рада услышать, что он снова начал писать). Ирландцам нравится, как я разговариваю, — они ко мне очень добры!»

«Наконец-то, — подумала Джейн, — Рейчел нашла компанию, которая ценит ее по достоинству. Я все сделала правильно. Да, я была права».

Это убеждение не слишком помогло, когда вечером вместе с тетей Хетти она вошла в просторную гостиную дома Коулов. Леди, которые ужинали в доме, уже собрались у камина, джентльмены еще не вышли.

Джейн сразу оказалась в центре внимания, подвергнувшись строгому допросу относительно пианино, новость о котором облетела всю деревню. Миссис Уэстон, миссис Коул, миссис Кокс, миссис Отуэй, миссис Гилберт, миссис Понсонби — все желали удовлетворить свое любопытство относительно изготовителя инструмента, качества звука, легкости нажатия педалей и настройки. Известно ли, от кого оно? Разве это не странно? Давно ли она получала известия от полковника Кэмпбелла? Или от миссис Диксон? Пианино вызвало больший ажиотаж, чем вся предыдущая история Джейн, включая заграничное путешествие. Через десять минут ответов на вопросы Джейн уже от всего сердца желала, чтобы пианино никогда не появлялось в Хайбери. Ее лицо застыло страдальческой маской. Она начала думать, что этот инструмент — наказание, а вовсе не удовольствие.

Не задавала никаких вопросов только Эмма Вудхаус. Она полагает, что и так все знает, подумала Джейн и не почувствовала благодарности к этой леди за тактичность. Эмма, красиво одетая, сидела в стороне и о чем-то тихо беседовала со своей подругой мисс Смит.

Через некоторое время в гостиную начали входить джентльмены, покрасневшие и довольные вином и приятной беседой. Фрэнк шел в первых рядах. Он прошел мимо Джейн и мисс Бейтс, сидевших у двери, мимолетно улыбнувшись им, и остановился рядом с мисс Вудхаус и ее подругой. Он стоял возле Эммы, пока рядом не освободилось место, и сел, продолжая оживленно болтать с юными леди. Это продолжалось, как показалось Джейн, бесконечно долго. На самом деле прошло семь или восемь минут.

Когда же джентльменов стало больше и в компании начались перемещения, мистер Черчилль взглянул в ее направлении, адресовал какую-то фразу Эмме, которая тоже посмотрела на нее, потом встал и начал пробираться сквозь толпу к ней.

Наконец он остановился перед ней с широкой улыбкой на довольной физиономии.

Джейн встретила его неласковым взглядом.

— Добрый вечер, мисс Бейтс, — сказал он, обращаясь к тете Хетти. — Я как раз

говорил мисс Вудхаус, как мне нравится прическа вашей племянницы. Удивительно оригинально. Я ничего похожего здесь не видел. Можно сделать вывод, что это лондонская или парижская мода, которую она привезла сюда, чтобы ослепить местных жительниц.

— На самом деле она придумала ее сама, — сказала мисс Бейтс. — Чудесно, правда? Такое не сможет повторить ни один парикмахер Лондона. Но у Джейн всегда был талант к такого рода вещам. Знаете, в Уэймуте она изучала «Ла белль ассамбле» и разные другие модные журналы. Ах, я забыла, вы же тоже были в Уэймуте. Я становлюсь ужасно забывчивой. Приятная вечеринка, не правда ли? Так много друзей... так много хороших людей...

В это время миссис Коул предложила мисс Бейтс выпить чаю, и та отвернулась, чтобы взять чашку. Фрэнк воспользовался моментом и отвел Джейн чуть в сторону.

— Вы будете рады узнать, что мне есть что вам сообщить относительно мисс Вудхаус и ее подозрений. Я сидел рядом с ней за ужином, и мы говорили в основном о вас. — «Я должна этому радоваться», — подумала Джейн. А Фрэнк тем временем продолжил говорить, но его голос стал более серьезным. — Но прежде всего скажите, как вы сюда добрались?

— Мистер Найтли любезно прислал за нами свой экипаж.

— Да? — В его голосе явно чувствовалось разочарование. — Мачеха хотела предложить воспользоваться экипажем отца, чтобы доставить вас домой — вы не должны идти полмили в темноте, — но раз уж Найтли...

— Это очень любезно со стороны миссис Уэстон, — сдержанно ответила Джейн, — и мы высоко ценим ее доброту, однако в этом нет никакой необходимости.

— Этот Найтли, похоже, хороший малый. Интересно, почему он ни разу не был женат? Возможно, всему виной разочарование в молодости... Но послушайте: Эмма Вудхаус ни минуты не сомневается, что пианино вам прислал Мэтт Диксон. Она обдумала, сопоставила факты и решила, что права. И за ужином всячески старалась меня в этом убедить. Ну, разве это не здорово? Она действительно необычная леди. Должно быть, у нее самое развитое воображение во всем Суррее. Удивительно забавно, вы не находите?

Он нашел для Джейн место, поместился рядом и продолжил:

— Теперь, когда у вас было время опробовать новое пианино, скажите: оно вам подходит? Я очень старался, выбирая. Пока мы были в Уэймуте, я всячески пытался изучить ваши вкусы.

— Можете не сомневаться, — несколько принужденно ответствовала Джейн, — что оно полностью соответствует моим вкусам.

Она не могла отделаться от неловкости и смущения. Ведь все видели, как они разговаривают! Даже при столь большом скоплении народа ей казалось, что все глаза устремлены на них.

— Оказывается, — снова заговорил Фрэнк, — мисс Вудхаус что-то слышала о том эпизоде — возможно, вы упомянули о нем в письме родным? — когда едва не оказались за бортом из-за непроходимой глупости и эгоизма Шарлотты Селси и Мэтт Диксон вас спас. Эта история, как вы сами понимаете, добавила углей в костер.

Он тихо засмеялся, но Джейн сразу вспомнилась та злосчастная морская прогулка: жара, палящее солнце, дискомфорт, неожиданная паника, когда судно накренилось, встревоженное лицо Мэтта Диксона, его руки...

— Ага! — воскликнул Фрэнк. — Я вижу, выкатывают фортепиано. Значит, сейчас настанет время музыки. Мисс Вудхаус, конечно, будет играть первой. Богатство всегда

одерживает верх над талантом. Да будет так.

Он бросил на Джейн выразительный взгляд и пошел, чтобы помогать устанавливать инструмент и выбирать ноты. Пока Эмма играла и пела две простенькие баллады, он присоединился к ее пению — у Фрэнка был приятный тенор — и был вознагражден бурными аплодисментами. У Мэтта голос намного лучше, подумала Джейн. После обычных вежливых восклицаний и отказов они вместе спели еще пару песенок. Затем Эмма грациозно встала и с очаровательной скромностью сказала, что ни ее голос, ни исполнение не могут идти в сравнение с великолепной игрой мисс Фэрфакс и прочее, и прочее...

Фрэнк и Джейн довольно долго пели вместе. Они исполнили много песен, которые так любили в Уэймуте, и, увлеченная музыкой, Джейн мысленно перенеслась в то счастливое время, когда все друзья были вместе и с ними еще был Сэм. Это, хотя она и не осознавала, придало ее голосу невыразимое очарование и блеск. Аплодисменты были оглушительными. Их просили петь еще и еще, и в конце концов Джейн даже охрипла.

Вмешался мистер Найтли.

— Это неправильно! — воскликнул он. — Мисс Бейтс, вы с ума сошли? Как можно позволять вашей племяннице петь до хрипоты, после того как она едва избавилась от жесточайшей простуды? Идите и вмешайтесь! Эти люди ее не жалеют!

— О да, вы правы! — всполошилась тетя Хетти. — Джейн, Джейн! Ты не должна подвергать опасности свое горло! Ты уже охрипла. Иди, сядь рядом со мной и позволь обернуть твое горло этим платком!

Фрэнк моментально выразил свое сожаление и раскаяние. Но Джейн услышала, как мистер Найтли недовольно сказал:

— Этот парень не думает ни о чем и любой ценой хочет выставить себя напоказ.

Джейн окружили друзья, они аплодировали и выражали свое восхищение; с тех пор как ее последний раз слышали в Хайбери, ее голос несравненно улучшился. Вскоре толпа оттеснила Фрэнка. Через несколько минут раздался веселый призыв к танцам. И сразу же стулья были убраны, фортепиано передвинуто к стене. Джейн, сидя рядом с тетей, почувствовала внезапную и сильную усталость; эмоции, порожденные песнями и вызванными ими воспоминаниями, истощили ее энергию. Она была рада покою.

Но когда мисс Уэстон села за фортепиано и заиграла вальс, Джейн подумала, что было бы хорошо станцевать этот неотразимый танец с Фрэнком, который был великолепным танцором. Она поискала его глазами.

Сначала его нигде не было видно, но потом она заметила, как он галантно поклонился Эмме Вудхаус и повел ее на середину зала.

— Ах, — воскликнула тетя Хетти, — юный мистер Черчилль танцует с мисс Вудхаус, так и должно быть: она здесь самая важная персона! Как грациозно она улыбается ему!

Пухлый мистер Коул, хозяин дома, пригласил Джейн на танец.

— Скажу вам прямо, мисс Фэрфакс, сегодня вы всех покорили своей игрой и пением. Просто удивительно, как ваши пальчики летают по клавишам. Как жаль, что вы не можете навсегда остаться в Хайбери, тогда я бы не задумываясь пригласил вас учить музыке моих трех малышей. Миссис Коул все время повторяет, что их теперешняя учительница сама ничего не умеет, но мы же ничего в этом не понимаем!

«Да, я гожусь только для этого», — с горечью думала Джейн, слушая, как скрипит при движении пояс мистера Коула. Такие пояса — одно из неудобств богатства, говорила миссис Коул; ее муж носит его только последний год.

Джейн поймала взгляд Фрэнка.

— Вы выглядите усталой, мисс Фэрфакс, — сказал он. — Боюсь, я слишком утомил вас пением.

Она ничего не успела бы ответить, даже если бы захотела; вскоре фигуры танца сменились, и они опять оказались в разных концах зала.

К сожалению, дело ограничилось двумя танцами. Вечеринка закончилась.

Джейн услышала, как Фрэнк сказал мисс Вудхаус:

— Возможно, это к лучшему. Я должен был пригласить мисс Фэрфакс, а ее вялость была бы слишком большим испытанием после вашей живости.

Мистер Найтли, сама доброта и забота, посадил Джейн и мисс Бейтс в свой экипаж, а сам собрался пройти пешком, чтобы не создавать им неудобств. Но мисс Бейтс, услышав об этом, громко запротестовала:

— Но здесь полно места для троих! И незачем идти пешком в Донуэлл! Это же целая миля! В такой темноте! Имея в своем распоряжении экипаж! Что за нелепая идея! Вы и думать об этом не должны. Вы обязаны ехать вместе с ними.

— Хорошо, — сказал мистер Найтли, — но я не стану приставать к вам с разговорами. Мне кажется, мисс Фэрфакс смертельно устала.

И Джейн получила возможность слегка расслабиться в тишине — даже тетя Хетти, возможно, под влиянием мистера Найтли, за всю дорогу не произнесла ни слова.

«Вечеринки — это ужасно, — подумала Джейн. — Никогда не захочу снова участвовать в чем-то подобном».

Следующее утро, однако, принесло ранний визит Фрэнка и миссис Уэстон, которые зашли справиться о горле мисс Фэрфакс. Не пострадало ли оно после перенапряжения прошлого вечера? «Фрэнк так сожалел, так раскаивался, так ругал себя за то, что ничего не заметил раньше».

Мисс Бейтс заверила гостей, что Джейн к утру вполне оправилась и, пожалуй, лишь немного вялая.

— Честно говоря, я тоже... бодрствовать в столь поздний час — это совсем не то, к чему мы привыкли. А тут еще такая неприятность — у моей мамы в очках ослабла заклепка, и у нас все вверх дном, к тому же от дорогого мистера Найтли принесли бушель яблок — он добр, как всегда; я хотела с утра пораньше отнести очки к Джону Сондерсу, но все время то одно... то другое...

— Позвольте мне взглянуть на очки, — сказал Фрэнк. — О, думаю, я сумею закрепить заклепку, если вы, конечно, позволите, мэм. На самом деле мне очень нравится подобная работа. Только дайте мне, пожалуйста, маленький нож с острым кончиком. Уверен, я справлюсь. — Потом он обратился к мачехе: — Кажется, вы собирались к Форду, мэм. Почему бы вам не отправиться туда, оставив меня здесь? А потом вернетесь за мной вместе с отцом. Он тоже хотел послушать, как звучит новое пианино мисс Фэрфакс.

— Хорошо, — улыбнулась миссис Уэстон. — Я вижу на улице мисс Вудхаус; я должна узнать, понравился ли ее отцу вечер в компании миссис Годдард.

— Там мисс Вудхаус? — оживилась мисс Бейтс. — Тогда я побегу с вами и приглашу ее подняться к нам и тоже послушать, как звучит пианино. Ей понравится, я уверена. При ее безупречном вкусе...

Мисс Бейтс и миссис Уэстон покинули маленькую гостиную вместе.

Старая миссис Бейтс, лишенная очков, а значит, и своего обычного шитья, тихо дремала в кресле у маленького очага. С улицы доносились голоса:

— Доброе утро! Какой восхитительный вечер! Что за изумительная музыка! — И стук копыт — когда лошадь мистера Перри скакала мимо, она поскользнулась на влажных булыжниках. Но для двух молодых людей внешний мир перестал существовать; они оказались вдвоем в маленькой тесной оболочке молчания. Наконец Фрэнк тихо сказал:

— Я так хотел потанцевать с вами.

Джейн, помня его последние слова, адресованные Эмме Вудхаус, нашла в себе достаточно сил, чтобы сказать:

— В самом деле? — Холодные и сухие нотки в ее голосе, должно быть, не остались незамеченными, и он продолжил с большой теплотой:

— Но у меня появилась отличная идея. Я попрошу отца и мачеху устроить небольшую вечеринку в Рэндаллсе — танцевальную вечеринку — для пяти или шести пар, которые танцевали прошлой ночью. Уверен, в Рэндаллсе достаточно большая гостиная. И тогда мы сможем потанцевать, так же как в Уэймуте. Та ночь была для меня такой большой радостью.

— Возможно, вам лучше заняться работой, за которую вы взялись? — холодно спросила Джейн. — Я слышу голоса у двери.

Фрэнк подошел к ней с явным намерением взять за руку; но Джейн резко отвернулась, отошла к пианино и начала перебирать ноты.

Они услышали, как мисс Бейтс сказала:

— Прошу вас, будьте осторожны, миссис Уэстон, здесь еще одна ступенька. Осторожнее, мисс Вудхаус, у нас на лестнице довольно темно. Соблюдайте осторожность, мисс Смит. Мисс Вудхаус, я очень встревожена: вы ушибли ножку. Мисс Смит, здесь ступенька.

Через минуту комната заполнилась людьми. Мисс Вудхаус и мисс Смит должным образом поприветствовали, усадили и предложили печеные яблоки и пирог.

— Как? — удивилась миссис Уэстон, обнаружив, что ее пасынок все еще держит в руке очки. — Ты еще не закончил работу? Вряд ли ты сможешь заработать себе на жизнь таким ремеслом.

Фрэнк объяснил, что помогал мисс Фэрфакс подкладывать под ножку пианино бумагу. Он очень вежливо поздоровался с мисс Вудхаус — даже слишком вежливо, потому что через несколько минут он уже сидел рядом и выбирал для нее самое лучшее печеное яблоко.

— Прошу вас, мисс Фэрфакс, доставьте нам удовольствие! — воскликнула миссис Уэстон. — Нам очень хочется послушать ваше новое пианино. Инструмент так красив, он должен и звучать превосходно. А ваша игра вчера вечером была истинным чудом — она настолько превзошла все, к чему мы здесь привыкли...

Она слишком много говорит, уныло подумала Джейн, не потому ли, что хочет отвлечь внимание от факта очевидного ухаживания ее пасынка за мисс Вудхаус? Но почему ее должно это беспокоить? Несомненно, она тоже считает, что это будет прекрасная партия для Фрэнка.

«О, когда же я буду избавлена от этих ужасных чувств — неловкости, вины, ревности, подозрительности?»

Джейн села за пианино и заиграла, она и сама затруднилась бы сказать, что именно. Все присутствующие исключительно вежливо похвалили ее исполнение и звучание нового инструмента.

— Кому бы полковник Кэмпбелл ни поручил выбор инструмента, — громко сказал Фрэнк Эмме, — он не ошибся. Я успел изучить вкусы полковника в Уэймуте и могу утверждать, что мягкое звучание высоких нот особенно нравится ему и всей той компании. Осмелюсь предположить, мисс Фэрфакс, что полковник дал своему доверенному лицу очень подробные указания или написал самому Бродвуду. Как вы считаете? — Его голос был веселым и дразнящим.

Джейн не ответила, поэтому он продолжил:

— Должно быть, ваши друзья в Ирландии очень рады за вас. Они же знают, сколько удовольствия вам доставил их подарок. Ну вот, все сделано. Я починил ваши очки, мэм. — Это было сказано миссис Бейтс.

Отдав старой леди ее собственность, он подошел к пианино и стал перебирать ноты. Выбрав один листок, он поставил его перед Джейн.

— Такая прелестная мелодия. Вчера вечером вы не смогли насладиться ею так, как я, мисс Фэрфакс. Вы слишком устали. Думаю, вы были рады, что танцы быстро закончились. Но я бы отдал все на свете за лишних полчаса. Молю вас, сыграйте это сейчас.

Она заиграла.

Через несколько минут Фрэнк сказал:

— Если не ошибаюсь, этот вальс мы танцевали в Уэймуте?

Покраснев от раздражения, остро чувствуя присутствие рядом Эммы, жадно ловящей каждое слово, Джейн перешла к другой мелодии и услышала, как Фрэнк сказал Эмме:

— Эти ноты прислали вместе с инструментом. Очень предусмотрительно со стороны полковника, не так ли, мисс Вудхаус? Следует отдать ему должное. Он ничего не делает поспешно и все доводит до конца. Так может вести себя только по-настоящему любящий человек.

«Как он может?!» — подумала Джейн.

С еще большим негодованием она услышала ответ Эммы:

— Тише! Ваши слова слишком очевидны. Она все поймет.

— Надеюсь, что да, — беспечно сказал Фрэнк. — Сейчас она играет «Робина Адэра» — его любимую вещь.

В ярости Джейн заиграла громче, и пара за ее спиной отошла в сторону.

В это время мисс Бейтс заметила из окна мистера Найтли и пригласила его подняться к ним.

— Здесь мисс Вудхаус и мистер Фрэнк Черчилль. Разве они не превосходно танцевали вчера вечером? Вы когда-нибудь видели что-то подобное?

— О да, действительно превосходно, — сухо ответил он. — Не могу сказать ничего другого, потому что, насколько я понял, мисс Вудхаус и мистер Черчилль слышат каждое слово. Но, — он заговорил еще громче, — не понимаю, почему не упомянуть и мисс Фэрфакс? Она тоже великолепно танцует; а миссис Уэстон — самая лучшая исполнительница народных танцев во всей Англии...

— О, мистер Найтли, но ведь влиятельные люди... — И миссис Бейтс начала велеречиво благодарить его за яблоки. — Ах, он уже ушел. Не любит, когда его благодарят...

«Мистер Найтли не любит Фрэнка Черчилля, — подумала Джейн. — Интересно, может быть, он видит его игру?»

— Нам пора идти, — сказала миссис Уэстон. — Уже поздно. Пойдемте, Эмма, мисс Смит. Мы доставили хозяевам много неудобств. Фрэнк и я проводим вас до Хартфилда.

Гости ушли, и у Джейн хватило времени бросить лишь один взгляд, полный укора, на Фрэнка.

Прошло несколько дней, прежде чем Джейн снова увидела Фрэнка. Он больше не появлялся на почте; но она слышала, что его часто видят прогуливающимся с миссис Уэстон и мисс Вудхаус и обитатели Рэндаллса провели вечер в Хартфилде.

Он непостоянен, подумала Джейн. Потом она стала винить себя. «Я отпугнула его своей холодностью и раздражительностью. Это все моя вина».

Но боль не уходила.

* * *

Следующая ее встреча с Фрэнком произошла при совершенно других обстоятельствах.

Мисс Бейтс и ее мать были, конечно, не настолько богаты, чтобы заниматься благотворительностью, как богатая мисс Вудхаус; но обе леди все же делали немало добрых дел; от миссис Коул и других добрых людей они получали нитки и фланель, из которой шили одежду для нищих, и многие старые служанки и отошедшие от дел полевые рабочие имели основания благодарить их за теплые нижние юбки или добротные связанные носки. Дамы Бейтс всегда направляли свои усилия против болезней и бедности; у мисс Бейтс имелось множество проверенных рецептов самых разных лекарств, которые в прежние дни в доме викария мог получить любой нуждающийся; и она до сих пор держала в кладовке баночки с мазями, бутылки с примочками и сиропами. Джейн однажды доверили одну из баночек с мазью от ревматической подагры, и она обрадовалась возможности совершить одинокую прогулку в коттедж, находившийся в некотором удалении от деревни — на дороге, где стоял дом викария, но в четверти мили от него. Добравшись до места назначения, она отдала баночку, выслушала сердечные изъявления благодарности от старого Джона Эбди и несколько историй о своем дедушке, бывшем викарии, у которого Эбди работал двадцать семь лет. Джейн засиделась, слушая старика, — ей не хотелось уходить до того, как его поток красноречия иссякнет сам собой, — и через какое-то время услышала голоса снаружи. Затем раздался громкий стук в дверь и кто-то спросил:

— Можно войти?

В следующий момент дверь распахнулась и на пороге появилась мисс Вудхаус, за ней вошла миссис Уэстон с кувшином супа, а за ее плечом топтался Фрэнк Черчилль, лицо которого засияло, едва он ее увидел.

Эмма была сама любезность.

— Мазь вашей бабушки, мисс Фэрфакс? Как мило! Я слышала чудеса о ее целебных свойствах.

Эмма, судя по всему, пришла, чтобы помочь старику написать письмо относительно приходского пособия. Бумагу и чернила она принесла с собой, и сразу же приступила к делу.

Джейн вежливо попрощалась с вновь прибывшими и собралась уходить, когда, к ее немалому удивлению, Фрэнк заявил, что проводит ее.

— Отец будет ждать меня в «Короне», и оттуда мы вместе поедем в Кингстон. День показался мне замечательным, и потому я решил сопровождать мачеху, отправившуюся по делам. Мисс Вудхаус мы встретили случайно. Но они прекрасно обойдутся на обратном пути

без меня; возможно даже, мое отсутствие станет для них предпочтительным. — И он сказал что-то смешное относительно всяких женских шуток, но Джейн, пребывая в смятении, шутки не поняла.

— Разве это благоразумно? — нервно спросила она, когда они отошли от коттеджа и оказались в относительном уединении небольшой низины — там, где дорога спускалась с холма между высоких насыпей.

Вместо ответа он подбросил шляпу, а потом поцеловал ее руку в перчатке, прежде чем она успела запротестовать.

— Мне так редко удается увидеть вас без толпы свидетелей — всех этих милых, добрых, но таких скучных людей, которые прислушиваются, словно жующие коровы, к каждому нашему звуку, но понимают разве что одно слово из двадцати. Я уверен, что в Хайбери живут люди, обладающие множеством добродетелей, но вы должны согласиться, что они не слишком сообразительны. Взять хотя бы вечеринку у Коулов. Вы ничего не потеряли, пропустив ужин; уверяю вас, танцы — единственная часть вечеринки, которую еще можно было терпеть, да и та для меня оказалась испорченной — ведь я не смог потанцевать с вами. Но это выше моего понимания — как здешние жители могут ценить вас так низко? О да, мисс Фэрфакс! Они говорят: симпатичная молодая леди, которая хорошо играет на фортепиано. И это о вас, которая говорит на нескольких языках, путешествовала за границу, побывала в Вест-Индии, которая за несколько месяцев прочитала больше книг, чем они все вместе...

Джейн засмеялась и простила ему фразу, сказанную Эмме у Коулов.

— Признаюсь честно, мне они тоже кажутся скучными, но они добры и вовсе не хотят меня обидеть, не интересуясь моими впечатлениями о Вест-Индии. Просто их совершенно не интересует то, что происходит за пределами деревни.

— Меня возмущает то, что вы заперты здесь, в этой пустыне! — с чувством воскликнул Фрэнк. — В Хайбери хорошо приехать с коротким визитом, но жить здесь месяц за месяцем...

— Я сама устанавливаю время своего пребывания здесь, — напомнила Джейн. — Я в любой момент могу начать искать место учительницы...

— Не говорите об этом! Мне не нравится эта идея.

— Но этого не избежать...

— Взгляните! — перебил он. Они как раз дошли до вершины короткого подъема, где дорога слегка поворачивала и в ряду кустов, тянувшихся вдоль дороги, рос красивый старый дуб, раскинувший свою густую крону над орешником и терновником. В бугристом и растрескавшемся стволе дуба было глубокое дупло, незаметное с дороги, поскольку располагалось довольно низко. — Смотрите, — повторил Фрэнк и засунул в эту полость руку по самый локоть. — Здесь совершенно сухо, вероятно, какая-нибудь запасливая белка хранила здесь орехи на зиму. Это великолепный почтовый ящик для нас. Я уже давно ломал голову над тем, как, проводя время с отцом, связываться с вами. Вот решение.

— Да, но...

— Только давайте без «но». Вы всегда можете пойти к старику, живущему дальше по дороге, чтобы справиться о его самочувствии. А от дома моего отца до этого дерева ровно десять минут ходу. Я отсюда вижу трубы Рэндаллса. Я могу оставлять здесь послание для вас каждый день, чтобы вы не забывали о моем существовании.

Джейн не могла отрицать несомненного удобства такого способа связи. И Фрэнк

сполна выполнил свое обещание. Его полные любви записки и маленькие подарки доставили Джейн немало приятных минут.

Однажды утром Фрэнк явился в жилище дам Бейтс. Он был в приподнятом настроении.

— Пойдемте скорее, мисс Бейтс! И вы, конечно, тоже, мисс Фэрфакс. Нам необходим ваш совет.

— Совет? Не понимаю, что я могу вам посоветовать, — заволновалась мисс Бейтс. — Но если вы говорите, мистер Черчилль, мы, конечно же, пойдем. Вы были так добры, так неизмеримо добры, починив очки мамы... Скорее, Джейн. Не забудь застегнуть плащ. Сегодня ветер с востока...

Им предстояло дойти, как объяснил Фрэнк, всего лишь до «Короны», где уже собрались мистер и миссис Уэстон и мисс Вудхаус. Они обсуждают возможность использования клубной гостиной для устройства танцевальной вечеринки. Было решено, что гостиная в Рэндаллсе слишком мала для этой цели.

Полчаса они провели в большой пыльной комнате, обсуждая вопросы освещения и музыки, столов и стульев, чая и ужина; может ли комната для игры в карты на вечер превратиться в столовую, или она слишком мала? Захотят ли гости старшего возраста поиграть в карты? Возможно, стоит использовать для ужина другую комнату, расположенную в противоположном конце коридора, или она слишком далеко?

— Эти обои ужасно грязные, — с отвращением скривилась миссис Уэстон, — а краска желтая и унылая.

— Дорогая, при свечах этого никто не заметит! — воскликнул ее муж и обменялся улыбками с Фрэнком.

— Комната довольно просторная, — сказала Эмма Джейн, — хорошего размера; она свободно вместит девять или десять пар. Я думаю, что план очень хорош, а вы, мисс Фэрфакс? Разве вы не любите танцевать? Уверена, что любите. Вам, должно быть, не хватает балов. Здесь в Хайбери у нас бывает очень мало возможностей потанцевать.

Она говорила с такой очевидной непосредственностью, что Джейн оттаяла и даже почувствовала к ней теплоту; но это чувство быстро исчезло, когда она услышала, как Фрэнк Черчилль приглашает Эмму на первые два танца.

«Почему он должен так поступать? — возмущенно думала Джейн. — Неужели Эмма всегда и для всех будет самым важным человеком в Хайбери?»

День бала обсуждали долго.

— Ты же понимаешь, что ничего невозможно успеть раньше чем через неделю, — возбужденно говорила миссис Уэстон мужу. — Фрэнк, неужели ты не можешь попросить у тети и дяди разрешения остаться с нами еще на неделю?

Фрэнк считал, что сможет, и надеялся получить это разрешение. Три дня прошло в оживленных приготовлениях. Джейн несколько раз встречалась с Фрэнком. Обсуждали музыку и танцы.

Эмма Вудхаус даже лично явилась к Джейн и дружелюбно попросила, чтобы та научила ее или ее горничную делать такую же элегантную прическу, как была у нее на вечеринке у Коулов.

— У вас такие красивые волосы, мисс Фэрфакс. Уверена, они выются от природы, а с моими волосами сплошные проблемы. Их приходится завивать каждый вечер...

Обезоруженная Джейн дала нужные инструкции и даже непроизвольно воскликнула:

— О, мисс Вудхаус, надеюсь, нам ничего не помешает и бал состоится! Иначе все будут очень разочарованы! Я так жду его!

Но ее сердце, привыкшее к разочарованиям, предчувствовало неладное, и, как оказалось, не ошиблось: спустя два дня срочное письмо от мистера Черчилля потребовало немедленного возвращения племянника. Его тетя почувствовала себя очень плохо, и Фрэнк должен был немедля вернуться в Энскомб.

Он явился к дамам Бейтс рано утром, чтобы сообщить эту неприятную новость. Тетя Хетти ушла на утреннюю службу, что всегда делала по определенным дням, а старая миссис Бейтс еще не встала. Фрэнк и Джейн получили возможность десять минут побыть вдвоем.

Она пребывала во власти уныния.

— Мы поступили нехорошо! Дурно! Я бы никогда, слышите, никогда не согласилась на ваш план, если бы знала, что он повлечет за собой! Столько тайн... лицемерия... Мы делаем все неправильно! Умоляю вас, мистер Черчилль, возьмите обратно свое кольцо! — Она сняла с шеи ленточку, на которой висело кольцо, и протянула ему. — Считайте себя свободным от всех обязательств. Так нельзя! Я уверена, что так нельзя. И на что мы надеемся? Зачем все это затеяли?

Но Фрэнк стоял на своем.

— Что? Дать вам свободу, чтобы вы могли обручиться с Найтли или молодым Коксом? Ни за что на свете! Я не могу потерять вас. Быть вынужденным оставить вас здесь и вернуться в Йоркшир — и так достаточно тяжело, но мысль о том, что я больше не имею права ждать от вас вестей, надеяться на будущую встречу с вами, самым дорогим для меня человеком на этой земле, для меня невыносима. Вы забываете, какая унылая и одинокая жизнь ждет меня в Энскомбе.

Он упал на колени, схватил ее за руку и выглядел таким несчастным, что Джейн в конце концов поддалась на уговоры.

Кольцо вернулось на свое место как раз перед тем, как по ступенькам поднялась тетя Хетти.

Расставание с Фрэнком Черчиллем подействовало на Джейн так сильно, что она была вынуждена на несколько дней лечь в постель с головной болью и лежать с шалью на глазах, морщась даже от самого слабого лучика света. Она все время плакала, и от этого головная боль становилась совсем уж невыносимой. Ни одно из лекарств, прописанных ей мистером Перри, не помогало. Но мало-помалу боль утихла, и Джейн смогла опять медленно ходить по дому — бледная, вялая, лишенная аппетита. К ее большому облегчению, к тому моменту, как она смогла снова общаться с соседями, о Фрэнке Черчилле уже перестали говорить, он уже не вызывал всеобщего интереса, поскольку к тому времени все уже обсуждали возвращение мистера Элтона и его молодой жены.

Миссис Элтон впервые показалась в церкви, и после этого мисс Бейтс сочла необходимым нанести ей визит.

— В конце концов, моя дорогая, твоя бабушка когда-то была хозяйкой дома викария. Здесь должна соблюдаться преемственность, особенно для новобрачной.

Джейн, хотя и без особого желания, все же согласилась сопровождать тетю Хетти.

— Тебе, дорогая, будет полезно увидеть новые лица. Ах да, я забыла, ты уже встречалась с мистером Элтоном, хотя и не часто. Все равно, быть может, новое знакомство тебя отвлечет от грустных мыслей.

Джейн вспомнила свою прежнюю надежду на то, что молодая жена мистера Элтона окажется приятным человеком и хотя бы частично возместит ей потерю Рейчел. Поэтому она уступила настояниям тети и уныло поплелась вслед за ней.

Миссис Элтон оказалась худощавой и очень оживленной особой маленького роста и далеко не такой юной. Ей уже было лет двадцать семь — двадцать восемь. Ее волосы, темные и не слишком густые, были уложены в элегантную прическу; лицо имело не слишком хороший цвет, зато зубы были ровными и белыми и слегка выдавались вперед; миссис Элтон их постоянно демонстрировала, болтая и смеясь. Ее платье тетя Хетти считала верхом элегантности; но Джейн показалось, что на нем было слишком много украшений и отделки.

— О, мисс Джейн, ваша слава опережает вас! — воскликнула миссис Элтон и нарочито рассмеялась. — В Бате я много слышала о вас и ваших талантах.

— В Бате? — удивилась Джейн. — Не думаю, что у меня есть знакомые в Бате. — Ее мысли обратились к Фрэнку, который в январе был с тетей в Бате, но она была уверена, что миссис Черчилль и мисс Хокинс вращались в разных кругах.

— Что вы, мисс Фэрфакс, в Бате у вас есть не просто знакомый, а очень старый друг. И хотя я не была представлена этой леди, я хорошо знаю другую леди, которая ее часто навещает, это моя близкая подруга — мисс Патридж, и от нее я слышала захватывающие истории о талантах мисс Джейн Фэрфакс, ее непревзойденной игре на фортепиано и прочих успехах. Уверяю вас, я была в полном восторге, узнав, что получу возможность познакомиться с таким интересным человеком в новом обществе, в котором мне предстоит жить. Мы с вами, мисс Фэрфакс, должны, я полагаю, создать здесь в Хайбери музыкальный клуб; у нас часто будут небольшие концерты, разве это не восхитительно? Как вы думаете, это хороший план?

Джейн не слишком понравилась миссис Элтон, поэтому она ответила осторожно:

— Скорее всего я не останусь в Хайбери надолго.

— О, моя дорогая! — вскричала тетя Хетти. — Ты говорила... ты обещала нам целых три месяца! Что же теперь изменилось?

— Но скажите, миссис Элтон, — заговорила Джейн, стараясь избегать этой темы, — кто в Бате так хорошо меня знает? Я умираю от любопытства.

Старой знакомой оказалась миссис Прайор, вдова бывшего священника, теперь живущая в весьма стесненных обстоятельствах в Уэстгейт-Билдингс.

— Она всегда чем-то занята — делает подушечки для булавок и прочие мелочи, которые моя подруга мисс Патридж потом распространяет.

У Джейн заныло сердце при мысли о своей доброй старой учительнице, которой так трудно живется. «Ах, если бы только я могла что-то для нее сделать! Слава Богу, у моих родных в Хайбери такие внимательные и добрые соседи».

А потом Джейн пришла в голову мысль, от которой она похолодела: «Неужели и я когда-нибудь могу оказаться в таком положении?»

— Прошу вас, скажите мне, мисс Фэрфакс, — снова заговорила миссис Элтон, — правда ли, что вы дружите с мисс Эммой Вудхаус? Серьезно, мне очень нужно знать! Мне все здесь говорят, что мисс Эмма — первая леди в деревне, но я не могу относиться к ней тепло. В ней столько заносчивости и высокомерия. А кто она такая? Хартфилд, в конце концов, ничуть не больше, чем владения моего родственника мистера Саклинга в Мейпл-Гроув. Должна сказать, я нахожу ее высокомерие невыносимым!

— О, моя дорогая мэм! — всполошилась тетя Хетти. — Мисс Вудхаус так любезна, так снисходительна и добра ко всем нам. Я сосчитать не могу, сколько раз моя мама пила чай с мистером Вудхаусом, и ей даже иногда предлагали там легкий ужин — всегда очень хорошо приготовленный и вкусный, и еще она играла с мистером Вудхаусом в нарды. А если в Хартфилде режут свинью, мисс Вудхаус никогда не забывает прислать нам ногу...

— Мистер Вудхаус, допускаю, милый старый джентльмен, старомодный и обходительный, что мне очень нравится — моя сестра Селина всегда говорит, что я по-своему ужасно старомодна. Но его дочь, холодная и самонадеянная особа, мне неприятна. Говорят, она невеста пасынка миссис Уэстон — симпатичного и очень богатого молодого человека?

— Мы ничего об этом не слышали, неужели это действительно так? — живо заинтересовалась тетя Хетти.

— Нет? Возможно, я ошиблась. Но, моя дорогая Джейн (я уверена, что мы станем добрыми подругами, поэтому и позволила себе некоторую фамильярность), знаете ли вы, что мисс Эмма Вудхаус имела наглость утверждать? Что мой супруг, мистер Элтон, оказывал явные знаки внимания ее подруге, этому маленькому ничтожеству — мисс Смит, и что он должен был сделать ей предложение. Вряд ли стоит говорить, что ничего подобного не было и в помине, и он очень скоро дал ей это понять. Все это, разумеется, было до его случайной встречи со мной...

— Знаете, а сейчас, когда вы сказали, я припоминаю... — пробормотала мисс Бейтс, — что-то подобное действительно было. Миссис Коул как-то обмолвилась, что мисс Смит... впрочем, я, наверное, не так ее поняла.

«Это объясняет отнюдь не добрые взгляды, которые мистер Элтон бросал на Эмму Вудхаус (это я видела собственными глазами), — подумала Джейн. — Тогда я еще удивилась, почему он невзлюбил ее. Она считала, что он должен жениться на ее протеже.

Возможно, джентльмен метил выше? Не исключено, что он надеялся жениться на самой мисс Вудхаус? Господи, о чем я думаю! Скоро я стану провинциальной сплетницей, как большинство здешних дам».

— Мисс Смит! — с отчетливым презрением продолжила миссис Элтон. — Никто даже не знает, кем были ее родители.

Вошел мистер Элтон, чрезвычайно довольный собой и своей женитьбой.

— Я как раз говорила мисс Джейн, — вскричала его супруга, — что мы должны организовать музыкальный клуб! Концерт каждый четверг! Разве это не замечательно?

Джейн снова повторила, что не знает, как долго пробудет в Хайбери. У нее сложилось мнение, что Фрэнку Черчиллю не понравится миссис Элтон.

— Сегодня я получила письмо от своих друзей из Ирландии — полковника и миссис Кэмпбелл. Они приглашают меня в гости, поскольку планируют остаться там до середины лета. Они так настаивают...

— О нет, дорогая! — Тетя Хетти возбужденно замахала руками. — Ты же сама сказала мне, что не намерена принимать это предложение!

— Не сомневаюсь, что ваши ирландские друзья согласятся уступить вас нам еще на некоторое время, дорогая Джейн. Нет и еще раз нет. Я не могу позволить себе потерять лучший музыкальный талант в Хайбери, пока мой музыкальный клуб не заработает в полную силу. Мы не позволим вам нас покинуть, — непререкаемым тоном заявила миссис Элтон с широкой улыбкой.

Джейн все это не нравилось, но ее каким-то образом заставили пообещать установить значительно более близкие отношения с Элтонами, чем она хотела или намеревалась. «Мной манипулируют, — мысленно усмехнувшись, подумала она, — и причиной тому мое недовольство судьбой и одиночество. Теперь у меня появилась подруга, но что за подруга? Эмма Вудхаус несравненно выше». И поскольку Элтоны были явно настроены против Эммы, Джейн поневоле стала относиться к ней с большей добротой.

— Мне показалось, что миссис Элтон — умная и добросердечная леди, — сказала тетя Хетти по пути домой. — Думаю, тебе понравится, дорогая, ходить на музыкальные вечера в дом викария — ты сможешь ненадолго избавиться от нас, стариков. Не стоит проводить все свое время со мной или с бабушкой — так ты очень быстро заскучаешь. Кроме того, у миссис Элтон такие обширные связи! Она обещала мне подумать относительно места для тебя. Нет, мы, конечно, не хотим, чтобы ты нас покинула — ни в коем случае. Но место где-нибудь не слишком далеко от Хайбери, в приличной respectable семье — это ведь именно то, что нужно. Уверена, полковник Кэмпбелл и его супруга со мной согласятся.

«О, Фрэнк, — подумала Джейн, — что же мне делать?»

Она представила себя отправляющейся в какой-нибудь Мейпл-Гроув в семейство некой миссис Саклинг, и эта мысль ей не понравилась.

Через два дня пришло взволнованное письмо от Фрэнка.

«Я убедил тетю и дядю, что им обоим на пользу пойдет переезд в Лондон. Так что скоро мы будем на Манчестер-стрит — возможно, в апреле, а в мае наверняка. Я счастлив, думая о том, что буду находиться всего лишь в шестнадцати милях от вас — час езды, и я смогу увидеть вас, буду рядом. Я думаю о вас постоянно, мечтаю о вас каждую ночь, не могу дождаться, когда же наконец мы будем вместе».

И Джейн почувствовала себя счастливее. Его письма были такими любящими, теплыми, искренними. Они всегда поднимали ей настроение. Невозможно было не признать, что ей не хватало ежедневных записок, стихов, маленьких подарков, которые Фрэнк оставлял в дупле старого дуба, когда жил у мистера Уэстона. «Но действительно ли, — думала она, — станет лучше, если он будет недалеко? Это повлечет за собой постоянное притворство, необходимость лгать людям, которых я люблю. А это так утомительно! Я не умею притворяться, играть роль, прятать свои чувства от людей, которых люблю. Даже странно, что Фрэнк не имеет ничего против. По правде говоря, создается впечатление, что такая ситуация ему даже нравится».

Она думала об этом, пока сидела на камне у дороги в трех четвертях мили от деревни и перечитывала письмо Фрэнка. Неожиданно рядом послышались голоса, и, повернув голову, Джейн увидела Эмму и Харриет Смит, шагающих по тропинке.

— А, мисс Фэрфакс, добрый день, — сердечно поздоровалась Эмма. — Чудесная погода, не так ли? А мы, как видите, собираем сережки — ольховые, березовые. Вы получили хорошие новости от друзей из Ирландии?

Джейн, слегка порозовев, быстро спрятала в муфту письма от Фрэнка. Она видела, как Эмма впила в них глаза, и разозлилась еще сильнее, вспомнив, как Фрэнк и Эмма легкомысленно посмеивались над Мэттом Диксоном. Как они могли? Как мог Фрэнк говорить о Мэтте в таком тоне, если уж он-то определенно знал, как много этот человек для нее значит.

Она сдержанно ответила Эмме, что у ее друзей в Ирландии все хорошо и они постоянно приглашают ее в гости, что было правдой; но в настоящее время она не готова покинуть тетю и бабушку.

— Это очень достойно, мисс Фэрфакс, очень правильно, — сказала Эмма. — Не так ли, Харриет?

— О да, мисс Вудхаус.

Джейн считала Харриет скучной и недалекой особой. Она открывала рот только для того, чтобы произнести: «О да, мисс Вудхаус» или «О нет, мисс Вудхаус». Как Эмма ее выносит каждый день? Хотя, с другой стороны, у нее нет выбора, подумала Джейн. Потом ей пришло в голову, что Харриет, должно быть, страдала из-за отступничества мистера Элтона. Может быть, она любила его? И сильно горевала из-за того, что он отвернулся от нее? Ну сейчас, во всяком случае, она казалась веселой и спокойной.

— На следующей неделе я устраиваю небольшой ужин, — сказала Эмма, — для мистера и миссис Элтон. Мы ведь должны уделить должное внимание молодоженам, не так ли? Я убедил папу в том, что это наш долг, и он хотя и неохотно, но все же согласился, при условии, что гостей будет не больше восьми. Придут мистер и миссис Уэстон, мистер Найтли, Харриет не сможет, у нее давно была назначена встреча. — При этих словах Харриет слегка смутилась. — Быть может, вы тоже придете, мисс Фэрфакс? Я знаю, что мистеру Найтли очень нравится беседовать с вами.

У Джейн стало тепло на душе, хотя она и предполагала, что Эмма не имела в виду ничего хорошего и ее слова были не более чем насмешкой. Она поблагодарила мисс Вудхаус за приглашение и приняла его.

В назначенный день, который выдался холодным и дождливым, мистер и миссис Элтон предложили заехать за Джейн в своем экипаже. Она бы предпочла, чтобы приглашение

поступило от мистера Найтли; ей почему-то не хотелось приезжать в Хартфилд с Элтонами. Приезды в Хартфилд были всегда немного болезненными для Джейн, потому что, хотя с этим домом ее теперь ничто не связывало, все же значительная часть ее детства прошла именно здесь. Она не могла бродить по вьющимся между кустами дорожкам или входить в дом, не вспоминая о мирных днях своего детства, долгих часах, проведенных за фортепиано, о миссис Вудхаус, тихо сидящей в соседней комнате, о странной неделе, которую она провела с только что осиротевшей Эммой. Интересно, а она когда-нибудь вспоминает о тех днях?

К немалому удивлению, она незадолго до ужина обнаружила, что одним из гостей будет мистер Джон Найтли. Она встретила его в деревне с двумя маленькими мальчиками. Судя по всему, он привез своих старших детей из Лондона повидать дедушку и тетю. Следует отдать Эмме должное, она оказалась любящей тетей. Но как вынесет мистер Вудхаус такое увеличение числа гостей? Ведь теперь их точно будет больше восьми. И как отнесется мистер Джон Найтли к тому, что вынужден присутствовать на светском мероприятии? Насколько помнила Джейн, в прошлом он был неразговорчивым и необщительным субъектом.

Однако спокойствию мистера Вудхауса не суждено было подвергнуться суровому испытанию. Мистера Уэстона срочно вызвали в город, и он никак не мог вернуться к ужину. Поэтому установленное мистером Вудхаусом допустимое число гостей за столом не было превышено.

Мистер Джон Найтли, которому всегда нравилась Джейн, разговорился с ней перед ужином, а ее брат и миссис Уэстон занимали разговором Элтонов.

— Надеюсь, вы сегодня утром не ходили далеко, мисс Фэрфакс, иначе вы бы определенно промокли насквозь.

— Я ходила только на почту, — ответила Джейн, — и вернулась домой, когда дождь еще не был сильным. Я делаю это каждый день. Прогулка перед завтраком идет мне на пользу.

— Думаю, все-таки не прогулка в дождь, — сухо сказал он. — Когда доживете до моих лет, поймете, что письма не стоят того, чтобы ходить за ними в дождь.

— Не думаю, что возраст сделает меня равнодушной к письмам, — усмехнулась Джейн.

— Письма — не то, к чему следует проявлять обычное равнодушие. Как правило, они являются настоящим проклятием.

— Я могу поверить, что письма мало значат для вас! — воскликнула Джейн. — Все родные и близкие люди с вами рядом. А я, возможно, больше никогда не увижу тех, кого люблю. Поэтому, если я не переживу близких мне людей, почта всегда будет притягивать меня, даже в самую плохую погоду.

Подошел мистер Вудхаус и сказал:

— Мне жаль, что вы сегодня утром выходили на улицу в дождь, мисс Фэрфакс. Молодые леди должны заботиться о себе. Они такие нежные и хрупкие! Дорогая, надеюсь, вы переодели чулки?

— Конечно, сэр, и я очень признательна за вашу доброту и заботу.

Миссис Элтон, услышав обрывок этой беседы, немедленно открыла огонь по Джейн.

— Моя дорогая Джейн, что я слышу? Вы ходили на почту под дождем? Это ужасно! Так нельзя! Вам не следовало так поступать! Миссис Уэстон, вы когда-нибудь слышали что-нибудь подобное? Мы с вами должны повлиять на нее. Мы же не позволим, чтобы она

впредь вела себя так безрассудно. Человек, который каждый день ходит на почту за нашей корреспонденцией (я только забыла, как его зовут), будет приносить вам ваши письма.

— Вы очень добры, — сказала обеспокоенная Джейн, — но я не могу отказаться от утренних прогулок. Мне они нравятся.

— Моя дорогая Джейн, об этом не стоит больше говорить. Считайте вопрос решенным.

— Извините, — нахмурилась Джейн, — но я никак не могу согласиться на ваше предложение.

Случайно она перехватила горящий взгляд Эммы. Между ними промелькнула искра.

Она о чем-то догадывается, подумала Джейн. Она что-то знает. Но что?

Она поспешно заговорила о почте, о ее эффективной работе по отправке писем по назначению, об огромном разнообразии почерков и их неразборчивости; разговор коснулся сходства почерков в семье, и в качестве примера были взяты почерки Эммы и ее сестры Изабеллы.

Вмешалась и сама Эмма, правда, слегка невпопад.

— Я никогда не видела почерка лучше, чем у мистера Фрэнка Черчилля.

О Боже, подумала потрясенная Джейн, она действительно видела письмо! И узнала почерк.

Больше Джейн не принимала участия в разговоре — она едва слышала голоса, сливавшиеся в монотонный гул. К счастью, вскоре объявили, что ужин подан, и Джейн услышала, как миссис Элтон ненатурально рассмеялась и спросила:

— Я снова должна идти впереди? Мне стыдно — я всегда возглавляю процессию.

Эмма, улыбаясь, со значением покосилась на Джейн, потом взяла ее за руку и повела в столовую; любой наблюдатель не мог не согласиться, что проявление доброй воли пошло на пользу красоте обеих девушек.

После ужина миссис Элтон, игнорируя хозяйку (что Джейн сочла невоспитанностью и дурным тоном), отвела Джейн в сторону и, еще раз попеняв ей за безрассудные походы на почту, заговорила о ее будущей карьере.

— Вот-вот наступит апрель, — сказала она, — я беспокоюсь о вас, моя дорогая. Вы действительно ничего не слышали о возможной работе?

— Я пока не хочу наводить справки.

— О, моя дорогая, ваша неопытность вызывает недоумение. Мы должны немедленно начинать действовать.

— Приняв окончательное решение — чего я пока не сделала, — твердо сказала Джейн, — я обращусь в одну из контор в Лондоне, которые торгуют — нет, не человеческой плотью, а человеческим интеллектом.

— Дорогая, вы меня шокируете! Вы должны понимать, что ваши друзья ни за что не согласятся, если вы найдете место где-то далеко в простой семье...

— Я совершенно уверена, — категорично сказала Джейн, — что ничего не буду делать до лета.

— Уверяю вас, я тоже совершенно уверена, — весело ответствовала миссис Элтон, — что всегда буду настороже, чтобы ничего по-настоящему безупречного не прошло мимо...

Раздосадованная, утомленная Джейн даже не смогла придумать вежливый ответ. К счастью, пришел мистер Уэстон. Он был доволен удачным днем в Лондоне и взволнован, поскольку дома обнаружил письмо от Фрэнка, которое передал жене.

— Прочитай же его скорее! Он приезжает! Отличные новости! Он приезжает в город уже на следующей неделе! Черчилли останутся в Лондоне надолго, и Фрэнк сможет половину времени проводить с нами.

Повернувшись к миссис Элтон, которая стояла рядом, мистер Уэстон сказал:

— Надеюсь, мэм, я очень скоро буду иметь удовольствие представить вам своего сына.

Вскоре стало известно, что Черчилли обосновались в Лондоне. А как-то утром Джейн, возвращаясь с тетей Хетти после визита к миссис Коул, была ошеломлена, увидев у своего дома Фрэнка Черчилля верхом на лошади. «Хотя почему я так удивилась? — подумала Джейн. — В конце концов, это совершенно естественно». По словам Фрэнка, он только что приехал из Лондона, проведя в седле два часа, заехал в Рэндаллс — повидался с мачехой, и намерен через десять минут или около того нанести им визит — ему очень хочется послушать великолепное звучание пианино мисс Фэрфакс. Потом он улыбнулся с видом заговорщика и спросил, не имела ли она в последнее время вестей от полковника Кэмпбелла.

Фрэнк действительно пришел, правда, не через десять минут, а намного позже, послушал музыку, сообщил, что пианино звучит даже нежнее, чем ему запомнилось, и с глубоким удовлетворением сообщил, что вопрос о бале в гостинице «Корона» снова рассматривается.

Джейн была рада услышать эту новость, но все же была слегка уязвлена, обнаружив, что после встречи на улице Фрэнк побывал в Хартфилде. Он казался необычайно покрасневшимся и взволнованным. Неужели в такое состояние его привело общение с Эммой? Они не имели возможности ни на минуту остаться наедине. Все должно быть открыто, каждое слово может слышать кто угодно. Неудобствам их положения не было конца. Джейн очень хотелось спросить, в чем дело, но для этого так и не представилась возможность.

Она не видела Фрэнка в течение десяти дней. Он часто надеялся, намеревался приехать, но всякий раз что-то мешало. Его тетя действительно была серьезно больна — сомнений в этом не было. А вскоре выяснилось, что Лондон не то место, где она могла почувствовать себя лучше. Она не выносила шума, поэтому ее нервы пребывали в постоянном напряжении, и в своем новом письме, которое Фрэнк прислал отцу уже через десять дней, он сообщил об изменении планов. Теперь Черчилли собирались немедленно переехать в Ричмонд. Там вроде бы жил очень хороший доктор, да и вообще тете Фрэнка хотелось пожить в этом месте. На май и июнь был снят полностью меблированный дом.

Мистер Уэстон был вне себя от радости.

— Теперь Фрэнк действительно будет совсем рядом! Что такое девять миль для энергичного молодого человека — час езды верхом. Он сможет навещать нас почти каждый день — переезд в Ричмонд позволит нам общаться чаще. Теперь мы уж точно можем назначить день бала. Майский бал! Что может быть лучше! Даже у дражайшего мистера Вудхауса не будет поводов для беспокойства насчет сырости и сквозняков.

День бала назначили; но Джейн после столь частых изменений планов осталась почти равнодушной к его приближению. «Какие удовольствия он может мне принести?» — спрашивала она себя. И потому готовилась к вечеру спокойно и механически, укладывая волосы в прическу в парижском стиле, как она однажды сделала для Рейчел, украшая их блестками и бусами.

— О, дорогая, твои волосы! Это нечто восхитительное! Не сомневаюсь, твою прическу заметят все! Ах, вот и экипаж, направленный добрейшим мистером Найтли, чтобы отвезти бабушку в Хартфилд. А вы, мэм, пожалуйста, не забудьте шаль, потому что вечера сейчас

еще не теплые. Я имею в виду большую красивую шаль, которую вам прислала миссис Диксон — наши друзья так добры! — красивую голубую шаль. Полковнику Кэмпбеллу больше понравилась оливковая, я помню, Джейн говорила, но я уверена, что голубая подходит лучше. Выбирали из трех шалей — я помню, Джейн говорила, но остановились на голубой. Скоро, мэм, я уйду с бала, чтобы привезти вас домой, ведь я знаю, что мистер Вудхаус не любит засиживаться допоздна. Вы можете ожидать меня примерно в половине десятого. Большой привет и наилучшие пожелания мистеру Вудхаусу. Джейн, ты готова? Я вижу, что за нами подъехал экипаж мистера Элтона. Боже мой, как много экипажей останавливается сегодня у нашего порога! Люди подумают... А ведь здесь совсем рядом — рукой подать, — надо только перейти дорогу. Хотя, конечно, идет небольшой дождик — или почти идет, — Патти назвала бы это моросью...

Улыбающийся Фрэнк ждал их у двери гостиницы — с зонтиком. Его восхищенные глаза сказали Джейн, как он ею любит. И она почувствовала себя лучше. Большие, просторные комнаты были заполнены людьми, хорошо знавшими друг друга, цветная бумага приглушала и делала более мягким свет свечей.

Элтоны уже прибыли, и их познакомили с Фрэнком. Джейн слышала, как миссис Элтон сказала:

— Очень красивый молодой человек, мистер Уэстон. Рада сказать, что он мне очень понравился. Настоящий джентльмен без заносчивости и фатовства. Вы должны знать, я терпеть не могу пижонов — более того, я от них в ужасе! Их никогда не приглашали в дом моего родственника в Мейпл-Гроув. Ах, Джейн, дорогая! Экипаж заехал за вами вовремя? Вы в белом — это очень правильно! Мне нравится, когда молодые девушки носят белое. А ваши волосы... какая элегантная прическа! А как вам нравится мое платье? Вы одобряете эту отделку? Я полагаюсь на ваш вкус. Как вы считаете, Райт меня удачно причесал? Что вы вообще думаете об этой моде? Никто не думает об одежде меньше, чем я, — как правило. Но поскольку этот бал дан в мою честь... Я почти не вижу жемчугов в этой комнате — кроме моих. Даже у мисс Вудхаус их нет. А что вы думаете об этих кружевах? Разве они не очаровательны? Говорят, Фрэнк Черчилль — превосходный танцор. Посмотрим, подойдут ли наши стили. Очень приятный молодой человек, этот Фрэнк Черчилль. Мне он очень понравился.

Фрэнк, перехвативший взгляд Джейн, медленно и со значением подмигнул ей — так, чтобы не заметила миссис Элтон; Джейн задохнулась, хихикнула, прикрываясь веером, и быстро оглянулась по сторонам. Но ее настроение улучшилось.

Оно снова ухудшилось, когда начался бал: его открыл мистер Уэстон с миссис Элтон; за ними следовали Фрэнк и Эмма Вудхаус — Фрэнк напомнил ей о данном раньше обещании. Джейн была вынуждена принять приглашение мистера Элтона, который танцевать совсем не умел, но явно мнил себя великим танцором, все время кланялся и лучился улыбками.

Мистер Найтли, как успела заметить Джейн, не танцевал; он стоял среди людей старшего возраста и выглядел мрачным; Джейн уже не в первый раз подумала, как он красив и насколько выделяется среди деревенских сквайров и городских хлюпиков. Зачем он пришел на бал, если не танцует? Она бы предпочла в качестве партнера его, а не Элтона. То, что Элтоны ни с того ни с сего решили ее опекать, имело множество неудобств. Ей очень хотелось найти способ — любой, — чтобы оказаться подальше от них.

Ей этого захотелось еще сильнее, когда она увидела, как мистер Элтон резко и незаслуженно оскорбил бедную Харриет Смит. Миссис Уэстон пригласила его потанцевать

с мисс Смит, единственной юной леди, сидевшей у стены, на что он громко ответил:

— Мисс Смит? А я и не заметил. Но я теперь, знаете ли, женатый человек, миссис Уэстон, и дни, когда я танцевал, остались далеко в прошлом.

Поскольку он танцевал с Джейн не более получаса назад, она могла себе представить, с каким удивлением и досадой услышала эти слова бедная мисс Смит, тем более что он обменялся со своей супругой понимающими многозначительными улыбками.

Уже в следующий момент мистер Найтли вышел вперед и пригласил Харриет Смит на танец. Джейн, танцевавшая с Фрэнком, видела, что глаза Харриет полны слез, а на мистера Найтли она взирает, как на божество. У бедняжки был такой вид, словно ее приговорили к казни на эшафоте и неожиданно помиловали. Если она и испытывала какие-то чувства к мистеру Элтону, то теперь наверняка излечилась. Ну что за отвратительный человек! Джейн с удовольствием заметила, как мистер Элтон с весьма глупым видом удалился в комнату для игры в карты.

Подали ужин, и на этот раз Джейн чувствовала себя намного лучше, потому что ее вместе с тетей Хетти, только что вернувшейся после того, как она проводила домой старую миссис Бейтс, которая коротала вечер с мистером Вудхаусом, сопровождал к столу Фрэнк.

— Я уходила, поскольку должна была уложить бабушку в постель, и теперь вернулась, и никто моего отсутствия не заметил. О, Джейн, представляю, как мы расскажем бабушке о здешних блюдах! Суп тоже! Ей-богу, мне не следовало есть так скоро, но запах буквально сводит с ума...

— Вы потанцуете со мной еще раз? — спросил Фрэнк после ужина.

— Не будет ли это расценено как знак особого внимания ко мне?

— О нет, уверен, что нет.

— Разве вам не следует танцевать с мисс Вудхаус? — спросила Джейн с осязаемой прохладцей в голосе?

— С какой стати? Она прогуливается с мистером Найтли и кажется весьма довольной этим.

— Ну, тогда...

— Идите же, мисс Вудхаус, мисс Отуэй, мисс Фэрфакс! — закричала миссис Уэстон. — Чем вы все заняты? Эмма, покажите пример своему кавалеру! Вы спите на ходу!

Заиграла музыка, бал продолжился.

Джейн шла домой и думала, что мистер Найтли, пожалуй, даже лучше, чем она раньше считала, а мистер Элтон — стократ хуже.

На следующий день после бала в Хайбери произошло драматическое событие, в котором волею случая участвовали мисс Смит и мистер Фрэнк Черчилль. Джейн Фэрфакс не была ему свидетельницей, но, разумеется, в свое время ей рассказали о нем во всех подробностях самые разные люди, которые тоже ничего не видели сами, но слышали обо всем из того или иного источника.

Фрэнка ждали в Ричмонде в середине дня, поэтому он должен был уехать утром, но ухитрился заглянуть к дамам Бейтс под предлогом того, что должен вернуть тете Хетти ножницы, которые позаимствовал во время бала, чтобы подрезать фитили свечей. Мисс Бейтс была в церкви, и он получил возможность пять минут поговорить с Джейн. Они пришли к единому мнению, что мистер Элтон повел себя отвратительно по отношению к Харриет Смит, а его супруга невыносимо вульгарна.

— Эмма была в ярости. Она сказала, что Элтон опозорил сам себя.

— Зато мистер Найтли повел себя очень благородно, — заметила Джейн, желая отвлечь внимание Фрэнка от Эммы Вудхаус.

— Найтли вообще славный малый, — сказал Фрэнк. — Не знаю только, почему он меня невзлюбил.

А потом он заговорил о Швейцарии:

— Раз уж мы не можем строить текущих планов, давайте строить долгосрочные. Когда-нибудь я повезу вас в Женеву, покажу Шильонский замок. О, вам понравятся высокие горы и прозрачные озера. Природа Швейцарии выгодно подчеркнет вашу красоту.

— Вы непрактичны, — вздохнула Джейн. Тем не менее ей втайне понравилась обрисованная Фрэнком перспектива, так же, как и то, что он нашел время перед отъездом повидаться с ней.

В конце дня она услышала о его дальнейших приключениях от миссис Годдард. Он договорился, чтобы экипаж ждал его в миле от Хайбери, и пошел к условленному месту напрямик через поля. По пути он услышал женские крики, поспешил на помощь и обнаружил, что на мисс Смит и мисс Бикертон на узкой тропинке, которая тянулась между двумя высокими насыпями, напала банда цыган. Мисс Бикертон сумела забраться на одну из насыпей и побежала через поле, а мисс Смит, перепуганная и дрожащая, стояла в окружении галдящих цыган. Она дала им шиллинг, и теперь они требовали еще.

Собственно говоря, это были не цыгане, а цыганята — горластая толпа маленьких оборвышей. Мистер Черчилль их быстро разогнал и проводил мисс Смит к ближайшему жилью (им оказался Хартфилд).

Подобное приключение — красивый молодой человек и симпатичная юная девушка, которых свели вместе столь романтические обстоятельства, — не могло не дать пищу для пересудов в Хайбери. Прошло полдня, и жители деревни уверились, что мистер Черчилль и мисс Смит испытывают особый интерес друг к другу. А Джейн, не чуждая ревности, все же никак не могла предположить, что Фрэнк мог испытывать хотя бы малейший интерес к этой маленькой дурочке, и потому почувствовала себя на некоторое время лучше.

Подумав, она решила, что худшее из зол, встречающихся в их ситуации, — это рост числа мелких непониманий и недоразумений, основанных на маленьких случайных ошибках, которые невозможно развеять разговорами в процессе ежедневного общения. Поэтому они наоборот, растут и крепнут.

Фрэнк заверил ее, что не испытывает никакого интереса к Эмме Вудхаус, и все же, видя, как он оказывает ей знаки внимания и, главное, как она их принимает, Джейн было трудно оставаться спокойной и невозмутимой. Если он сделает Эмме предложение, та не станет раздумывать ни секунды. Она чувствовала себя загнанной в ловушку. Ей хотелось занять свой ум чем-то другим, более нужным и разумным, а вовсе не такими нездоровыми фантазиями. Но не получалось. Интересно, Эмма тоже чувствует себя здесь в ловушке?

Через неделю после бала в гостинице «Корона» в Хайбери была ярмарка; это ежегодное мероприятие проводилось здесь уже несколько веков. Сначала здесь торговали лошадьми, потом самыми разными товарами — изделиями из кожи, инструментами, продукцией земледелия и животноводства (в основном сырами). В конце концов мероприятие стало по большей части развлекательным: там устраивались спортивные соревнования, танцы, другие развлечения, хотя все так же продавались товары и красивые безделушки. В детстве Джейн

очень хотелось побывать на ярмарке, но она считалась мероприятием для простолюдинов.

— Так много злых и грубых людей, — нередко повторяла тетя Хетти, — и там совершенно нечего делать воспитанной юной леди. Миссис Вудхаус никогда не водила туда ни Изабеллу, ни Эмму, можешь не сомневаться. — Так что маленькой Джейн приходилось только вздыхать и прислушиваться издали к веселым звукам литавр, труб и скрипок, доносившимся с обширного луга за гостиницей «Георгий и дракон».

Лишь наполовину серьезно она как-то предложила Фрэнку по такому поводу отбросить формальности и, если он хочет, составить компанию ей и мисс Харриет Смит (которая как-то раз обмолвилась о своем желании увидеть ярмарку и получила резкий выговор от Эммы, заявившей, что в таких шумных и вульгарных мероприятиях достойные люди участия не принимают) и как следует повеселиться.

Фрэнк, однако, с неохотой присоединился к девушкам. Он сообщил, что, разумеется, был бы рад вместе с Джейн и мисс Смит принять участие в деревенских увеселениях, но тетя вряд ли отпустит его в Хайбери так скоро после бала. Вопрос остался нерешенным, и до дня ярмарки Джейн не получала никаких сообщений от Фрэнка. Поэтому она приняла смелое решение отправиться на праздник без сопровождения, сообщила о своем намерении мисс Смит и та с восторгом заявила, что счастлива быть ее спутницей. Две девушки, заплатив по шесть пенсов за вход, медленно пошли вдоль торговых рядов.

— Ой, мисс Фэрфакс, разве это не здорово? Взгляните на этих маленьких свинок. Какие хорошенькие! А здесь стригут овец. Надо же, как быстро. Боже мой! Какие огромные сыры! А это что? Ткани! Но это же совсем дешево! Может быть, я могу купить себе отрез? Или платочек? Или хотя бы букетик? Но тогда их придется нести. А здесь швабры и ведра, но я не хочу швабру! О, мисс Фэрфакс, здесь гадалка! Всего за пенни она предскажет наше будущее!

Но Джейн, содрогнувшись, увела восторженную мисс Смит от гадалки, на палатке которой была изображена луна и звезды; она чувствовала слишком сильную неуверенность в собственном будущем, чтобы вести о нем разговоры с гадалкой.

— Давайте посмотрим танцы вокруг майского дерева, — предложила она.

— О да, конечно, — послушно согласилась мисс Смит.

Танцы вокруг майского дерева оказались восхитительным зрелищем: белый украшенный гирляндами столб, быстроногие и очень ловкие мальчики и девочки — каждый держит в руке конец цветной ленты, — двигаясь, плетут разноцветные сети и узоры, иногда почти заворачивая шест, иногда растягивая ленты на всю длину, как воздушный занавес. А музыка была настолько зажигательной, что зрителям тоже хотелось пуститься в пляс...

«Ах, если бы Фрэнк был здесь и наслаждался этим зрелищем со мной», — подумала Джейн и в тот же миг увидела Фрэнка в компании с Эммой Вудхаус. Он тоже увидел Джейн, довольно заулыбался и вместе с Эммой стал пробираться через толпу по направлению к ней и мисс Смит. Его объяснение, почему он прибыл на ярмарку так неожиданно и не с той дамой, прозвучало вполне разумно.

По его словам, в последний момент тетя все-таки сдалась, он со всей возможной скоростью поспешил в Хайбери и узнал, что мисс Фэрфакс и мисс Смит отправились на ярмарку самостоятельно — мужественные юные леди. Он пошел за ними, но у почты встретил мисс Вудхаус, которой понравилась доносившаяся издали музыка, и она поддавалась на уговоры Фрэнка и тоже решила посетить ярмарку.

Все это было сказано очень весело, и улыбка, которой он одарил Джейн, была уверенной и полной приязни. Но разве, подумала Джейн, он секундой раньше не улыбался

точно так же мисс Вудхаус?

— Итак, леди, что бы вы хотели увидеть еще? — спросил он. — Ученую свинью? Рыбный ряд? Мисс Фэрфакс, возможно, ваша тетя обрадуется хорошей свежей рыбе на ужин? Я полностью в вашем распоряжении.

— Ой, вы только посмотрите, мисс Фэрфакс! — пискнула Харриет. — Там мистер Мартин с сестрами. — Она указала на румяного здоровяка, сопровождавшего двух скромного вида девушек. — Разве я не должна подойти и поздороваться с ними?

— Нет! Конечно же, нет! — отрезала Эмма. — Они тебя не видели, поэтому нет никаких оснований идти к ним, тем самым выделив из общей массы. Мистер Черчилль, я благодарна вам за сопровождение, но должна сказать, что эта ярмарка, как я и ожидала, шумное вульгарное действо, и я не намерена оставаться здесь больше пяти минут. И я вам буду очень обязана, если вы проводите меня обратно в Хартфилд. Тебе, Харриет, я полагаю, лучше вернуться со мной; пребывание здесь не пойдет тебе на пользу. Надеюсь, ни один влиятельный человек в Хайбери тебя здесь не видел.

— Очень хорошо, мисс Вудхаус, — покорно сказала Харриет. И Джейн, лишенной спутницы, пришлось вернуться вместе со всеми.

Всю обратную дорогу она молчала, и когда Фрэнк спросил, может ли он, проводив домой мисс Вудхаус, нанести визит ее тете и бабушке, она холодно ответствовала, что их не будет дома, поскольку они приглашены в дом викария.

— Как хорошо, что не я, — заметила Эмма. — Тогда, мистер Черчилль, приглашаю вас зайти в Хартфилд. Мой отец всегда рад вас видеть.

Май, с его цветущими примулами, боярышником и нежным теплом, заканчивался, когда Элтоны устроили прием.

Миссис Элтон, прибыв в Хайбери, была в высшей степени шокирована низкими стандартами проводимых там социальных мероприятий, отсутствием льда, маленькими размерами комнат, плачевным количеством и качеством кексов и беззастенчивым использованием карт с загнутыми уголками, которые, совершенно очевидно, тасовали и сдавали уже много раз. Теперь она предполагала ответить на гостеприимство, с которым ее встретили в деревне, одним роскошным и очень престижным приемом.

— Должны ли мы пригласить Вудхаусов? — спросила она мужа.

Он, подумав, ответил:

— Боюсь, что да, любовь моя. В конце концов, старый мистер Вудхаус — главный церковный староста; но давай отошлем им приглашение на неделю позже, чем всем остальным. Это покажет надменной мисс Эмме, как высоко мы ее ценим.

Этот мелкий укол имел последствия, которых мистер Элтон не предвидел: оповещенная заранее о намечающемся торжестве мистером Найтли и другими друзьями, получившими приглашения, Эмма успела подготовиться. Она чрезвычайно сожалеет, но именно этим вечером ее сестра миссис Изабелла Найтли прибудет в Хартфилд за мальчиками — Джоном и Генри... В общем, обе стороны остались довольны.

Тем вечером Фрэнк был у отца и мачехи, поэтому его тоже включили в список приглашенных. Он был счастлив возможности провести время где угодно вместе с Джейн, тем более при большом стечении народа, где его внимание к ней не будет замечено.

Так вышло, что молодые и более легкомысленные гости собрались за большим столом и затеяли игру в спекуляцию ^[5], а гости старшего возраста увлеклись вистом. Фрэнк Черчилль

ухитрился сесть рядом с Джейн, которая никогда не играла в карточные игры, и он развлекался, обучая ее правилам. Мистер Найтли, игравший в вист, стал замечать признаки необычной близости между этими молодыми людьми, взгляды, исполненные большого, можно сказать, собственнического восхищения, которыми джентльмен окидывал девушку, и искреннюю приязнь, которая легко читалась на лице Джейн.

Найтли встревожился. Он всегда, еще с ее раннего детства испытывал расположение к Джейн Фэрфакс, и ему показалась невыносимой мысль о том, что она могла позволить втянуть себя в некие тайные отношения, тем более с мистером Черчиллем, которого он по причинам, известным только ему одному, невзлюбил с самого начала. Он наблюдал за ними очень внимательно, а когда игра закончилась и гости, разбившись на группы, собрались у камина в ожидании экипажей, услышал, как Фрэнк тихо сказал:

— Знаете, что я считаю своей самой большой ценностью? — В группе шел разговор о том, что следует спасать при пожаре, если осталось только мгновение до того, как дом рухнет. — Маленькую стопку писем, — сообщил Фрэнк. — Она легко уместится в перчатку. Именно ее я буду спасать в первую очередь.

Но Джейн отошла от него и спросила у мисс Бейтс:

— Тетя Хетти, не пора ли нам домой? Уже поздно, и бабушка будет тревожиться.

— Разве я не могу проводить вас домой? — спросил Фрэнк, но Джейн энергично покачала головой и скрылась за дверью раньше, чем он успел привлечь внимание отца и мачехи.

«Все это очень плохо, — подумал Найтли, — похоже, у этой пары есть какие-то тайны. Ничего иного я и не ждал от такого хлыща, как Фрэнк Черчилль — ленивого праздного бездельника. Но как могла согласиться на некие тайные отношения Джейн Фэрфакс, в высшей степени осмотрительная и разумная девушка?»

Спустя неделю подозрения Найтли усилились.

Уэстоны и их сын отправились на прогулку и убедили мисс Бейтс и ее племянницу присоединиться к ним. Был теплый июньский вечер, и неподалеку от Хартфилда они встретили мистера Найтли, который провожал Харриет и Эмму домой с прогулки по Донуэлл-лейн. У ворот Хартфилда Эмма, точно знавшая, что такие визиты доставляют удовольствие отцу, настояла, чтобы все зашли выпить чаю.

Когда они заходили в ворота, мимо проехал мистер Перри на своей лошади.

— А что, Перри так и не приобрел экипаж? — лениво спросил Фрэнк.

— Экипаж? — удивилась миссис Уэстон. — Не знала, что у него есть такой план.

— Как? Ведь я услышал об этом именно от вас. Вы написали мне несколько месяцев назад.

— Я? Не может быть. Я никогда не слышала ничего подобного.

— Правда? Ну, тогда я, наверное, все это придумал. Я вообще большой фантазер, — засмеялся Фрэнк. — Находясь вдаль, я все время думаю о друзьях в Хайбери, наверное, я причислил к ним и мистера Перри.

— По правде говоря, — забеспокоилась мисс Бейтс, — такая идея действительно была. Весной сама миссис Перри говорила об этом с моей матерью. Она считала, что убедила мужа купить экипаж. Джейн, помнишь, бабушка нам рассказывала — Джейн, где же ты? Почему ты так отстала? Странно, что мистер Черчилль об этом подумал, правда?

Мистер Найтли увидел, или подумал, что увидел, на лице Фрэнка Черчилля смущение, которое тот скрыл за улыбкой. Он непроизвольно бросил взгляд на Джейн, но она, о чем-то

глубоко задумавшись, теребила бахрому своей шали. Мистер Найтли заподозрил, что Фрэнк Черчилль старается поймать ее взгляд — он самым внимательным образом следил за ней, — но тщетно. Джейн прошла между ними в дом, ни на кого не глядя.

— Мисс Вудхаус, — сказал Фрэнк Черчилль позже, когда все уже выпили чай и сидели за большим круглым столом. — Мисс Вудхаус, а ваши племянники увезли с собой алфавит? Мы уже однажды играли в слова, всем понравилось. Давайте поиграем опять?

Эмма, которой предложение явно пришлось по вкусу, принесла коробку, и на стол были высыпаны буквы, которые она писала для мальчиков на маленьких дощечках.

Теперь Фрэнк, с большим неодобрением заметил Найтли, уделял все свое внимание Эмме. Более того, он откровенно флиртовал с ней, как будто желал набросить покров на свои истинные мысли и намерения. После того как он и Эмма вдоволь позабавились, загадывая друг другу слова, Фрэнк небрежно предложил отгадать слово мисс Фэрфакс, которая занялась этим делом, как и любым другим, со всей серьезностью. Фрэнк сидел рядом с Эммой, Джейн — напротив них, а мистер Найтли — так, что отлично видел их всех. Слово было отгадано, после чего Джейн со слабой улыбкой перемешала буквы и загадала слово мисс Харриет Смит, которая сидела рядом с мистером Найтли и сразу обратилась к нему за помощью. Слово было «ошибка», и когда Харриет его громко назвала, на щеках Джейн появился румянец, и Найтли сразу ощутил какую-то двусмысленность. Он понимал, что существует некая связь с информацией об экипаже мистера Перри, но какая? Это было выше его понимания. Как деликатность и осмотрительность его любимицы могли так сильно ее подвести? Он опасался, что дело зашло достаточно далеко. Неискренность и двусмысленности виделись ему на каждом повороте.

Продолжая наблюдать, он увидел короткое слово, приготовленное для Эммы и положенное перед ней с лукавым и притворно застенчивым видом. Она, судя по всему, нашла его в высшей степени забавным, хотя решила, что обязана высказать свое неодобрение.

— Стыдитесь! — воскликнула она.

Найтли услышал, как Фрэнк Черчилль спросил:

— Показать это ей? Хотите?

И Эмма, смеясь и явно всей душой соглашаясь с ним, ответила:

— Нет, что вы, не стоит.

Тем не менее это было сделано, и мистер Найтли, скосив глаза, увидел слово: Диксон. Джейн Фэрфакс была явно недовольна. Она подняла глаза, увидела, что за ней наблюдают, сильно покраснела — Найтли никогда не видел такого яркого румянца на ее щеках — и сказала:

— Не думала, что можно загадывать и имена собственные.

После этого она сердито отодвинула буквы и повернулась к тете.

— Ах да! — воскликнула та. — Нам действительно давно пора домой!

Фрэнк Черчилль, нахмурившись, подвинул Джейн другой набор букв, но она не обратила на это внимания.

Джейн, завернувшись в шаль, попрощалась с мистером Найтли и почувствовала в его отношении тяжесть, холодность и недовольство, которых от него никогда не ожидала. По дороге домой она никак не реагировала на оживленную болтовню тети и шагала молча, в крайне подавленном настроении, чувствуя лишь свое бессилие и несправедливость.

А Найтли, который тоже шел домой пешком, думал, что приезд Фрэнка Черчилля в

Хайбери испортил двух его любимиц: Эмму Вудхаус и Джейн Фэрфакс, обе пострадали от этого молодого человека, хотя и по-разному. Одна стала недоброжелательной, другая — неискренней и скрытной. Как бы ему хотелось, чтобы этот презренный хлыщ никогда не покидал Йоркшир!

Была середина июня, погода стояла превосходная. Фрэнк часто бывал в Хайбери, и Джейн лишь с огромным трудом удавалось его убедить, что они не могут — это неправильно, бедственно, пагубно — гулять вдвоем по полям, рощицам и пустошам, так же как и по тропинкам, окруженным густыми зарослями шиповника и жимолости.

— Но почему? Я никогда не остаюсь с вами наедине! — горячился он. — Записки и мелкие знаки внимания — это чудесно, но мне нужны вы, ваше присутствие! Вы даже не представляете, как отчаянно мне вас не хватает. В такую прекрасную погоду, в таком восхитительном месте. Это слишком тяжело! Это несправедливо! Я так старался, чтобы иметь возможность приезжать в Хайбери: убедил тетю и дядю уехать из Йоркшира, потом из Лондона. И теперь я имею возможность лишь мельком взглянуть на вас на какой-нибудь отвратительной карточной игре у Элтонов!

Джейн, отчаянно ревновавшая и обиженная на Эмму, решила, что ноги ее больше не будет в Хартфилде. Она чувствовала, что Эмма, счастливая, богатая, веселая и свободная, намного лучше подходит Фрэнку Черчиллю, чем она сама: им нравились одни и те же шутки, они не обращали внимания на соображения приличий, на добродетель, которая не позволяла Джейн согласиться на короткие тайные встречи со своим обожателем. Короче говоря, она опасалась, что Фрэнк, ближе познакомившись с мисс Вудхаус, пожалеет о своей недозволенной связи и захочет освободиться от нее. И потому, когда ему все же удавалось добиться короткой встречи наедине, он чаще всего сталкивался с холодностью, упреками, почти враждебностью. И это было несправедливо по отношению к ним обоим — Джейн это признавала, потому что в теперешних стесненных обстоятельствах Фрэнк был для нее единственным источником радости и душевного комфорта. Она стала получать меньше писем из Ирландии и с горечью поняла, что расстояние и время сыграли свою роль в охлаждении некогда близких и добрых отношений. Полковник и миссис Кэмпбелл писали о возможном возвращении в Лондон в августе, но их приезд так долго и часто откладывался, что очередная задержка представлялась вполне возможной. А внимание и забота Фрэнка оставались прежними. Между его усердными визитами в Хартфилд, прогулками, разговорами и показным ухаживанием за мисс Вудхаус он все же находил время для бесконечного числа записочек и маленьких, но милых сердцу пустячков, которые оставлял для Джейн в дупле старого дуба. В записках иногда была всего лишь одна строчка или четверостишие:

Одно мгновение счастья может возместить
Нескончаемые часы боли.
Таким был трепет и рыдание
Рыцаря, обнимающего Джейн.

«Хотел бы я быть этим рыцарем!
Я все время думаю о вас. Ф.Ч.»

Поскольку Джейн, крайне смущенная дорогим подарком — пианино, — умоляла Фрэнка больше не компрометировать ее подобным образом, ведь в крошечных комнатках ее

тети и бабушки невозможно было ничего спрятать, он проявлял чудеса изобретательности, находя для нее сувениры таких размеров, что их можно было спрятать в перчатке или в складках носового платка. Он подарил ей крошечную китайскую собачку из слоновой кости — «чтобы она охраняла вас», венецианскую стеклянную бусинку, меняющую цвет, «которая когда-нибудь соединится со своими двадцатью девятью братьями, а пока примите ее, как залог будущего». Еще он где-то отыскал миниатюрный шелковый кошелек с великопостной милостыней^[6], причем самая крупная серебряная монета была размером с ноготь ее мизинца. Джейн не могла не признать, что его подарки были очаровательными и демонстрировали искреннюю привязанность. А ее собственное поведение казалось совершенно неразумным. Но она ничего не могла с собой поделать.

Тем временем она начала считать жизнь в Хайбери невыносимо ограниченной и мелкой. Здесь ей было душно! Интересно, как Эмма ее выносит на протяжении стольких лет? Разговоры здесь были удручающе одинаковы. День ото дня Джейн была обречена выслушивать предположения миссис Коул, миссис Годдард, миссис Кокс, миссис Отуай относительно возможности союза между мистером Черчиллем и мисс Вудхаус. «Такая чудесная пара! Они так подходят друг другу!» В качестве альтернативы рассматривался союз между тем же мистером Черчиллем и мисс Смит. «Очень романтично, но только его высокопоставленная семья никогда этого не допустит, ведь эта девица никто». Другой темой для размышлений и догадок была дружба между мистером Найтли и мисс Смит. «Он в последнее время уделяет ей явное внимание, а ведь раньше ничего подобного за ним не замечалось». Это предположение, обрушившееся на Джейн как гром среди ясного неба, застало ее врасплох и вызвало душевные муки. Нет, думала Джейн, это немыслимо, он никогда бы не стал тратить свое время на эту ничтожную дурочку. Судя по всему, она еще не избавилась от детских грез о мистере Найтли.

Для Джейн единственной альтернативой таким разговорам была нескрываемая злость Элтонов по отношению к Эмме, и навязчивые, и крайне раздражающие попытки миссис Элтон пристроить ее на какую-нибудь нежеланную учительскую должность. А поскольку совесть неустанно твердила ей, что она не должна больше быть обузой для семьи Кэмпбеллов, эти непрошенные услуги казались вообще невыносимыми.

Если же она затрагивала этот вопрос в разговоре с Фрэнком, он просто отметал эту тему, и его отношение являлось для Джейн дополнительным источником досады.

— Учить? Вы? Что за чепуха! Об этом и говорить не стоит!

— Но об этом нельзя не говорить! — упорно и сердито повторяла Джейн. — Именно для этого я получила образование. Об этом думали, когда я была еще маленькой. Надо думать и сейчас.

— Во всяком случае, я об этом думать отказываюсь, — решительно заявил Фрэнк и вручил Джейн маленький букетик лютиков. Они гуляли по полю вместе с мисс Бейтс, Уэстонами и Элтонами.

— Мистер Черчилль! — окликнула его миссис Элтон, шедшая впереди. — Вы будете в Хайбери в следующую пятницу? Я планирую пикник на Бокс-Хилл и рассчитываю, что вы примете в нем участие. Мы возьмем с собой пастушьи посохи, будем играть на дудочках, а леди наденут венки из диких роз. Мы хотели устроить его на этой неделе, но одна из наших упряжных лошадей захромала — такая досада!

Фрэнк обещал принять участие в пикнике, но сознался, что не умеет играть на дудке. Оказалось, что остальные гости тоже не обладают соответствующими навыками, так что от

этой части программы пришлось с сожалением отказаться.

Джейн, узнав, что Эмма тоже будет присутствовать, не ждала от мероприятия ничего хорошего. На публике Фрэнк теперь открыто ухаживал за Эммой, а она принимала и поощряла его ухаживания, что для Джейн было не более приятно, чем соль, высыпанная на рану.

Но до пикника на Бокс-Хилл предстояло еще одно мероприятие, участия в котором Джейн очень хотела бы избежать, но не видела способа это сделать. Мистер Найтли пригласил всех своих друзей в деревне провести несколько часов в Донуэлл-Эбби, перекусить и собрать столько клубники, сколько они смогут и захотят унести.

— Как он добр! — привычно вскричала тетя Хетти. — И клубника из Донуэлла — лучшая в стране. К сожалению, я не могу есть ее сама — ты знаешь, что со мной после этого делается, — но если мы с тобой, Джейн, поработаем час или около того, то сможем принести домой достаточно клубники, чтобы приготовить полдюжины банок варенья для бабушки. Ты еще не забыла, как она любит клубнику?

Так что способа избежать визита в Донуэлл не было. Мистер Найтли после игры в слова в Хартфилде держался с ней настолько отчужденно и сурово, что она почувствовала себя обиженной. За что он лишил ее прежнего дружеского участия? Да и разговоров о верховых прогулках больше не было. Так что день в его доме станет наказанием, а не удовольствием, поскольку она не понимала, как вернуть его расположение.

День оказался именно таким, как она ожидала. Донуэлл-Эбби — красивое старое имение, быть может, несколько беспорядочно застроенное, с большими садами, известными всей округе. Там была изумительная липовая аллея и красивый вид на реку, где находилась ферма Эбби-Милл, расположившаяся на поросшем деревьями склоне.

День был ужасно жарким.

— Ты знаешь, что там живут Мартины, — сказала тетя Хетти, указывая на ферму, после того как они собрали столько клубники, сколько могли унести, и прошли в тень, чтобы немного освежиться. — Я помню, одно время говорили, что мисс Харриет Смит выйдет замуж за Роберта Мартина — миссис Годдард утверждала, что он ей даже предложение сделал. Мисс Смит была очень дружна с сестрами Мартина. Но, думаю, мисс Вудхаус отговорила ее от этого брака. Она может устроиться лучше, в этом нет сомнений. Миссис Коул рассказывала, что мистер Фрэнк Черчилль или, возможно, речь шла о мистере Найтли — ты помнишь, он же танцевал с ней в «Короне», да и сейчас прогуливается с ней...

Что за ужасное место, подумала Джейн, перестав слушать тетушку. Никто и никогда не может избавиться от любопытных взглядов. Деревня добровольных шпионов! Они замечают каждый жест, слышат каждое слово!

Она бросила быстрый взгляд на мистера Найтли, который прогуливался в тени под руку с Харриет. Он не разговаривал с Джейн целый день — только утром поздоровался с ней. Что ж, для Харриет он, безусловно, завидная партия, хотя любопытно, о чем он с ней будет говорить? Правда, сейчас, похоже, у них не было проблемы с темой для разговора. Оба казались одинаково заинтересованными.

Почувствовав угрызения совести, Джейн взяла тетю Хетти за руку и усадила ее на скамейку под старым раскидистым буком. Там их нашла миссис Элтон.

— Вот и вы, моя дорогая Джейн! Вы должны послушать следующее: некая миссис Смолридж, кузина миссис Брэгг, подруги моей сестры Селины — дама, хорошо известная в Мейпл-Гроув. Там живут превосходные люди! А какое замечательное место! Так вот, ей

нужна умная молодая леди — как вы. Это же высшее общество! И совсем недалеко от Брайтона! К вам будут относиться со всем уважением (даже несмотря на то, что вы не умеете играть на арфе), как к влиятельной персоне. Вы не можете упустить такую великолепную возможность. Учтите, я не потерплю отказа! Ни за что. Прошу вас, дорогая Джейн, позвольте написать обратной почтой Селине — я только сегодня получила от нее письмо, — что вы крайне заинтересованы в получении этого места.

Джейн много раз благодарила — и столько же раз отказывалась, энергично качая головой. В конце концов она пришла в отчаяние. Назойливая благодетельница не желала ничего слушать. У Джейн создалось впечатление, что она тщетно пытается отбиться от жужжащего облака комаров и прочего гнуса. Взглянув в сторону, она увидела Эмму, прогуливающуюся с миссис Уэстон, и перехватила ее взгляд; странно, но в нем ей почувствовалось дружелюбие и сострадание.

Когда гости пошли в дом, Джейн ощутила огромное облегчение; все были приглашены в затененную прохладную столовую, где было подано холодное мясо, фрукты и пирог, и каждый мог положить на тарелку все, что хочет, и съесть это в любом понравившемся ему месте.

Отец Эммы мистер Вудхаус все утро провел в помещении у камина; он решил не выходить, потому что солнце, по его мнению, было опасно для здоровья. Но он не скучал, потому что в его распоряжении были книги, гравюры, камеи, раковины, кораллы и ящики, полные монет и медалей. Джейн с удовольствием посидела несколько минут с ним — ей всегда нравился мистер Вудхаус — и послушала, как он восхищается сокровищами хозяина.

Откуда-то послышался голос мистера Уэстона, убеждающего супругу:

— Чепуха, дорогая, вороная кобыла — хорошая, спокойная лошадь. Даже не сомневайся. Опоздание Фрэнка определенно вызвано какой-то фантазией, очередной причудой миссис Черчилль. Мальчик скоро придет.

Опоздание Фрэнка, раньше огорчившее бы Джейн, сейчас показалось ей сущим подарком. Все же одной причиной для волнений было меньше. А при взгляде на мистера Найтли она поняла, что уж он-то определенно будет счастлив, если Фрэнк вообще не придет.

После еды на Джейн снова коршуном набросилась миссис Элтон, требуя, чтобы та немедленно согласилась на столь блестящее предложение.

— Извините, — сказала наконец Джейн, чувствуя, что терпеть назойливость этой особы больше не в силах. — Я вижу мисс Вудхаус. Мне необходимо кое-что ей сказать. — Она знала, что миссис Элтон, ежедневно и ежечасно злословившая насчет Эммы, не пойдет за ней.

Мисс Вудхаус быстро шла к боковому входу в дом. Джейн поймала ее в дверях.

— Мисс Вудхаус, прошу вас, окажите мне небольшую любезность. Если меня хватятся, скажите, что я пошла домой. Уверена, тетя не знает, сколько сейчас времени, а я боюсь, бабушка не может оставаться так долго одна. Поэтому я пойду домой немедленно. Тетю отвезут домой мистер и миссис Элтон.

— Конечно, если вы так хотите. Но неужели вы собираетесь идти в Хайбери в одиночестве?

— Разумеется, а почему нет? Я хожу быстро и буду дома через двадцать минут.

— Но это слишком далеко. Позвольте, вас проводит слуга моего отца... или я прикажу подать экипаж...

— Спасибо, большое спасибо, но нет. Я лучше прогуляюсь. К тому же не мне бояться одиноких прогулок. Очень скоро мне придется опекать других.

Когда же Эмма снова попыталась переубедить ее, Джейн почувствовала, что ее силы на исходе.

— Мисс Вудхаус! Мы все знаем, что такое плохое настроение. Мое, признаюсь честно, хуже некуда. Вы окажете мне бесценную услугу, если отпустите меня восвояси.

— Да, я вас прекрасно понимаю, — сказала Эмма и посторонилась, давая Джейн пройти.

— О, мисс Вудхаус! — воскликнула Джейн от полноты чувств. — Как это прекрасно — иметь возможность иногда остаться в одиночестве.

Она увидела понимание на лице своей собеседницы и подумала, что если Эмма никогда всерьез не размышляла о положении Джейн раньше, то определенно сделала это сейчас.

Оставшись в одиночестве на Донуэлл-лейн, наслаждаясь чудесной тишиной и покоем, она решила, что если бы обстоятельства сложились иначе, она и Эмма Вудхаус могли бы стать добрыми подругами.

Отойдя подальше от Эбби, Джейн достала из ридикюля письмо и медленно перечитала его. Письмо было от Рейчел. Захлебываясь от счастья, она сообщала, что она и Мэтт теперь стали счастливыми родителями замечательного сына. «Если бы родилась дочь, дражайшая Дженни, мы бы назвали ее в твою честь, но сыну мы тоже недолго выбирали имя. Мы назвали его Сэмом и надеемся, что он вырастет таким же милым, добрым и любящим, как его дядя. Мои папа и мама счастливы, став дедушкой и бабушкой, и согласились остаться с нами до октября. Мэтт передает тебе огромный привет. Дженни, дорогая, когда ты приедешь и познакомишься с новым членом семьи Диксон?»

Радостные новости, в этом сомнений нет; тогда в Уэймуте она все сделала правильно. И все же она чувствовала, что какая-то дверь закрылась перед ней навсегда; ее отношения с Рейчел больше никогда не станут прежними. Мэтт и Рейчел теперь стали настоящей семьей. А как же любовь, о которой Мэтт говорил ей? Все прошло — забыто — уничтожено. Теперь Мэтт Диксон потерян для нее навсегда.

В это время она услышала стук копыт и увидела перед собой Фрэнка Черчилля, сидящего верхом на черной кобыле. Он выглядел уставшим и разгоряченным.

Его приветствие было лишено обычного искреннего восхищения.

— Что вы здесь делаете? Не понимаю! Это же ни на что не похоже! Я рассчитывал застать вас в Донуэлле. Что подумают люди?

— Что подумают? Что подумают? — взорвалась Джейн, окончательно потеряв терпение. — Какая мне разница, что они подумают! Нет, — поправила она сама себя, — разница, конечно, есть. Но миссис Элтон вообще не должна была рождаться на свет. А мистер Найтли сердит на меня. Уверена, он догадался о нашей тайне. И было так жарко. А эта ужасная женщина нашла для меня место и настаивает, чтобы я немедленно приняла предложение...

— Вы вернетесь со мной в Донуэлл? — спросил он, явно не все уловив из ее бессвязной речи.

— Вы сошли с ума? Ни при каких обстоятельствах! Что тогда люди подумают? Нет, вы отправляйтесь в Донуэлл, поговорите с мисс Вудхаус, желаю вам приятного дня.

— Думаю, это невозможно, — не слишком любезно сказал Фрэнк. — Полагаю, я обязан проводить вас в Хайбери. Вы не должны ходить по таким дорогам в одиночестве. Это

неправильно и небезопасно. Вспомните, что случилось с мисс Смит.

— Вы считаете, будет лучше, если меня увидят на этой уединенной дороге с вами? — воскликнула Джейн. — Разве недостаточно, что мои друзья — люди, которых я люблю и высоко ценю, холодны со мной и... и... — Из ее груди вырвалось сдавленное рыдание. Через мгновение она взяла себя в руки и уже спокойнее добавила: — Пожалуйста, оставьте меня, мистер Черчилль. Мне не нужно ваше сопровождение, и я не хочу его.

— Спасибо, — с глубокой обидой сказал Фрэнк, снова вскочил на кобылу и поскакал к Донуэллу.

А Джейн, глотая слезы, поплелась в Хайбери.

Пикник на Бокс-Хилл при таких обстоятельствах не мог быть успешным. Он таковым и не был. Прежде всего гости совершенно не подходили друг другу. Эмма и чета Элтонов почти не разговаривали, миссис Уэстон, добрая и отзывчивая женщина — извечный миротворец, осталась дома, поскольку ей через десять дней предстояло рожать. Мистер Найтли демонстрировал мрачное неодобрение по отношению к Фрэнку Черчиллю, которого, судя по всему, это совершенно не тревожило, и к Джейн, которую это, напротив, тревожило слишком сильно. Мистер Уэстон, добродушный и чуть глуповатый человек, казалось, ничего не замечал. Харриет Смит нервничала, Фрэнк был грустен и подавлен, Эмма откровенно скучала. Только мисс Бейтс, как обычно, была оживлена и болтлива. Погода стояла жаркая и сухая.

Когда расставили легкую закуску и гости расселись на траве, Фрэнк встрепенулся и стал бесстыдно флиртовать с Эммой. Та не возражала. Было очевидно, подумала Джейн, что Фрэнк хочет сделать ей больно, но чего добивается Эмма? Она слишком хорошо воспитана, чтобы вести себя так, как ведет сейчас. Перехватив раз или два ее дерзкий поддразнивающий взгляд, адресованный мистеру Найтли, Джейн решила, что Эмма хочет досадить этому джентльмену; но если так, она определенно добилась успеха, поскольку выражение его лица становилось все более мрачным.

В общем, это была ужасная поездка, но кульминация стыда и дискомфорта была достигнута, когда Фрэнк объявил:

— Леди и джентльмены, я уполномочен мисс Вудхаус, которая, где бы она ни была, является главной, сказать, что она требует от каждого из вас или одной вещи очень умной, или двух умеренно умных, или трех очень глупых и она обязуется от всего сердца смеяться над всем сказанным.

— Очень хорошо! — сразу же воскликнула мисс Бейтс, находившаяся в счастливом неведении относительно бушующих вокруг страстей. — Три очень глупых вещи? Это как раз для меня. Мне стоит только открыть рот. — И она обвела глазами собравшихся, ожидая согласия.

— Но, мэм, — вмешалась Эмма. — Здесь возможны трудности. Простите, но вы ограничены числом. От вас ждут только трех глупостей одновременно.

Мисс Бейтс не сразу поняла, что Эмма имела в виду, но Джейн покраснела, вскочила и отошла от группы. И лишь через какое-то время, овладев собой, вернулась на место.

Фрэнк попытался перехватить ее взгляд, но она ни на кого не смотрела.

Теперь заговорила миссис Элтон — ее тон был резким и оскорбленным:

— Мисс Вудхаус, вам придется извинить меня, но я не собираюсь ничего делать по команде. Мне есть что сказать, но только я решаю, когда говорить, а когда придержать язык.

Так что пропустите, пожалуйста, мистер Черчилль, меня, мистера Элтона и Джейн.

— Может быть, мы прогуляемся, Августа? — спросил ее муж.

— С большим удовольствием. Пойдемте, Джейн, мы вас ждем.

Однако Джейн упрямо покачала головой, и супруги удалились.

— Счастливая пара, — сказал Фрэнк. — Как хорошо они подходят друг другу! А ведь поженились после знакомства в публичном месте. Только увидев женщину в своем доме, можно составить мнение о ней. Все остальное — догадки и везение, точнее, обычно это невезение. Как часто мужчины полагаются на короткое знакомство и ломают себе жизнь!

Он смотрел прямо в глаза Джейн, и та холодно ответила:

— Поспешная опрометчивая привязанность, конечно, может возникнуть, но, как правило, есть время, чтобы избавиться от нее впоследствии. Только слабые, нерешительные натуры превращают неудачное знакомство в неудобство.

Фрэнк не ответил, и тогда она обратилась к тете:

— Может быть, мы присоединимся к миссис Элтон, мэм?

Мисс Бейтс молча согласилась. Пока они удалялись от группы, Джейн постоянно слышала за спиной громкий голос Фрэнка. Но только оживление, которое он так старательно изображал, было вымученным и фальшивым.

Вид слуг, ожидавших хозяев, чтобы подать экипажи, не мог не обрадовать, хотя обратный путь с обозленными Элтонами оказался нешуточным испытанием. Джейн старалась не слишком вслушиваться в гневные тирады и в основном хранила молчание.

— Я ошиблась в этом молодом человеке — ужасно ошиблась! Фат! Невыносимый пижон! Что он нашел в Эмме Вудхаус? Впрочем, и она не лучше. Кто стал бы терпеть ее непростительную грубость к вашей тете, моя дорогая Джейн? Совершенно непростительное поведение! Впрочем, чего еще можно было ожидать от подобной особы?

Джейн тоже считала, что Эмма повела себя очень грубо. Но мисс Бейтс и здесь проявила терпимость.

— Знаете, я ведь действительно говорю не переставая. Я изрядная болтушка, и ничего с этим не поделаешь. А мисс Вудхаус и ее отец — о, они всегда так добры и внимательны! — мисс Вудхаус, должно быть, часто находит меня утомительной. Мне бы следовало чаще придерживать язык, это уж точно.

— Вот что, — заявила миссис Элтон, когда Джейн и ее тетя вышли из экипажа у дверей своего дома, — я хочу, чтобы вы пришли сегодня вечером в дом викария.

«О нет, только не это», — подумала Джейн.

— Отказа я не приму, — продолжила миссис Элтон. — Сегодня был слишком тяжелый день... слишком утомительная компания. И нам всем нужен тихий приятный вечер в кругу настоящих друзей. Прошу вас, мисс Бейтс, моя дорогая Джейн, скажите, что вы придете. Иначе мистер Элтон и я останемся только вдвоем, и это когда и у него, и у меня такое плохое настроение. Я правильно говорю, мистер Элтон? Помогите мне убедить их! Вы можете привести и свою мать, мисс Бейтс, это будет здорово, правда, мистер Элтон?

— Да, — мрачно ответил тот.

Джейн в полном унынии поняла, что спасения нет.

На следующий день после пикника на Бокс-Хилл Джейн, проснувшись, ощутила сожаление, потерю и обычные симптомы, говорившие о приближении очередного приступа сильнейшей головной боли. Ей казалось, что голову стискивает железный обруч, сильно тошнило, она ничего не могла есть и испытывала сильную боль в глазах, если смотрела на свет. Она была бы рада остаться в постели, но было слишком много дел.

Прежде всего следовало написать письмо Фрэнку. Она быстро набросала короткую записку, сообщив, что разрывает помолвку, ставшую источником сожалений и страданий для них обоих. Она попросила вернуть свои письма и отослала его кольцо. Затем она написала миссис Смолридж, закадычной подруге приятельницы сестры миссис Элтон миссис Брэгг, и приняла предложение занять пост гувернантки четырех маленьких Смолриджей. После этого она написала полковнику и миссис Кэмпбелл, сообщив о своем решении, и записку Рейчел Диксон с поздравлениями.

Но после этого ей все же пришлось остановиться. Слезы застилали глаза. Она опустила голову на подушку, но головная боль оказалась совершенно невыносимой. Джейн снова встала и начала мерить шагами затемненную комнату.

Приоткрылась дверь, и в щель просунулась голова тети Хетти. Сегодня посетители шли сплошным потоком. Миссис Элтон, миссис Коул, миссис Годдард, миссис Кокс — все заходили, чтобы узнать, как она себя чувствует, и поздравить с получением хорошего места. На этот раз оказалось, что явилась мисс Вудхаус.

— Мисс Вудхаус? — не поверила Джейн, которая едва могла шевелить губами. — Что ей нужно от нас? — Неужели она считает, что причинила нам мало горя, хотелось спросить Джейн. — Я не могу ее видеть. Я не могу видеть никого.

Она знала, что Фрэнк вернулся в Ричмонд. Он отбыл накануне вечером, сразу после пикника на Бокс-Хилл почтовым экипажем, поскольку его лошадь простудилась. Мистер Элтон узнал об этом от конюха в «Короне».

— Хорошо, — сказала тетя Хетти, — я скажу ей, что ты плохо себя чувствуешь.

— Говори ей что хочешь, — сказала Джейн и снова начала ходить по комнате.

За дверью она слышала голос Эммы:

— Ах, мэм, вам, должно быть, будет очень больно потерять ее. А разве полковник и миссис Кэмпбелл не будут недовольны, узнав, что она начала работать, не дождавшись их возвращения? — Ее слова звучали вполне искренне. Неужели она хотела загладить свое непростительное поведение, подумала Джейн. Все равно уже поздно. Слишком поздно. — А что вы сделаете с пианино? О, наверное, это будет решать полковник Кэмпбелл. Джейн говорила, что все будет, как он решит.

Вскоре после этого Эмма ушла, а головная боль все же вынудила Джейн лечь в постель с холодным компрессом на лбу и нюхательной солью тети Хетти под рукой, хотя ни одно из этих лекарств не приносило ей облегчения.

Следующий день принес поразительные новости из Ричмонда. В Рэндаллс прибыл посыльный, сообщивший о смерти миссис Черчилль. Мистер Уэстон был почти так же болтлив, как мисс Бейтс, и поэтому информация очень скоро распространилась по всей деревне. Миссис Коул сообщила о случившемся семейству Бейтс. Неожиданный приступ, совершенно иной природы, чем все ее прежние болячки, свел железную леди в могилу.

Грозной тетушки Фрэнка Черчилля больше не было.

Джейн эта новость показалась странной, почти нереальной. Головная боль, даже по прошествии двух дней, была очень сильной; ее билась сильная нервная дрожь. Мистер Перри, приглашенный встревоженной тетей Хетти, высказал сильное сомнение в том, что она сможет выполнить взятые на себя обязательства перед миссис Смолридж, во всяком случае, в согласованные сроки. Мистер Перри предположил, что Джейн взяла на себя больше, чем в силах исполнить. «Но что же мне делать? — с тоской думала Джейн. — Я должна работать. Я должна зарабатывать себе на жизнь».

Было как-то странно осознавать, что новость о смерти миссис Черчилль, приди она неделей раньше, открыла бы перед Джейн совсем иные перспективы. Было понятно, что муж грозной леди, человек добродушный и мягкий, был совсем не таким, как его супруга. Он бы без труда согласился на брак Фрэнка с любой молодой леди по его выбору. Главное препятствие к браку неожиданно исчезло. Ах, если бы только это случилось неделей раньше. А теперь она потеряла Фрэнка Черчилля, потеряла очаровательного доброго и умного молодого человека, который, во всяком случае, вначале, искренне ее любил.

Но все, что ни делается, к лучшему, решила Джейн, стараясь найти прохладное местечко на своей подушке. «Мы не подходим друг другу, и в последнее время это стало совершенно очевидно. Ему будет намного лучше с Эммой Вудхаус, и я от всего сердца желаю им счастья». Все это она твердила себе, стараясь подавить мучившие ее сомнения, опасения, что она с легкостью отбросила то, что было на самом деле бесценным.

Тем временем Эмма Вудхаус, казалось, искренне раскаивалась. Она сожалела или о своем вульгарном и неуместном флирте с мистером Черчиллем, или о бессердечной грубости по отношению к мисс Бейтс, или и о том, и о другом. Во всяком случае, от нее каждый день приносили добрейшие записки. Не может ли она пригласить мисс Фэрфакс на прогулку в своем экипаже? Не пожелает ли мисс Фэрфакс провести день в Хартфилде — спокойно погулять по саду? Не примет ли мисс Фэрфакс в подарок немного аррорута ^[7], студня из телячьих ног, хорошего вина? На все предложения был дан отказ, все подарки немедленно возвращались, несмотря на просьбы и протесты мисс Бейтс. Джейн чувствовала, что не вынесет подарков от Эммы, в каком бы настроении она их ни посылала. Почувствовав тягу к свежему воздуху и одиночеству, Джейн совершала долгие прогулки по полям и лугам вокруг Хайбери, не заботясь о том, кто может ее увидеть.

Между тем — и это причиняло Джейн больше всего страданий — она не имела никаких вестей от Фрэнка. Не было ни уведомления о том, что он получил ее записку с просьбой разорвать помолвку, равно как и второго письма, повторяющего первое, ни ее писем, о которых просила. Ничего. Она ненавидела его, не желала больше никогда в жизни слышать его голос... но почему он не ответил? Она решила никогда больше не думать о нем, но этот полный разрыв оказался настоящей пыткой; она и представить не могла, что будет так плохо. Неужели он, занимаясь семейными делами, попросту забыл о ее существовании? Возможно, дядя и племянник переехали в Йоркшир? Что с ним стало?

Десять дней Джейн довольствовалась обрывками слухов, которые просачивались из Рэндаллса, а их теперь было совсем немного. Дело в том, что миссис Уэстон должна была вот-вот родить и не выходила из дома, а ее заботливый муж постоянно был рядом. Говорили, что Фрэнк и его дядя живут у друзей в Виндзоре, а оттуда в свое время вернутся в Энскомб.

И только на десятый день, когда Джейн, усталая и подавленная, совершив обычную одинокую прогулку по лугу между Хайбери и Донуэллом, возвращалась домой, она услышала

стук копыт по дороге и над живой изгородью увидела Фрэнка Черчилля. В тот же самый момент он заметил ее, остановил лошадь и прыгнул на землю.

— Джейн! — громко закричал он. — Джейн!

Она бы бросилась наутек, но бежать было некуда; поле было большим, и она находилась примерно в середине.

В следующую минуту Фрэнк привязал лошадь к весьма ненадежному на вид старому кусту и стал пробираться сквозь живую изгородь; она была густой, и Фрэнку пришлось изрядно потрудиться. Но он преодолел препятствие, подбежал к Джейн и, несмотря на ее сопротивление, заключил ее в объятия.

— Моя дорогая девочка! Наконец-то я могу назвать вас своей перед лицом всего Хайбери! — Смеясь, он оглянулся по сторонам. Вокруг не было ни души. — Теперь я могу поцеловать вас, и ни одно человеческое существо на всем белом свете не сможет мне этого запретить!

— Но подождите! Подождите! — Джейн оттолкнула Фрэнка. — Я писала вам. Писала дважды. Вы получили мои письма? Я писала, что...

— Да знаю я, что вы писали. Помолвка — источник сожалений и страданий для нас обоих, и поэтому вы разрываете ее. Неужели вы думаете, что эти слова не были выжжены огнем в моем сердце?

— Тогда почему... Почему вы ничего не ответили?

— Я ответил! Ответил! Дайте же мне договорить! Да, я глупец и легкомысленный бездельник. Когда мы поженимся, вам придется заниматься всеми нашими делами. Ваше ужасное письмо пришло как раз в день смерти моей бедной тетушки. Я ответил на него немедленно; но из-за суматохи, царившей в доме, и множества забот, выпавших на мою долю, как-то получилось, что мое письмо не было отправлено, а осталось в ящике стола. Я написал, что не согласен на разрыв с вами, что теперь всем тайнам можно положить конец, что дядя согласен на нашу помолвку и все теперь будет хорошо. Я писал, испытывая глубочайшее раскаяние и стыд за свое позорное — непростительное поведение, которое объясняется только чувством неудовлетворенности и еще нетерпением. Я писал о своей глубокой страстной любви и молил вас передумать. Вот это письмо. Оно у меня с собой. Хотите прочитать его?

— Думаю, возможно, в этом нет необходимости, — ответила Джейн, слабо улыбаясь и пытливо всматриваясь в его лицо.

— Я не достоин вас, моя дорогая Джейн. Совершенно не достоин. И понимаю это. Но услышать, что вы собрались стать гувернанткой у какой-то ужасной миссис Смолридж! Узнать, что через две недели вы покинете Хайбери и станете для меня недостижимой! Не представляете, какие муки я испытывал!

— Значит, ваш дядя знает о нас? — недоверчиво спросила Джейн.

— Знает, и полностью одобряет мой выбор. Он с нетерпением ожидает возможности познакомиться с вами. Бедняга! Когда он привыкнет к своему новому положению — к одиночеству и свободе, — он станет другим человеком. Он почувствует себя бесконечно счастливым, если рядом будет такой ангел, как вы. Если только вы согласитесь, чтобы мы жили вместе с ним в Энскомбе...

— О, — засмеялась Джейн и сильно покраснела, — до этого еще очень далеко.

Она снова посмотрела на Фрэнка.

Он не Мэтт Диксон. Он не мистер Найтли. (Внутренне усмехнувшись над собой, она

поняла, что в этот самый момент раз и навсегда отреклась от своих детских мечтаний.) Но он хороший, добрый человек. Он таков, какой есть. И он любит ее. И она его любит, да, любит, несмотря ни на что. Им будет хорошо вместе.

Взявшись за руки, они медленно пошли через поле к проходу через живую изгородь. Оказавшись на дороге, Фрэнк взял под уздцы свою лошадь.

— Вы сказали отцу и мачехе о нас?

— Нет, я как раз еду туда. Но сначала я должен был поговорить с вами. Мне следовало попросить вашей руки в присутствии вашей семьи (и конечно, миссис Коул, миссис Кокс, миссис Годдард и миссис Элтон), но я рад, что так получилось. И был бы рад сохранить нашу любовь в тайне, известной только нам двоим, еще какое-то время. Если вы не возражаете, конечно.

— Вам нравятся тайны, — усмехнулась Джейн. — Судя по всему, вы прирожденный конспиратор. А как насчет мисс Вудхаус? Когда она обо всем узнает? Не станет ли это для нее слишком большим шоком?

— Нет, — серьезно ответил Фрэнк. — Думаю, вы ошибаетесь насчет мисс Вудхаус. Мне кажется, она уже очень давно догадывается о нашем секрете, возможно, с моего первого приезда в Хайбери. Однажды я ей сам чуть не сказал правду. Да, я знаю, ее флирт со мной можно было посчитать скандальным, но я уверен — и всегда был уверен, что с ее стороны это была только игра. Поверьте, иначе я никогда бы не позволил, чтобы дело зашло так далеко. Мисс Вудхаус никогда, ни одной минуты не была влюблена в меня. Кому принадлежит ее сердце? Не знаю и не берусь строить догадки. Возможно, она вообще не намерена выходить замуж?

Мысли Джейн метнулись к мистеру Найтли, но она ничего не сказала, и Фрэнк продолжил:

— При нашей следующей встрече мы официально подтвердим помолвку. Это не будет слишком традиционно и скучно? Давайте расстанемся здесь, как Ромео и Джульетта, надеясь, что нас никто не видит. До свидания, моя дорогая, любимая Джейн. Сегодня я счастливейший человек в Хайбери.

— А почему не в Суррее? — усмехнулась Джейн.

Фрэнк уже был в седле, но при этих словах обернулся и послал ей воздушный поцелуй, успев краем глаза заметить потрясенную физиономию мистера Элтона, выходявшего из церковных ворот.

Спустя несколько дней снова явилась Эмма. Так получилось, что мисс Бейтс в это время не было дома, зато с Джейн была миссис Элтон. Джейн не могла не сожалеть об этом обстоятельстве; она знала о том, что две леди друг друга терпеть не могут, и предпочла бы встретиться с мисс Вудхаус без свидетелей.

Но миссис Элтон следовало успокоить, объяснить, почему она сначала приняла предложение миссис Смолридж, а потом неожиданно отвергла его. И Джейн пришлось познакомить ее с некоторыми истинными фактами. Леди вовсе не была оскорблена, наоборот, она проявила самый горячий интерес, особенно когда узнала, что она единственный человек в Хайбери, посвященный в этот секрет.

— Не кажется ли вам, мисс Вудхаус, — игриво воскликнула она, — что наша дерзкая маленькая подружка удивительным образом поправилась? Не думаете ли вы, что мистер Перри добился поразительных успехов в ее лечении? — Потом она тихонько сказала Джейн: — Мы никому не скажем ни слова о помощи, которую получил Перри, о некоем молодом докторе из Виндзора. Пусть уж все лавры достанутся Перри...

Мнение миссис Элтон о Фрэнке Черчилле, которого она совсем недавно считала фатом и пижоном, волшебным образом изменилось.

Скоро за супругой явился мистер Элтон; он казался усталым и раздраженным.

— Искал Найтли по всему городу! Он даже записки не прислал! Совершенно забыл о нашей встрече. Случайно встретил его слугу Уильяма Ларкинса — тот сказал, что хозяин последние дни пребывает в скверном расположении духа и от него невозможно добиться даже слова. Странно все это!

Эмма объявила, что ей пора идти. Она, по мнению Джейн, казалась непривычно оживленной и явно пребывала в приподнятом настроении. Встретившись глазами с Джейн, она улыбнулась так многозначительно, что Джейн решила проводить ее до дверей. Она знала, что Уэстоны сообщили Эмме новость о помолвке, и чувствовала облегчение оттого, что мисс Вудхаус определенно не расстроилась.

На лестнице Эмма сжала руку Джейн и сказала:

— Я очень, очень рада за вас, мисс Фэрфакс. На самом деле, если бы вы не были в окружении друзей, я испытала бы непреодолимое искушение остаться и расспросить вас обо всем, заставить поделиться своими секретами. А это было бы дерзко и неуместно с моей стороны.

— О! — воскликнула Джейн, краснея. — Думаю, такой опасности нет. К сожалению, сейчас нет времени, чтобы сказать все, что я хочу. Мне бы хотелось извиниться. Я вела себя недружелюбно, все ваши предложения встречала в штыки... Вероятно, ваше чувство сострадания подверглось суровому испытанию...

— Вы слишком щепетильны, моя дорогая! — воскликнула Эмма. — Все разрешилось ко всеобщему удовлетворению, все счастливы и довольны.

— Вы очень добры, но я знаю, что вела себя по отношению к вам холодно и неестественно. Мне все время приходилось играть. Это была жизнь, построенная на обмане. Знаю, что внушила к себе отвращение. Фрэнк... мистер Черчилль как-то сказал, что вы назвали мою сдержанность отталкивающей чертой...

— Прошу вас, не продолжайте. Все извинения должны быть принесены с моей стороны.

Когда я вспоминаю о пикнике... Давайте простим друг другу все прежние грехи сразу и больше не будем об этом говорить.

«А ведь это, — подумала Джейн, — и есть настоящая Эмма. Интересно, почему я никогда не видела ее такой раньше?»

— Почему, — задумчиво пробормотала она, — мы не были друзьями с самого детства?

— Очень жаль, что нам предстоит потерять вас именно теперь, — с улыбкой сказала Эмма, — когда я только что начала вас узнавать.

«А насколько хорошо я знаю тебя? — подумала Джейн, провожая взглядом Эмму, которая быстро шла по улице к мистеру Найтли, стоявшему у «Короны». — Чему ты так радуешься? Вызвано ли твое отличное настроение моими новостями, или есть что-то еще?»

Очень скоро друзья миссис Уэстон получили возможность с облегчением вздохнуть, узнав, что она благополучно родила девочку. А потом по деревне разнесся странный, удивительный и почти неправдоподобный слух.

Это было известие о помолвке Эммы Вудхаус и мистера Найтли, которую хранили в секрете до полного выздоровления миссис Уэстон. Ведь только ее дружеское участие способно заставить мистера Вудхауса воспринять эту новость благосклонно. Было даже решено, что мистер Найтли на некоторое время покинет Донуэлл-Эбби и поживет в Хартфилде. Не существовало иного способа примирить мистера Вудхауса, не бывшего сторонником супружеских отношений, с этим браком.

Миссис Элтон, когда слухи достигли дома викария, сначала не поверила, а потом недовольно скривилась.

— Бедный Найтли — бедняга! Не повезло ему! Как он мог так обмануться? Теперь придется прекратить с ним общение, которое было довольно-таки приятным. И что за безумный план — жить вместе. Из этого все равно ничего не выйдет. — Она знала одну семью в Мейпл-Гроув, которая пыталась так жить, но была вынуждена разделиться уже через несколько месяцев.

Мистер Элтон выразил надежду, что теперь юная леди успокоится. Ведь она всегда хотела поймать в свои сети мистера Найтли, в этом он не сомневался.

Джейн, услышав новость, к своему собственному удивлению и стыду, ощутила болезненный укол. «Ну вот, — уныло подумала она, — еще одна частичка моего сердца разбилась. Сколько раз за целую жизнь разбивается женское сердце? Я была уверена, что излечилась от своего детского обожания, но, оказывается, недооценила его силу. Вероятно, взросление происходит намного медленнее, чем я ожидала... Найтли лучше Фрэнка, этого я не могу отрицать; и Эмме очень повезло. Он быстро научит ее простой истине: для счастья вовсе не обязательно быть самой важной персоной, хотя не исключаяю, что она это уже и сама поняла. Странно: я заметила перемены в ней после дня в Донуэлле и ужасного пикника на Бокс-Хилл. Возможно, тогда ее собственное поведение стало для нее уроком. Только ей надо было найти время и подумать над этим. Найтли поможет ей. А я помогу Фрэнку. Но и Фрэнк поможет мне; не сомневаюсь, что он будет добрым и веселым, будет заботиться обо мне. С ним мне будет интересно. И еще он знает моих друзей в Ирландии — Рейчел, Мэтта и Сэма».

Вскоре принесли записку из Рэндаллса: завтра приедет Фрэнк. Сможет ли мисс Фэрфакс освободить вечер?

Джейн уже совершила прогулку в экипаже с миссис Уэстон, своей будущей свекровью: они имели долгий разговор, во время которого Джейн немного поплакала, облегчила душу и

получила заверения в том, что она и Фрэнк поступили не так уж плохо и все это вполне простительно, что чета Уэстонов уже давно любит ее, как дочь, и, по их мнению, Фрэнк не мог сделать лучшего выбора. И Джейн действительно почувствовала, что миссис Уэстон — добрая, домашняя, обожающая женскую компанию и знающая ее с шестилетнего возраста, может стать для нее больше матерью, чем миссис Кэмпбелл, дружелюбная, но всегда погруженная в чтение «Аналитического журнала».

В Рэндаллсе она встретила с Фрэнком: любящим, смеющимся, то стыдящимся долгого обмана, то готового хвастаться им. Перед ним невозможно было устоять. Эмма, пришедшая вместе с отцом навестить новорожденную, сказала ему:

— Подозреваю, что, несмотря на все свои трудности, вы изрядно развлеклись, обедев нас всех вокруг пальца. Уверена, это явилось для вас немалым утешением.

— О нет, нет! Как вы могли заподозрить меня в этом? Я был несчастным, жалким человеком.

— Не верю. И не сомневаюсь, что вы находили в ситуации источник большого веселья. Возможно, я так думаю, потому что, по правде говоря, считаю, что сама бы отлично позабавилась. Мне кажется, между нами есть нечто общее, может быть, не между нами, а между нашими судьбами, и мы оба оказались связанными с людьми, превосходящими нас во всех отношениях.

— Это правда, — с искренней теплотой ответил Фрэнк.

— Ты помнишь, как в детстве мы играли в свадьбы? — спросила Эмма, прогуливаясь вместе с Джейн в саду миссис Уэстон.

— Я всегда ненавидела эти игры, — непроизвольно вырвалось у Джейн.

— Как странно. Но почему?

— Точно не знаю. Возможно, боялась, что никогда не выйду замуж. Я была такой простой. И терпеть не могла разговоры об одежде, вероятно, потому, что никогда не имела ни одного собственного нового платья.

— Зато теперь ты так элегантна... — Эмма засмеялась. — А ты знаешь, как сильно я тебе завидовала? Временами я тебя даже ненавидела. И все потому, что мама слушала, как ты играешь на пианино, а мою игру она никогда не слушала. И она оставила тебе сто фунтов. Все наше детство я имела на тебя зуб. А все вокруг твердили, что мы должны быть друзьями, потому что мы одного возраста. Вот мы и стали врагами. Ты всегда и во всем была лучше меня — в уроках, музыке, верховой езде...

— Думаю, это было ужасно, — пробормотала Джейн. — В крошечной деревне, как Хайбери, люди вроде нас, имеющие что-то общее, всегда обречены на соперничество, поскольку окружающие их постоянно сравнивают.

— А позднее, когда ты постоянно уезжала и возвращалась, я завидовала тебе еще больше. Ведь ты повидала мир, а я нет. Лондон — Вест-Индия — Уэймут... Ты можешь поверить, что я за всю свою жизнь ни разу не покидала Хайбери? Вероятно, поэтому мне так нравится придумывать истории о людях. Это я могу сделать. Это дает мне ощущение силы, возможности изменить их жизни.

— Опасно, — с сомнением протянула Джейн.

— Еще как! Но я только сейчас понимаю, насколько ты права. От безделья я занималась глупостями — сватовством, к примеру. И еще я отговорила мисс Смит от брака с Робертом Мартином.

— Она действительно хотела выйти за него? И ты разубедила ее?

— Да. К своему великому стыду, я именно это и сделала. Но все будет хорошо. В конце концов она все-таки выйдет за него замуж.

По лицу Эммы пробежала тень беспокойства, и она слегка порозовела. Джейн подумала, что здесь не обошлось без мистера Найтли (которого она ни разу не видела с того дня, как было объявлено о помолвке). Она получила подтверждение своей догадке, когда Эмма сказала:

— Мистер Найтли все расставил по местам. Он всегда подталкивает меня в правильном направлении, когда я сворачиваю не туда. Думаю, мы с ним всегда любили друг друга, хотя обнаружили это совсем недавно. Он сказал, что, когда мы поженимся, мне лучше начать писать романы. Это удовлетворит авантюрную часть моей легкомысленной натуры.

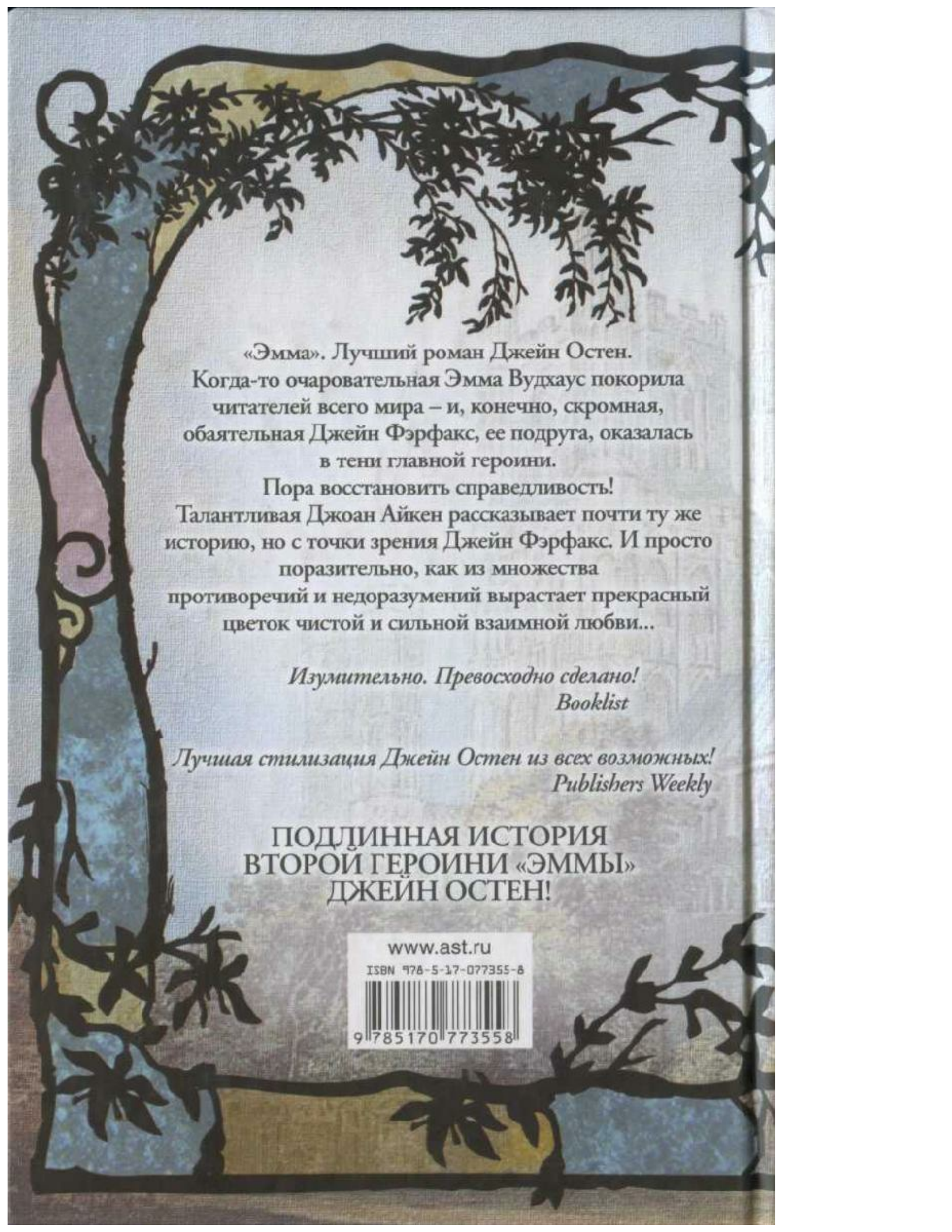
— Ох! — воскликнула Джейн, и на ее лице отразилось искреннее сожаление. — Как много времени мы потеряли! С острым чувством потери она вспомнила желудевые чашечки, которые очень долго хранила в надежде, что Эмма когда-нибудь придет и они вместе устроят маленький праздник. С едва уловимой насмешкой над собой — да и над Эммой тоже — она добавила: — А мистер Найтли всегда хотел, чтобы мы подружились.

— Да, и став друзьями, мы могли бы изменить судьбы друг друга.

— Очень может быть, — вздохнула Джейн, подумав о Рейчел Диксон. — Но теперь у нас не будет такого шанса. Слишком поздно.

И Эмма с грустью ответила:

— Да, это правда, но все-таки мы больше не враги.

«Эмма». Лучший роман Джейн Остен.
Когда-то очаровательная Эмма Вудхаус покорила
читателей всего мира – и, конечно, скромная,
обаятельная Джейн Фэрфакс, ее подруга, оказалась
в тени главной героини.

Пора восстановить справедливость!
Талантливая Джоан Айкен рассказывает почти ту же
историю, но с точки зрения Джейн Фэрфакс. И просто
поразительно, как из множества
противоречий и недоразумений вырастает прекрасный
цветок чистой и сильной взаимной любви...

Изумительно. Превосходно сделано!
Booklist

Лучшая стилизация Джейн Остен из всех возможных!
Publishers Weekly

**ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ
ВТОРОЙ ГЕРОИНИ «ЭММЫ»
ДЖЕЙН ОСТЕН!**

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-077355-8

9 785170 773558

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

Точнее, Фионуала. В лебедя ее превратила мачеха.

Негус — сорт глинтвейна.

Десятинный амбар использовался для хранения зерна, которое взималось приходским священником в качестве церковной десятины.

Одна из героинь «Декамерона» Боккаччо.

Карточная игра.

Великопостная милостыня — символическая раздача милостыни от имени монарха; производится в Лондоне или другом городе в Великий четверг; раздаются специально отчеканенные серебряные монеты в 1, 2, 3 и 4 пенса.

Аррорут — мука из подземных побегов или корневищ маранты — многолетнего травянистого тропического растения с крупными листьями, из корневища которого добывается крахмал.